И. А. Масленицына

Кавалеры и дамы белорусского Ренессанса

Минск
"Полымя"
2000

УДК 882.6-32
ББК 84(4Беи)6-44 М 31

Серия основана в 1999 году

Масленицына И. А,

Кавалеры и дамы белорусского Ренессанса. — Мн.: Полымя, 2000. — 192 с.: ил. — (Двое в истории)

ISBN 985-07-0303-5.

Эта книга — первая из серии «Двое в истории». Состоит она из тридцати небольших новелл о любви — теме вечной и волнующей. Новеллы охватывают время от XV до XVII столетия и отражают одну из интереснейших эпох в истории Беларуси — период белорусского Возрождения. На основе документальных фактов автор знакомит читателя с богатым духовным миром и интимной жизнью известных исторических личностей.

УДК 882.6-32
ББК 84(4Беи)6-44

ISBN 985-07-0303-5

КАВАЛЕРЫ И ДАМЫ БЕЛОРУССКОГО РЕНЕССАНСА

В истории каждого народа есть период, который сравнивают с мифологическим Золотым веком. Для белорусов — это эпоха Ренессанса, начавшаяся у нас в конце XV и продлившаяся почти до самого конца XVII века. После мрачного оцепенения средневековья — времени жестоких рыцарских распрей и религиозных гонений на инакомыслящих — Европу всколыхнула восторженно-ликующая волна Возрождения. От своего эпицентра, Италии, она устремилась сначала во Францию и Германию, затем перекинулась на Испанию и Англию. Белорусские земли стали самым дальним восточным рубежом распространения весеннего духа европейского Ренессанса.

Белорусское Возрождение в отличие от итальянского, французского или английского, к сожалению, не дало нам ни знаменитых живописцев, ни поэтов мирового уровня, оно не поспособствовало рождению на наших землях прославленных музыкантов. Для нас Золотой век был веком философов и просветителей, расцвета национальной государственности, выхода на арену истории мудрых политиков и выдающихся полководцев. А еще — временем самых сильных, самых потрясающих людских драм, самых прекрасных любовных историй. Это был час, когда общественное сознание самым замечательным Божественным творением признавало человеческую жизнь; когда между монаршим долгом, и долгом перед любимой женщиной великий князь без колебания выбирал второе; когда ромео и джульетты, разделенные религиозными предубеждениями и догмами, не боясь проклятий святых отцов, соединялись, чтобы быть вместе «в беде и радости»; когда страсть торжествовала над ужасами войны; когда беды и напасти постигали целые народы из-за любви мужчины к женщине.

Обращаясь к тем временам, нередко повествуют о событиях, не вспоминая о страстях человеческих, которые прямо или косвенно служили их причиной. В этой книге мы отступим от сложившихся правил и расскажем о любви и нелюбви наших предков — кавалеров и дам белорусского Ренессанса.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

О том, как вероисповедание одной женщины стоило государству двух войн

Когда самые первые ростки Возрождения взошли на землях Беларуси, правителем здесь был Великий князь литовский Александр Ягеллон. Четвертый сын польского короля Казимира IV, он был высокообразован и умен. А в народе Александра называли милостивым. Время Александра было временем молодости самых прославленных героев белорусского средневековья, временем дерзких замыслов и благородных устремлений.

Великий князь приблизил к себе прогрессивно мыслящих молодых магнатов: Константина Острожского и Михаила Глинского, будущих знаменитых полководцев; Альбрехта Гаштольда, известного в дальнейшем политика; братьев Януша и Миколая Радзивиллов, с которых началась слава этого рода. Подобно легендарному королю Артуру, Александр собирал этих вассалов в одном из тайных залов виленского великокняжеского дворца за круглым столом, где все были равны. Называл их друзьями, дозволял спорить с собою, отстаивая правоту.

К сожалению, редко бывает так, чтобы судьба просвещенного монарха во всем складывалась удачно. Только несколько месяцев мирного правления было даровано небесами Александру. А потом началась война. Военным противником Александра стал восточный сосед, великий князь московский Иван III. Вошедший в историю под именем «собирателя Руси» Иван III не однажды высказывался подобным образом: «Ано не то одна наша отчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные городы, которые он (Александр.— Авт.) за собою держит к Литовской земле, с Божьей волею из старицы от наших прародителей наша отчина» . И наконец решил претворить в жизнь свои намерения.

Война продолжалась два года. Московское княжество оказалось очень сильным противником. Когда зашел разговор о перемирии, Александру пришлось уступить Москве большую часть территорий в верховьях Оки, а также ряд городов Смоленщины, самыми крупными из которых были Вязьма и Дорогобуж. Друзья-вассалы Александра, хорошо осознавая, что это перемирие может оказаться только временной передышкой, стали советовать ему попытаться обезопасить себя способом не новым, но вполне надежным, а именно — посвататься к старшей дочери Ивана III, Елене. Великий князь решил

последовать их совету. Такова была предыстория самой роковой страсти белорусского средневековья.

В 1494 году Москва принимала послов великого князя литовского, миссией которых было выслушать последние условия Ивана III и препроводить московскую княжну Елену к жениху.

Литвины были удивлены, как легко пошел московский владыка навстречу предложению Александра. Однако многих насторожило то, что главным требованием великого князя московского было не принуждать княжну Елену Ивановну к принятию католичества. За этим чувствовался тщательно рассчитанный политический ход. Но какой? Раздумывать и колебаться в столь нестабильной политической ситуации было некогда. И послы, во главе которых выступал Альбрехт Гаштольд, согласились с условием Ивана III, выторговав, правда, легкую уступку: Елена Ивановна может сменить отцовскую веру на веру мужа по собственному желанию.

Невеста оказалась красавицей. Когда ее вывели к послам, те, изумленные, упали перед княжной на колени, как перед святой, и стали просить ее быть доброй и ласковой к их государю.

Свадебный кортеж восемнадцатилетней княжны московской ехал в Вильно через опаленные войной города и села, и люди встречали его со слезами радости на глазах. Юная прекрасная невеста казалась им олицетворением грядущего прочного мира.

Услышав о приближении княжны, Александр в нетерпении выехал из своей столицы навстречу будущей супруге.

Посылая сватов в Москву, великий князь литовский готов был пожертвовать личным счастьем ради блага своего государства. Однако судьбе было угодно подразнить благородного правителя призраком любви. Елена Ивановна тронула сердце Александра и своей сказочной красотой, и своими женскими достоинствами. Похожая на «ангела в человеческом облике», она была, по словам самого великого князя, «смиренна, ласкова и послушна». Мужественная внешность Александра и его рыцарское отношение к ней покорили Елену. Но что-то мешало ей смело заявить о своих чувствах и радоваться венчанию, которое вскоре должно было состояться. Прибыв в Вильно, московская княжна часто плакала, дичилась своих будущих подданных, краснела в присутствии жениха.

Александр заподозрил неладное. И вскоре выявил причину. Невесту запугали до смерти еще в Москве. Провожая Елену к жениху, отец в присутствии самых уважаемых своих бояр произнес речь, предупреждая дочь, чтобы та ни в коем случае не переходила в католичество, ибо иначе она загубит свою бессмертную душу.

«И хотя будет тебе, дочка, про то и до смерти пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила», — эффектно окончил свое поучение Иван III. К отцу присоединилась и мать, властолюбивая византийка Софья Палеолог. Она довела до разумения дочери, что если уж ей суждено стать женой злейшего врага ее отчизны, то и должна она себя вести рядом с ним как библейская Эсфирь: думать не о любви и иных личных чувствах, а о своем народе. И защищать его перед злобным и жестоким мужем-владетелем.

Не успокоил несчастную Елену и ее духовник Фома, который должен был сопровождать ее в Вильно. Всю дорогу он пересказывал ей жития святых мучеников и мучениц, которые предпочли страшную смерть измене своей веры. Мало того, Фома учинил настоящий скандал в главном католическом соборе Вильно при венчании Елены с Александром. Во время обряда, проводимого архиепископом Войцехом Табором, он вдруг выступил вперед и начал петь православные молитвы, заглушая архиепископа. Фома также настоял на праве православных московитов держать венец над головой невесты. По его категорическому требованию католический архиепископ благословил только жениха, а невесту благословлял он сам.

Таким образом, весь обряд венчания выглядел подозрительно как с точки зрения католиков, так и с точки зрения православных. И папа римский, узнав о том, в каких условиях был заключен брак великого князя литовского, не замедлил прислать в Вильно возмущенное письмо. Он отказывался признать брак законным и грозил великокняжеской паре разводом. Единственным выходом из создавшегося затруднительного положения глава католической церкви видел в переходе московской княжны в католичество.

В необходимости предпринять этот шаг убеждали Александра и действия московитов, прибывших вместе с Еленой в Вильно. Некоторые из них оказались шпионами Ивана III, другие пытались настраивать против него его молодую жену. Елена, вся душа которой стремилась к счастью и любви, боялась отдаться до конца этим чувствам. Только в православных храмах она казалась естественной, только в беседах с православными священниками открывала до конца свое сердце. В первые же дни своего пребывания в Вильно Елена сделала ряд богатых пожертвований в пользу местных православных церквей и монастырей края. Единоверцы назвали ее «ангелом православия». А католиков это вынудило подозрительно приглядываться к своей государыне.

Александр поспешил выдворить из страны всю московскую свиту супруги, всех ее бояр, дворян, мамок, нянек, служанок. Но делу это

мало помогло. На пути к любви стоял страх и предрассудки. В такой обстановке стал намечаться некий раскол между католическими и православными подданными Александра. И великий князь литовский понял, наконец, что настойчивое требование Ивана III сохранить Елену в православной вере было политическим ходом, направленным на религиозный раскол магнатства и шляхты Александровой державы. Если дочь останется православной, через нее можно будет влиять на настроение православных белорусских магнатов, которых в Великом княжестве Литовском большинство. Окончиться все это могло бы добровольным отделением огромной территории «православной Литвы» и присоединением ее к «державе единоверцев» на Востоке. Безвинная нежная Елена, которую Александр успел уже так пылко полюбить, должна была стать лишь пешкой, ловко проводимой хитрым отцом через все поле противника. Следовало хотя бы попытаться выправить положение.

Хорошо понимая, что, согласно брачному договору, он не имеет права заставить жену принять католичество, великий князь решил воздействовать убеждением. Елену окружили вниманием магнаты-католики, а также лучшие представители католического духовенства края. Приехали из Польши мать Александра и его брат, кардинал Фридерик Ягеллон. Они завели невестку в костел и там всячески уговаривали и убеждали принять участие в богослужении. Они провели в костеле целый день. Все сильно вымотались, но никакого результата не добились. Елена восприняла действия родственников своего мужа совсем не так, как они надеялись. Предупрежденная еще в Москве отцом, что ей, возможно, за свою веру доведется «до крови пострадати», великая княгиня литовская вела себя с упрямством и фанатичностью тех христианских мучениц, о которых рассказывал ей духовник Фома.

Смягчить назреваемый государственный кризис, а также конфликт в семье монарха попытался мудрый православный князь Иван Сапега, назначенный Александром канцлером двора своей супруги. Он предложил объявить в Великом княжестве Литовском религиозную унию. Это был дерзкий план, рассчитанный на то, чтобы сохранить политическое единство державы. По условиям унии, и православные, и католики оставались в своей вере и совершали религиозные обряды по традициям церкви, к которой принадлежали. Но во избежание «московских влияний» униаты переходили в подчинение папы римского.

Узнав о планах Сапеги и испугавшись, что Елена в стремлении сохранить мир и покой в семье и в тревоге за судьбу новой родины согласится поддержать их, Иван III решился на разрыв добрососед-

ских отношений с зятем. Война, формальным поводом которой стало «принуждение Елены Ивановны к смене веры», началась в 1500 году. Она с самого начала сложилась для Александра неудачно: 14 июля его войска потерпели серьезное поражение, попали в плен главнокомандующий Константин Острожский, ряд представителей высшей знати страны, были захвачены противником все армейские обозы и пушки.

Елена Ивановна вдруг почувствовала, как волна ненависти накатывается на нее со всех сторон. Даже муж, показалось ей, без прежней нежности смотрел на нее, стал холоден и неприступен.

Но это было не совсем так. В душе Александра в это время происходила тяжелая борьба. Подданные требовали от него развода. Рим настаивал на том, что брак с Еленой нельзя признать действительным. А сам великий князь не мог подавить в своем сердце пылкую страсть. Он страдал от непонимания окружающих, отсутствия духовной близости с женой, но продолжал любить.

В 1501 году умер старший брат Александра, польский король Ян Ольбрахт, и поляки предложили государю литвинов занять опустевший престол, фактически объединяя Королевство Польское и Великое княжество Литовское. Условия, выдвинутые поляками, были тяжелы для литвинов. Соглашаясь на них, Александр думал прежде всего о том, что в одиночку дальше вести войну с Москвой княжество не сможет. Когда он в Кракове был коронован на польский трон, Елены рядом с ним не было. Польские священники отказали ей в праве короноваться как супруге короля из-за военного конфликта, причиной которого было ее вероисповедание. Последнее предложение стать ради спокойствия и блага державы католичкой Елена со слезами на глазах вновь отклонила.

Уехав в Польшу, Александр вынужден был оставить жену в Вильно, где, думал, она будет в более доброжелательном окружении. Но и православные литвины теперь уже относились к своей государыне с предубеждением. Они обвиняли ее в том, что из-за нее Великое княжество Литовское лишилось своей самостоятельности, соединившись политически с Польшей.

В отчаянии великая княгиня написала своему воинственному отцу письмо, в котором молила его остановить кровопролитие: «Король его милость и матка его, вси надеялися, что со мною с Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, любовь кровная, дружба, помочь на поганство; ино, отче, видят вси, что со мною все лихо им вышло...»

Письмо повез в Москву Иван Сапега. К этому времени его планы о заключении унии осуществиться уже не могли, ибо папа римский, почему-то испугавшись, отказался поддержать их. Умный и

дальновидный политик Иван III понял, что сила его противника намного возросла с того времени, как тот стал польским королем. Это становилось опасным для Москвы, и великий князь решил наконец прислушаться к мольбам дочери. В 1503 году он согласился на шестилетнее перемирие при условии, что к Московскому великому княжеству перейдут Стародубское и Новгород-Северское княжества, а также 25 городов, среди которых были Брянск, Мценск, Торопец, Белый. Треть территории Великого княжества Литовского!

Александр почувствовал себя окончательно сломленным. Пылкая страсть и нежность к жене уступили место холодному равнодушию. На людях он был вежлив и добр к Елене, но она сама чувствовала, что это только ради сохранения приличия. Возможно, семейные отношения Елены и Александра можно было бы еще подправить, если бы у них появились дети. Но московская красавица, потеряв первого своего ребенка из-за переживаний, связанных с войной, которую ее отец вел против мужа, больше детей иметь не могла. И все-таки Александр не спешил расторгать с ней брачный союз — утратив к Елене любовь, он продолжал жалеть ее.

Глубокие душевные страдания Александра усилили его польские подданные. Подписав в минуту отчаяния документы, король польский и великий князь литовский терял право на принятие единоличных и непререкаемых решений. На каждое свое действие теперь он должен был просить разрешения у своих самых влиятельных подданных-поляков. В одной из стычек с ними, когда Александру пришлось отстаивать свою монаршую честь перед краковским духовенством, короля хватил удар. Потом была долгая болезнь, во время которой Елена неотлучно находилась подле разлюбившего ее супруга. Агония несчастного монарха проходила в условиях новой, необъявленной войны — постоянных нападений союзников Москвы, крымских татар.

В 1506 году Александр умер. Елена горько оплакивала его, заказывая одну за другой в православных храмах поминальные службы по дорогому ей католику.

За год до этого отошел в мир иной Иван III. Елена лишилась всяческой поддержки и заступничества. Она скромно жила в своем дворце почти в полной изоляции. Попробовала было выехать на родину, где правил теперь ее брат Василий III, но литвины не позволили ей вывезти все те богатства и сокровища, которые принадлежали ей как великой княгине литовской. А вернувшись бедной в Московию, она могла в лучшем случае рассчитывать только на монастырское житье. Этот инцидент Василий III, по примеру отца, использовал как повод для новой войны, которая и началась в 1512 году.

Злоба и раздражение вокруг Елены сгустились до предела. В январе 1513 года она внезапно умерла в Браславе во время банкета, устроенного по случаю ее приезда. Многие утверждали, что ее отравили...

РАССКАЗ ВТОРОЙ

О том, как благодаря жемчужному ожерелью
граф получил спутницу жизни

Когда зимой 1494 года над заснеженной Москвой раздавался малиновый звон и радостные крики московитов, выдающих замуж за великого князя литовского Александра свою княжну, взгляды многих горожанок с любопытством и восхищением останавливались на фигуре галантного молодого литвина. Именно он выступал здесь в качестве доверенной особы жениха. Имя его было — граф Альбрехт Гаштольд. В присутствии самых знатных московских бояр от имени своего господина Гаштольд принес клятву верности Елене Ивановне и в святом храме надел ей на палец обручальное кольцо Александра Ягеллона.

Выбор великого князя литовского пал на Гаштольда не случайно — это был талантливый политик и один из самых близких его друзей. К тому же незадолго до сватовства Александра граф Альбрехт женился на родственнице Елены Ивановны, ее кузине княжне Софье Верейской. Тактичный Александр хотел, чтобы первым литвином, с которым его невесте придется познакомиться поближе, был человек, находящийся с нею в родстве. И чтобы Елена Ивановна, услышав от него, какие нежные чувства могут связывать в браке супругов, один из которых — литвинский магнат, а другая — московская княжна, один — католик, другая — православная, радостно мечтала о встрече с суженым. Готовясь в Вильно к торжественному приему невесты, великий князь литовский запланировал еще одну приятную для Елены неожиданность: ей навстречу, решил он, выйдут четыре представителя самых знатных магнатских родов Великого княжества Литовского. И среди них будет Софья Верейская, супруга Гаштольда.

История любви княжны Верейской и Альбрехта Гаштольда была необычна. И хотя сам граф всегда рассказывал об обстоятельствах, которые предшествовали ей, с легкой иронией, — довольно драматичной.

Княжна Софья была дочерью опальных родителей. Отец ее, Василий Михайлович, приходился троюродным братом великому князю московскому Ивану III и был одним из самых верных его подданных. Преданность свою царственному родственнику князь Верейский доказал на поле брани, участвуя в походе московского войска на Казань, на Новгород, против татарского хана Ахмата.

После того как московский владыка вступил в брак с византийской царевной Софьей Палеолог, Василий Михайлович посватался к юной племяннице последней, Марии Андреевне. Радуясь предстоящей свадьбе, Софья Палеолог подарила хорошенькой родственнице-невесте драгоценное жемчужное ожерелье из скарбницы великих князей московских. Украшение было великолепным, и молодая с радостью приняла его. Увы, это было началом бедствий князей Верейских. Софья Палеолог сделала свой подарок, не посчитав нужным поставить в известность супруга. Через три года после свадьбы Иван III неожиданно вспомнил об этой драгоценности. Когда-то ожерелье принадлежало первой жене великого князя Московского, которая умерла. Единственный сын Ивана III от этого брака, Иван, женился на молдавской княжне и вскоре сам стал отцом. Радуясь рождению внука, великий князь московский решил сделать невестке какой-нибудь достойный ее подарок. И ничего иного, кроме того, чтобы передать ей украшение почившей свекрови, он не придумал. Но каково же было его изумление, когда он узнал, что пресловутое ожерелье уже три года как обрело хозяйку.

Поступками правителей редко руководят человеческие чувства. Ивану III, «собирателю Руси», неожиданно пришла в голову мысль использовать создавшееся положение для достижения своих политических целей. Взгляд его уже давно с вожделением останавливался на землях удельного княжества Вереи. Они должны были стать великокняжеской собственностью. Но как? Иван III придрался к истории с ожерельем и обрушил свой гнев на ни в чем не повинных Верейских. Он отдал приказ изъять у родственников фамильную драгоценность, а самих князя и княгиню кинуть в темницу.

К счастью, у Василия Верейского было много доброжелателей. От них вовремя узнал он об уготованной его семье страшной участи. Пораженный несправедливостью и жестокостью того, кому служил верой и правдой всю жизнь, князь Верейский не нашел для себя иного выхода, кроме бегства. Темной ночью, посадив впереди себя на коня маленькую дочь Софью, он тайно покинул свои владения. Рядом с ним на другом коне ехала переодетая в мужской костюм его супруга. Их не сопровождали даже самые верные слуги. И из ценностей при Верейских было только проклятое ожерелье.

Разъяренный Иван III призвал к ответу старого отца Василия Верейского, князя Михаила Андреевича. Он заставил старика отказаться от попавшего в опалу сына, потребовав от него клятвы, что ни при каких обстоятельствах он не станет поддерживать с Василием связи, никогда не будет принимать его в своих владениях и

лишит его наследства в пользу великого князя московского. Несчастный отец подчинился и через полтора года в тоске сошел в могилу.

В обстановке постоянных военных конфликтов в Литве и Москве всегда с особенным и зачастую довольно показным вниманием относились к перебежавшим на их сторону из вражеских земель магнатам. Поэтому великий князь литовский Казимир встретил попросившего у него убежища родственника Ивана III очень ласково. Он милостиво передал во владение Верейским Любеч, Койданово, Усу, Старынки, Ислочь, Воложин и Радошковичи. И хотя не приблизил к себе, стал отныне использовать имя князя в своих политических полемиках с Москвой.

В 1493 году, через 10 лет после того как Василий Верейский вынужден был покинуть родину, Софье Палеолог, которая чувствовала себя виновной в происшедшем, удалось вымолить для беглеца прощение у своего сурового мужа. Но оскорбленный князь наотрез отказался возвращаться. Тому была и другая причина — единственная дочь Софья. Не помня своей настоящей родины, девушка выросла литвинкой. Выдать дочь замуж в Великом княжестве Литовском и коротать старость подле нее — было единственным желанием Верейского. А вскоре оно и исполнилось. Тринадцатилетняя Софья покорила сердце графа Альбрехта Гаштольда. Начитавшись рыцарских романов из обширнейшей родовой библиотеки (она была чуть ли не самой богатой в Великом княжестве Литовском), Альбрехт поклялся построить в честь Софьи замок, достойный королевы. Так в имении Гаштольдов Геранёны возник роскошный дворец, ставший главной резиденцией этого рода.

Подписывая с родителями княжны брачный договор, романтичный граф не пожелал брать за невестой иного приданого, кроме ожерелья, ставшего причиной появления Верейских в Великом княжестве Литовском. Но оценив скромность и искренность чувств зятя, князь Василий решил щедро вознаградить его. Вместе с рукой княжны Гаштольд получил право на лучшие имения, принадлежавшие Верейским в Литве. А со временем и все, что имел князь Василий, перешло во владение Гаштольдов, ибо иных наследников Верейские не имели.

Судьба человеческая — вещь непредсказуемая. Невозможно предугадать смертным, кому и за что будет как наивысший дар ниспослано семейное счастье, кто и за что будет наказан отсутствием оного. Брак блистательной великокняжеской пары, Александра и Елены, к устройству которого приложил руку как доверенное лицо

жениха Гаштольд, вопреки всем прогнозам оказался более чем неудачным. Любовь же графа Альбрехта к кузине Елены Ивановны, княжне Верейской, освещала всю его жизнь ровным светом душевной теплоты и взаимопонимания. Софья вдохновляла супруга на самые значительные его деяния. Заняв в 1519 году высший государственный пост — пост канцлера великого литовского, Гаштольд во многих державных делах прибегал к совету жены. Обсуждал с нею вопросы, связанные с подготовкой основного закона государства, Статута Великого княжества Литовского 1529 года. Однажды целомудренная Софья обратила внимание супруга на непозволительное поведение польских монахов на литвинских территориях. И Гаштольд тут же выступил на государственном совете с требованием изгнать за пределы страны блудливых святых братьев, которые к тому же, к справедливому возмущению жителей, в общении с ними никакого иного языка, кроме как польского, не употребляли.

Вместе с Софьей граф Альбрехт занимался меценатством, поощрял талантливых художников своей родины. Любимой Софье доверял ведение всех хозяйственных дел, отправляясь в военные походы. Их чувства не смогли погасить и годы.

Быть может, жемчужное ожерелье великих князей московских, подаренное когда-то теще Гаштольда, действительно являлось удивительным талисманом, гарантировавшим супружеское счастье?

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

О том, как слуцкая княгиня обороняла сбой город и свою честь

При великом князе литовском, короле польском Александре самой влиятельной личностью в государстве и самым его ближайшим советником был князь-полководец Михаил Глинский. По происхождению татарин и даже потомок хана Мамая, по традициям жизни — европеец, по вероисповеданию — христианин, он достойно служил своей родине. Глинский провел реорганизацию войска Великого княжества Литовского, создал первые в стране гусарские эскадроны. Из боевых побед Михаила Глинского самой значительной, самой славной была победа под Клецком — сокрушительный разгром крымских татар, которые в XVI веке своими жестокими набегами буквально опустошали южные земли Беларуси и представляли серьезную опасность для государства.

Слава, власть, уважение — все было у князя Михаила Глинского. Но умер Александр, престол занял его младший брат Сигизмунд I Старый, и утратил Глинский то, что имел ранее. Оговорили его перед новым государем недоброжелатели, и отдалил его от себя Сигизмунд. Начал обижать, отбирать у семьи Глинских подаренные Александром должности и имения и даже прилюдно оскорбил князя Михаила, обвинив в государственной измене. Решился тогда Глинский поднять против Сигизмунда мятеж.

Это произошло в 1508 году. Центром мятежа стала Туровщина, где у Глинского были имения. Войско Глинского захватило города Мозырь и Клецк, осадило Житомир и Овруч. Взгляд Глинского остановился в конце концов на Слуцке. Мощная крепость могла бы быть использована им в целях обороны. Это был один из лучших фортов в Великом княжестве Литовском. Но не с оружием пришел сначала сюда мятежный князь, а с богатыми подарками для слуцкой госпожи.

Слуцким княжеством правила в то время женщина, молодая вдова князя Семена Олельковича. Звали ее Анастасией. Это была необычная женщина. Еще при жизни князя Семена вместе с ним мужественно защищала она свои земли от набегов татар.

Впервые с ними, по данным хроник, Олельковичи столкнулись летом 1502 года. Татары переправились через Припять и начали грабить белорусские села на севере от реки. Отряд Семена Олельковича, объединившись с частью великокняжеских войск, срочно вызванных им на помощь, разбил татар на реке Уше.

Немногим позже, в конце августа этого же года, шеститысячное войско крымского хана Баты-Гирея подошло к Слуцку. Татары заняли город. Но случчане затворились в княжеском замке, и он выдержал штурм врагов.

Следующим летом после нового татарского набега были сожжены Несвиж, Клецк и Новогрудок. Трехтысячный отряд татар появился и под Слуцком. На этот раз здесь было все подготовлено к отпору. Правда, князь Семен находился в отъезде, но его место заняла Анастасия. Облачившись в доспехи, слуцкая княгиня вывела войска против татар в поле. И они были отброшены от стен города. А за Припятью их догнал подоспевший князь Семен и довершил начатое женой дело.

В середине августа 1505 года крымский хан Баты-Гирей с войском снова наведался «в гости» в Слуцк. Город отбил несколько атак. Крымчаки делали подкопы, пытались поджечь город, взорвать укрепления. Но это им не удалось. Благодаря прекрасно налаженной Олельковичами обороне Баты-Гирею пришлось снять осаду. Но, вернувшись в Крым, татары оставили на этот раз в Великом княжестве не только разоренные города и села, но и страшную болезнь.

Эпидемия унесла жизни многих людей. Заразился и князь Семен. Знахари не смогли спасти его. Анастасия овдовела. На ее руках остались двое маленьких детей — сын Юрий и дочь Александра. Все дела Слуцкого княжества легли на ее плечи. Она была еще в трауре, когда в июле 1506 года пришлось отбивать очередное нападение татар — Баты-Гирей вместе с братом снова посетил Слуцк. Облаченная в доспехи вдова вышла на городские стены. Она призвала случчан не пожалеть жизни за малолетнего князя слуцкого, ее сына Юрия, и не дать поганым нехристям захватить город. Эти слова воодушевили людей. И хотя двадцатитысячное татарское войско хан неоднократно посылал на штурм, татарам в конце концов пришлось отступить, не солоно хлебавши. Они пошли к Клецку, где и разбили главный лагерь. Оттуда в разные стороны расползлись небольшие отряды грабителей. Один из таких отрядов покусился на копыльские владения Анастасии. Вдова тут же послала войско, дабы очередной раз проучить наглых татар. Матей Стрыйковский, историк и современник Анастасии, так описал в стихах копыльские события:

Настасья, княгиня Слуцкая, своих бояр
Послала перенять пугливых татар.
Много их под Копылем было убито.
И горлом у Петрович заплатило мыто.

Этот эпизод произошел как раз в преддверии славной для белорусской истории битвы под Клецком. Чувствуя, что угроза государству от крымских татар становится все большей, умирающий великий князь литовский Александр велел Михаилу Глинскому как лучшему из литвинских полководцев вести главные войска княжества против ханов. Талант Глинского принес литвинам блестящую победу. Но слава полководца, выигравшего великую Клецкую битву, не затмила полностью славы мужественной слуцкой княгини. Ее отвага восхищала Глинского. Не интересуясь всерьез до этого времени ни одной из женщин, Глинский стал задумываться о том, как бы связать свою судьбу с мужественной, привлекательной Анастасией. К тому же властолюбивого Глинского опьяняла мысль о том, что в случае согласия обширные земли Слуцкого княжества и богатства рода Олельковичей перейдут в его владение, и как муж княгини Анастасии Олелькович он сможет претендовать на киевское княжение, которое совсем недавно было утрачено родом.

Поэтому в 1508 году, уже мятежник, Михаил Глинский пришел в Слуцк с дарами для Анастасии и предложил ей стать его женой. Вопреки его чаяниям, слуцкая княгиня дала решительный отказ. Причина остается тайной. Возможно, Анастасия желала сохранить верность мужу, единственному человеку, которого любила в своей жизни. Может, ее беспокоила и судьба сына, который потерял бы права на княжество, если бы у него появился младший брат от отчима. Безусловно, смущало княгиню и татарское происхождение жениха, ведь татары принесли ей так много горя. Положение Глинского в данном случае не улучшало ни то, что род его давно уже осел в Великом княжестве Литовском и принял христианство, ни то, что именно он разбил крымчаков в славной битве под Клецком. Вероятно, отказ Анастасии Слуцкой был вызван и несогласием с действиями мятежника. Но скорее всего Глинский просто не нравился ей как мужчина. А выходить замуж без любви она не хотела.

Как бы там ни было Михаил Глинский почувствовал себя оскорбленным и решил отомстить, взяв Слуцк силой. Войско князя дважды подходило к городу, штурмовало замок и пыталось поджечь укрепления. Но его встречали пушечным огнем. Неприступная для татар крепость не сдалась и на милость их победителя.

Можно представить себе, каким было это стыдом для такого прославленного полководца, как Михаил Глинский. Тем не менее он вынужден был отвести войска.

Более пути мужественной Анастасии Слуцкой и мятежного Михаила Глинского не пересекались. Но память о женщине, которая с таким достоинством отстаивала свой город и свою честь, навсегда оставила след в сердце князя Глинского. Ни одна победа в дальнейшем не приносила ему полной радости, ибо он помнил про свое поражение под Слуцком. И ни одна неудача после Слуцка не била так сильно по его самолюбию.

А княгиня Анастасия до самой своей смерти (в 1525 году) обороняла Слуцк от непрошеных гостей. И при ее жизни слуцкий замок-крепость не удалось взять никому из зарившихся на него врагов.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, как много можно сказать взглядом

Листая пожелтевшие страницы старинных книг, можно найти множество прекрасных преданий о любви. Есть предания о любовных напитках и колдовских амулетах, о тайных клятвах и обетах, произносимых в присутствии свидетелей, о молчании и о словах. Это — предание о взглядах.

Самым молодым среди друзей Александра Ягеллона был Януш Радзивилл. Возможно, чувствуя себя из-за этого не совсем уютно, юный магнат решил повзрослеть хотя бы внешне. И как только юношеский пушок на его лице превратился в жесткую щетину, поспешил отпустить длинную бороду. За это князь Януш получил почетную для молодого человека кличку Бородач и снискал еще большее расположение своего государя, который всегда отмечал подданных, способных на поступки.

Молодой красавец с роскошной бородой пленял воображение многих шляхетных представительниц прекрасного пола. Но женою своей он назвал шестнадцатилетнюю графиню Альжбету, сестру Альбрехта Гаштольда, подругу своих детских игр. Зная о всепоглощающем чувстве, которое повелевает человечеством, только по книгам да старинным легендам, Януш Радзивилл принимал дружеское расположение к Альжбете за настоящую любовь.

Десять лет длился этот брак. Альжбета подарила супругу трех сыновей и двух дочек-близнецов. Но никому из детей не суждена была долгая жизнь. И вот в склеп родителей Януша один за другим были внесены пять маленьких гробиков. Сама Альжбета умерла в 1502 году.

Потеря жены-друга надолго омрачила жизнь Бородача. Постоянный спутник своего государя почти во всех важнейших политических и военных кампаниях, двадцатидевятилетний Януш вдруг отошел от дел державных и затворился в своем замке на целый год.

Но жизнь продолжалась, и Януш Радзивилл женился вторично. Новая супруга, Богдана Лукомская, была избрана им из династических соображений: Бородач нуждался в наследнике. Однако неудачи продолжали преследовать Януша. Одну за другой жена родила ему двух дочерей, а потом доктора объявили, что состояние ее здоровья не позволяет ей больше иметь детей. Целая ветвь рода

Радзивиллов должна была прерваться. Януш пребывал в мрачном расположении духа, стал замкнут и молчалив.

В 1506 году князь Радзивилл был вызван к ложу умирающего Александра, несчастного короля и великого князя. Как и Януш, монарх не имел наследника. Последние его минуты были минутами мучительного раздумья о том, кого мог бы он назначить продолжателем своих дел. Из уст умирающего, наконец, после долгих колебаний, вырвалось имя младшего брата, Сигизмунда.

У Януша Радзивилла тоже был младший любимый брат — Ежи. Не имея сыновей, Бородач с особенной нежностью относился к нему и всячески опекал. Подумывая о том, что, возможно, именно Ежи предстоит со временем стать его наследником, Януш активно принимал участие в личных делах до сих пор неженатого брата.

В 1511 году Ежи попросил Януша стать посредником в его сердечных делах, поскольку намеревался сватать рыжеволосую княжну Барбару, одну из сестер Петра Кишки.

Погожим летним днем два конных рыцаря в сопровождении оруженосцев и доверенных слуг въехали в ворота замка князей Кишек. Навстречу гостям, раскинув руки для дружеских объятий, вышел сам хозяин с супругой. Он уже знал о цели визита.

Рыжеволосая улыбчивая невеста, соблюдая требования этикета, послала воздушный поцелуй жениху издали, с балкона. Подняв вслед за братом голову вверх, Януш Бородач оценивающе взглянул на княжну Барбару. Она ему понравилась. И вдруг из-за спины невесты возникла другая девушка. Она была высока и стройна. Аккуратная маленькая головка, обвитая три раза темно-каштановой косой, выглядела так, будто это была голова королевы, увенчанная короной. Их взгляды встретились и несколько бесконечно долгих мгновений вели неслышный задушевный разговор. Потом Бородачу ценою великий усилий удалось отвести взгляд от бездонных очей сестры Петра Кишки, княжны Ганны...

Об этом визите братьев Радзивиллов в замок князей Кишек в хронике того времени сохранилось беглое замечание, тем не менее дающее простор для фантазии: «... тем разом сватаючи Барбару Кишчанку, княжну, у ее родичей Радзивилл вел себя не как подобает свату, меньше говорил, а все молчал и смотрел на сестру невесты, чем немало ее смутил».

Януш не перемолвился ни словом с той, что с первого взгляда завладела его воображением. Он хорошо понимал, что не имеет на это право, ибо был женатым человеком. Но взгляды порою бывают гораздо красноречивее слов.

Ежи, увидевшему несостоятельность старшего брата как свата, пришлось самому выполнять эту роль. Благо Петр Кишка был изначально настроен положительно. Вскоре произошло обручение, потом — свадьба. В следующем году у молодой пары уже родился сын-первенец Николай. Рыжеволосый, как мать.

Приехавшая на крестины Ганна вновь встретилась со смутившим ее покой год назад рыцарем. И вновь слов не было — их заменяли восхищенные взгляды. На этот раз более страстные и откровенные, потому что на крестины племянника Бородач приехал уже вдовцом. Не освященный любовью брак его был расторгнут небесами, внезапно призвавшими к себе княгиню Богдану.

В конце этого года, как только закончился положенный приличиями срок траура, Януш Радзивилл посватался к Ганне Кишке.

Первые слова любви, обращенные к ней, были произнесены Янушем только перед алтарем. Но это не смутило девушку. Ибо до этого они так много уже успели сказать друг другу о своих чувствах взглядами.

Им была ниспослана счастливая семейная жизнь, двое прекрасных послушных сыновей и любовь, длившаяся до тех пор, пока смерть не разлучила их.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

О том, как опасно заводить неблагородных любовников

Ренессанс Беларуси стал временем постепенного возвышения и расцвета магнатского рода Радзивиллов, давшего Европе десятки талантливых политиков и полководцев, деятелей культуры и искусства. Недаром уже в начале XVII столетия Радзивиллов заслуженно называли некоронованными королями Литвы и Беларуси.

Первым представителем этого рода, о котором заговорила удивленная Европа, была женщина — княжна Анна, старшая сестра Януша Бородача.

В двадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за уже немолодого мазовецкого князя Конрада III Рыжего. Анна стала третьей его женой. Может, и не спешил бы седой вдовец Конрад обзаводиться молодой хозяйкой, если бы имел наследника. Но две предыдущие жены не родили ему детей. Анна Радзивилл, хорошо понимая ради чего мазовецкий князь повел ее к алтарю, выполнила свой женский долг как можно лучше. Двух сыновей и двух дочерей подарила она Конраду. И счастливый отец воспрял духом. Обычно довольно пассивный в делах политики, он, заимев наследников, стал на удивление агрессивно бороться за расширение границ своего княжества. Это обеспокоило его врагов. И вот в 1503 году Конрад III Рыжий умер. Смерть эта была безвременной и таинственной.

Похоронив мужа, Анна стала регентшей своих малолетних сыновей и от их имени правила Мазовией. Она показала себя энергичной и мудрой правительницей, всячески обороняла свое княжество от покушений соседей, расширяла его границы, добивалась религиозной автономии Мазовии и заботливо опекала подданных, которые неоднократно выказывали поддержку ее торговой политике.

Но не бывает так, чтобы даже самый разумный человек прожил жизнь, не допустив ни одной ошибки. Ошиблась и Анна. Серьезно ошиблась. Влюбилась в красивого шляхтича Анджея Желинского. Потеряла голову и позволила любимому встать рядом с нею у кормила власти. Достойный человек повел бы себя в такой ситуации с осмотрительностью и мудростью и не совершил бы ничего, что повредило бы его народу и любимой женщине. Но Анджей не обладал этими качествами, имея при этом большие амбиции.

Идея использовать страсть Анны для того, чтобы разбогатеть, добиться славы и, возможно, даже со временем занять мазовецкий престол, женившись на княгине-регентше, овладела им. Окружив себя верными рыцарями, Желинский стремился, чтобы его приверженцы занимали важные служебные должности в мазовецком княжестве. Эти люди начали своевольничать, укрепляя свое положение угрозами физической расправы с недовольными, открытым грабежом и взяточничеством. Народ боялся жаловаться на выдвиженцев княгининого фаворита. Тем более, что у них оставалась еще надежда. В 1515 году старшему сыну Анны Радзивилл и Конрада Рыжего исполнялось восемнадцать лет. По законам Мазовии он становился взрослым мужчиной, и, значит, срок регентства Анны подходил к концу.

Но княгиня и не думала уступать кому-либо власть. А сыновья ее росли добрыми и послушными юношами и вовсе не выказывали желания бороться с матерью за свои права.

Поняв это, мазуры решились на мятеж. Шляхта, спешно вооружившись, собралась под замком в Макове, любимой резиденции Анны, где проводила она теперь большую часть времени, наслаждаясь ласками своего фаворита. К княгине были направлены делегаты, которые, не выходя за рамки приличий, высказали желание подданных Анны видеть своим правителем подросшего княжича.

— Чем вы недовольны? — удивилась Анна. — Я стараюсь править справедливо и милосердно. А сын мой еще очень молод и неразумен. Не лучше ли будет всем нам, если я еще некоторое время побуду его опекуншей?

И тогда шляхта взорвалась шквалом обвинений. Мазуры чернили фаворита княгини, который, они не сомневались, был инициатором недостойного правительницы поведения Анны. Перед княгиней выступили свидетели ряда преступлений пана Анджея. А наиболее уважаемые люди княжества высказали предположение, что Анна потому не хочет уступить престол сыну, что уже примеряет в мыслях на голову своего любовника княжеский венец.

Анна Радзивилл посчитала себя глубоко оскорбленной. Она затворилась с детьми и любовником в маковском замке и оттуда послала письмо к своему сюзерену, польскому королю, с просьбой о помощи.

Мазовские князья считались тогда вассалами польских королей. Тем не менее Мазовия была самостоятельным государством, жившим по своим законам. Мазовецкие князья стремились к обретению независимости, но, когда внезапно возникали критические ситуации,

которые могли угрожать им потерей территорий или княжеского венца, обычно вспоминали о том, что имеют сюзерена.

Польским королем в то время был брат почившего Александра Ягеллона Сигизмунд I, который являлся также великом князем литовским.

Итак, Анна Радзивилл послала письмо Сигизмунду I, в котором рассказала обо всех своих злоключениях. Но, узнав об этом, мазовецкая шляхта тоже составила письмо к королю, чтобы он смог разобраться во всем обстоятельно.

Эти два письма, пришедшие в Краков почти одновременно, поставили короля Сигизмунда в весьма неловкое положение. Ему очень хотелось бы помочь умной и обаятельной княгине, проявить своеобразную солидарность против мятежных сил, пугающих любого правителя. Но она так явно была неправа! После долгих колебаний он решил постараться сгладить мазовецкий конфликт, как можно больше затянув разбирательство. На правах сюзерена Сигизмунд расследовал взаимные обвинения княгини и мазовецкой шляхты почти два года. А Анне между тем через ее родственников, Радзивиллов, было настоятельно рекомендовано порвать отношения с порочащим ее честь Желинским. Впрочем, мазовецкая княгиня и сама стала замечать, что ее любезный из гордого орла превратился в трусливого зайца, как только почувствовал грозящую ему опасность. И она прогнала от себя бывшего фаворита. Теперь можно было бы и уступить требованиям подданных, но гордая Анна не желала признавать себя побежденной.

Смелое воображение подсказывало ей самые неожиданные пути выхода из положения. Король Сигизмунд I, который в переписке с Анной не умел да и не хотел скрывать своих к ней симпатий, невольно спровоцировал мазовецкую княгиню на отчаянно смелый ход. Она решила предложить себя в качестве супруги овдовевшему незадолго до этого сюзерену. А вместе со своей рукой Анна готова была передать в полное владение Королевству Польскому земли своего княжества. Известный в Польше священник архиепископ гнезненский Ян Ласский согласился посодействовать Анне. И он действительно предложил для рассмотрения ее кандидатуру на сейме, где решался вопрос о повторной женитьбе Сигизмунда I. У этой кандидатуры, кстати, нашлось много приверженцев. Полякам нравилась мысль о присоединении Мазовии к Короне, а литвины приходили в восторг от того, что женой их монарха станет дама из рода литвинских магнатов Радзивиллов.

Но благородный, мудрый король не позволил себе поддаться соблазну. Он догадался, какими побуждениями руководствовалась мазовецкая княгиня, готовая кинуться в его объятия. И он решительно отказался от нее. Избранницей Сигизмунда I стала итальянская герцогиня Бона Сфорца.

И все же монарх показал себя настоящим рыцарем, предоставив Анне Радзивилл почетное право встречать в качестве одной из самых влиятельных вассалок польского короля весною 1618 года в Кракове свою невесту и поздравлять ее от имени всех польских дам.

Сразу же после свадьбы Сигизмунд I принял окончательное решение по мазовецкому конфликту. Он официально объявил обоих сыновей Анны Радзивилл, Яна и Станислава, совершеннолетними и передал им мазовецкий престол, назначив князьями-соправителями.

Впрочем, некоторое время властная Анна еще продолжала фактически править Мазовией, навязывая сыновьям свою волю.

Умерла она, как и некогда ее муж, при таинственных обстоятельствах. Вскоре после этого один за другим скончались оба сына Анны Радзивилл. Возникло подозрение, что они были отравлены. В преступлении обвинили дочь плоцкого воеводы Катажину Радзеёвскую (она была любовницей обоих княжичей и незадолго до их смерти была ими покинута), а также шляхтянку Кличевскую, которая занималась приготовлением ядов. Первую спасли влиятельные родственники, вовремя упрятав в один из монастырей. Вторую по решению суда сожгли на костре. Но кроме официальной версии существовала и другая: будто бы Анну Радзивилл и ее сыновей отравили по приказу королевы Боны, которая стремилась добыть мазовецкий престол для своего сына, королевича Сигизмунда Августа.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

О том, что в сердце мужчины есть место только для трех женщин: первой, последней и еще одной

Говорят так в народе. И трудно не согласиться с этим, особенно, когда речь идет о короле польском, великом князе литовском Сигизмунде I. Ведь в его жизни, гласит молва, было всего три женщины. Каждую он любил, и двум из них давал клятву верности перед алтарем.

Только самую первую и самую сильную свою страсть не смог Сигизмунд освятить таинством брака. Потому что красивая умная Катажина Охстат никак не могла претендовать на то, чтобы стать женой королевского сына, — она была крестьянкой из моравского села Тельнич.

Когда они встретились, младшему из наследников польского короля Казимира Ягеллона было уже около тридцати лет. Но, несмотря на это, он все еще был девственником. Даже сама мысль о связи с женщиной без любви приводила его в ужас. Поразительное целомудрие для представителя правящей династии! Катажина из Тельнича, которая была почти в два раза моложе королевича, но житейски гораздо опытнее его, по воле судьбы стала первой наставницей будущего монарха, верной спутницей его в чарующем мире человеческой страсти.

Изучая биографии многих европейских монархов, мы встречаем упоминания о хорошеньких простолюдинках, безропотно и безвозмездно дарящих королевским и княжеским сыновьям свою любовь. Некоторые из них удостаивались долгой и благодарной памяти со стороны высокородных любовников. Но ни одной из них не досталось на долю и части той нежности, обожания и искренней привязанности, которыми одарил Катажину из Тельнича королевич Сигизмунд.

Открыв в своей первой возлюбленной не только необыкновенные женские достоинства, но и благородную, возвышенную душу, Сигизмунд увез прелестную крестьянку в свой замок в венгерской Буде, где ровно через девять месяцев появилось на свет дитя любви, сын, первенец Сигизмунда Януш. Когда он вырос, любящие родители избрали для него самую лучшую участь, которую только можно было предложить королевскому бастарду — духовную карьеру, и Януш стал опекуном виленским.

Через год после рождения Януша Катажина подарила Сигизмунду и дочь. Ее назвали Региной, именем, которое в переводе с латинского означает «королева». Так перед всем светом влюбленный мужчина признавал права незаконнорожденной девочки равными правам королевны. В замке Сигизмунда к Катажине все относились как к настоящей супруге хозяина. Обладая истинным благородством и женской мудростью, она старалась не вызывать к себе и своим детям ненужной зависти, не предъявляла права на своего господина и возлюбленного. Но по его желанию нередко участвовала в торжественных приемах гостей и сопровождала Сигизмунда в его вынужденных поездках. Когда в 1504 году один из старших братьев королевича Владислав, который был в то время королем Чехии и Венгрии, назначил Сигизмунда своим наместником в Силезии, на новое место жительства переехала вместе с ним и Катажина. В Силезии у невенчанной супруги Сигизмунда появилась еще одна дочь, которой отец дал имя такое же, какое носила и ее родительница, Катажина.

Но через два года, после неожиданной смерти Александра Ягеллона, Сигизмунд был приглашен занять литовский великокняжеский и польский королевский престол. Он переехал в Краков и после коронации впервые был поставлен своими подданными перед необходимостью избрать себе супругу и королеву. Любимая Катажина не могла стать таковой. Под нажимом польских магнатов она даже была вынуждена поселиться со своими детьми отдельно от Сигизмунда, обитавшего теперь в королевской резиденции — Вавельском замке. Король купил для нее роскошный дом в Кракове и там навещал свою не признанную церковью семью. Еще восемь лет упрямо противостоял он настойчивым требованиям подданных поспешить с женитьбой. Эти восемь лет были самым великом даром любви, полученным Катажиной Охстат от отца ее детей. По сравнению с ним ничего не значили те прекрасные поместья, богатые дома и драгоценные украшения, которые во множестве дарил ей постоянный в своих чувствах Сигизмунд.

Но Катажина отнюдь не была эгоисткой. Эта простолюдинка обладала мудростью, которая была свойственна далеко не каждой королеве. Именно она, понимавшая, что, став королем, Сигизмунд не может принадлежать ей одной и обязан исполнить свой долг перед державой, дав законного наследника престола, смогла в конце концов убедить любимого мужчину жениться на одной из европейских принцесс.

Итак, пробыв вместе более четырнадцати лет, Сигизмунд и Катажина в 1512 году расстались. Представления короля о чести мужчины не позволяли ему иметь одновременно жену и любовницу. Поэтому он перед самым приездом в Краков будущей королевы, венгерки Барбары Заполни, устроил брак Катажины с пожелавшим выказать таким образом преданность государю подскарбием великим коронным Анджеем Костелецким. Семья жениха посчитала такой брак оскорбительным для их рода и демонстративно отвернулась от Анджея. Но подскарбий, вероятно, знал, что делал. Говорят, он был неспособен стать отцом. И уж если надлежало ему воспитывать чужих детей, то счел за лучшее, чтобы это были дети короля.

Королева Барбара Заполия оказалась смиренной, целомудренной, внимательной и доброй женщиной. Удивительно, но даже внешне она была похожа на первую возлюбленную короля. Барбара с Сигизмундом попытались понять и полюбить друг друга. Кажется, им это удалось. Во всяком случае, такие мысли приходят в голову, когда читаешь теплые, искренние письма короля и королевы, которыми они обменивались во время очередной войны с Московией. Мягкие, женственные, полные понимания обращения Барбары к мужу, написанные ею среди ночной тиши в виленском великокняжеском замке, и удивительные возвышенно-нежные строки, рожденные в коротких перерывах между боевыми действиями и посланные королем ей в ответ, вошли в золотой фонд европейской эпистолярной любовной лирики.

Королева Барбара умерла от неудачных родов через три года после того, как Сигизмунд у алтаря дал ей клятву любви и верности. После нее остались две маленькие дочери, Ядвига и Анна. Наследника Сигизмунду она не оставила. И король польский, великий князь литовский вновь был вынужден задуматься о женитьбе.

Ему предлагали много невест. Их кандидатуры, становящийся с годами все более привередливым монарх обсуждал вместе с пани Катажиной Костелецкой, которую, не имея возможности забыть, вновь приблизил к себе после смерти королевы. Между прежними любовниками существовало молчаливое соглашение: встречи их должны будут вновь, и теперь уже, наверное, навсегда, прекратиться после повторной женитьбы короля. Новой супругой Сигизмунда суждено было стать итальянке, герцогине Боне Сфорце.

4 марта 1517 года польский король впервые увидел ее портрет. Его привезли в Вильно представители невесты. По свидетельству хроник, молодая Бона на нем была божественно прекрасна. Впрочем, Сигизмунд, прекрасно зная, как умеют итальянские живописцы

показывать любой предмет с самой привлекательной стороны, небрежно заметил, что «намалевать всяко можно». Тогда итальянцы извлекли откуда-то изящную женскую туфельку с высоким золоченым каблучком. Принадлежала она герцогине Боне. Туфелька была так трогательно мала и хранила на внутренней поверхности такой нежный отпечаток пальчиков своей хозяйки, что король не смог устоять перед внезапно нахлынувшими фантазиями. Он тут же подписал брачный договор. Благородный рыцарь Сигизмунд не подозревал, что именно под каблучком этой милой туфельки суждено будет провести ему оставшуюся часть своей жизни.

Весной 1518 года Королевство Польское и Великое княжество Литовское получили новую госпожу. Она оказалась энергичной и своевольной особой. Благодаря своей яркой, экзотической внешности, а также умению изображать страстную любовь, ей удалось быстро подчинить себе стареющего супруга. И хотя король Сигизмунд I не стал послушной куклой в руках жены-итальянки, но очень часто следовал ее советам и исполнял ее капризы, что возмущало министров. Они видели Бону иной, чем влюбленный король, — властолюбивой, амбициозной и даже жестокой женщиной. Она хотела стать главной в государстве и добивалась этого всеми доступными ей способами.

Поняв, что среди польских магнатов союзников не найдет, Бона сделала ставку на литвинов. В первую очередь привилегиями и щедрыми подарками расположила к себе могущественных Радзивиллов и прославленных Гаштольдов. Получив от мужа во владение большую часть земель на Белорусском Полесье, начала изображать из себя патриотку Великого княжества Литовского и даже неоднократно угрожала полякам, что переедет жить на Беларусь навсегда. При этом всякими правдами и неправдами, через конфискации и судебные процессы, добивалась расширения личных владений. Строила там замки, больницы, школы, костелы. Делала попытки мелиорации земель. Способствовала освоению пустошей и развитию садоводства. Собственно говоря, в границах великой державы создала маленькую страну, где была самостоятельной владычицей.

А самых активных противников своих, самых лютых врагов Бона устраняла со своего пути с помощью яда. Как и надлежало итальянской средневековой герцогине, она владела в совершенстве мастерством приготовления ядов и противоядий. Именно с ее легкой руки в Польше и Великом княжестве прокатилась волна отравлений. Причем яды Боны Сфорцы имитировали симптомы разных болезней,

так что даже самые опытные лекари не могли заподозрить отравление.

Бона Сфорца поощряла развитие искусства и науки. Она понимала, что благодаря меценатству можно достичь популярности в стране. И действительно, самые лучшие поэты, писатели, художники, музыканты и ученые всячески прославляли «мудрую и добрую» королеву. Даже выдающийся белорусский поэт средневековья Миколай Гусовский свою знаменитую поэму «Песня о зубре» посвятил Боне Сфорце, которая казалась ему просвещенной, образцовой монархиней.

Понимая, что авторитет Боны все возрастает и что мудрый и рассудительный Сигизмунд I все больше попадает под ее каблук, в 1537 году часть шляхты, которая распознала истинные цели и интересы королевы, взбунтовалась. Поводом послужило то, что по совету жены Сигизмунд созвал «посполитое рушенне» подо Львовом для принятия решения о податях. В другое время в действиях короля никто бы не увидел ничего подозрительного. Но это случилось в конце лета, во время жатвы, когда каждый хозяин был озабочен прежде всего делами своих имений. Шляхта сразу поняла, на что рассчитывала королева Бона. Она рассудила, что люди начнут откупаться деньгами, лишь бы вернуться домой. И королевская казна солидно пополнится. Злоба и возмущение подтолкнули шляхту к бунту. Целых семь недель они с утра до вечера осаждали несчастного короля, высказывая обиды, требования, угрозы. Шум и крик в окрестностях стоял такой, какой бывает в курятнике, куда пробралась лиса. Поэтому бунт этот вошел в историю под названием «петушиная война».

Больше всего обвинений шляхетные «петухи» бросали в адрес Боны Сфорцы. Один из их предводителей, Петр Зборовский, высказался: «Королева столько значит, сколько хочет, а хочет столько, сколько ей нравится». Шляхта выдвинула королю 36 требований, главными среди которых были заставить жену не вмешиваться в политику и запретить ей расширять собственные имения, ибо часто она это делала, нарушая законы. Шляхта также хотела, чтобы королеву лишили возможности воспитывать детей, которых она родила своему царственному супругу, особенно сына. Подданные видели, что она балует мальчика, а с дочерьми, наоборот, ведет себя как домашний диктатор.

Король впервые за свое долгое правление оказался в растерянности. Но Бона Сфорца посоветовала мужу держаться изо

всех сил и не давать подданным добиваться своего. А шляхту обвинила в склочности и неподчинении законам.

С трудом приверженцам Сигизмунда I удалось помирить его с бунтовщиками. Король должен был во многом пойти на уступки, а королеве объявили, что все ее имения — государственная собственность и принадлежат ей временно.

Тем не менее старый король продолжал любить свою молодую жену и подчинялся ей все больше. В конце жизни он фактически отошел от самостоятельного принятия важных политических решений и послушно исполнял почти все прихоти энергичной супруги. К ее бурному темпераменту за тридцать лет совместной жизни он уже так привык, что мог позволить себе спокойно посапывать, развалившись в кресле во время очередного совета, где, отчаянно жестикулируя, его милая итальянка с пеной у рта доказывала министрам жизненную необходимость того или иного государственного решения.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

О том, как у вдовы похищали дочерей

В те времена, когда Великим княжеством Литовским и Королевством Польским правил добрый, благородный Сигизмунд I, многие люди предпочитали нести свои горести и обиды на беспристрастный суд не к продажным чиновникам, а к ступеням монаршего трона. Особенно часто взывали к справедливости короля и великого князя магнаты. Это и понятно: они были намного смелее мелкой шляхты, горожан и крестьян, которым доводилось видеть своего государя лишь изредка и издали.

В архивах сохранилось множество документов того времени, по которым можно восстановить десятки судебных дел магнатов, где как третейский судья выступал Сигизмунд I. Среди самых любопытных — дело магнатки Ядвиги Хребтович, дважды подававшей в суд на влюбленных.

Дочь князя Александра Гольшанского Ядвига потеряла своего мужа, оставшись с двумя малолетними дочерьми на руках, Ганной и Зофьей. Поскольку покойный супруг наделал много долгов, погашать которые вдове одной было не под силу, решила она срочно выдать замуж своих несовершеннолетних дочек. Ей повезло. Трокайский воевода Григорий Остикович согласился на брак своего сына Юрия со старшей панной Хребтович, Ганной. Молодых людей обвенчали несмотря на то, что девочке-невесте не исполнилось еще и четырнадцати лет. Впрочем, мать, якобы заботясь о здоровье дочери, физическом и душевном, настояла на том, чтобы юная жена Юрия Остиковича ещё парочку лет пожила в разлуке с мужем. Пока не подрастет. Остиковичи согласились.

Предприимчивой вдове авантюра удалась. В первый же год она сумела выкачать из своей новой родни столько денег, что все долги мужа были погашены, а ее материальное положение стало вполне приличным. Когда же Ядвига почувствовала, что из зятя и его отца больше ничего не вытянешь, Остиковичи перестали ее интересовать. И она сразу же нашла для Ганны другого мужа. Это был подкаморий Анджей Довойна, с которого алчной вдове не терпелось собрать такой же богатый урожай подношений.

Нимало не заботясь о том, что кто-то может назвать ее бесчестной женщиной, Ядвига Хребтович пригласила в замок в качестве

посредников в своих делах поляков Мнишков и там подписала с Довойной очень выгодный для себя контракт.

Хорошенько проконсультировавшись у законников, изворотливая матрона узнала, что первый обряд венчания ее несовершеннолетней дочери вполне может быть признан недействительным. Тем более, что после заключения брака Юрий Остикович так и не получил из рук тещи свою жену. Уверенная в том, что готова достойно ответить на любые претензии, которые могут быть предъявлены ей, пани Ядвига назначила день венчания уже с новым женихом.

Но она не учла одного очень важного момента — чувств своей юной дочери. А Ганне, оказывается, очень понравился Юрий Остикович, и она успела в него влюбиться. В ночь перед венчанием девушке удалось передать своему любезному записку, в которой подробно излагались планы ее матери.

Венчание Ганны и Анджея Довойны состоялось в каплице замка Мнишков. После этого участники торжества собирались как следует отметить событие. Но внезапно замок подвергся нападению вооруженной шляхты, призванной на помощь взбешенными Остиковичами. Увидев во главе нападавших своего Юрия, Ганна вырвалась из рук матери и кинулась к нему в объятия.

Захватив в качестве трофеев все приготовленное для пиршества вино и напоследок расколотив в замке несколько окон, воинство Остиковичей покинуло жилье Мнишков. Свою супругу Юрий, конечно же, увез с собой.

Этим дело не кончилось. Посчитав себя обиженной и оскорбленной, бесстыжая Ядвига подала на зятя в суд. Впрочем, в иске она, конечно же, не называла его зятем. Но величала гнусным разбойником, похитившим ее дочь из-под самого венца, оскорбившим своим поступком благородного жениха Ганны Довойну.

Мудрый Сигизмунд I не стал спешить с вынесением решения. Выслушав во всем противоречившие показания враждующих сторон, он применил ход очень неожиданный для судопроизводства тех времен. Приказал вызвать в суд для дачи показаний саму похищенную. Никогда до этого ранее у девушек, чьи родственники возбуждали в отношении их дело о похищении, показаний не брали. К ним относились, как к неодушевленным предметам, право собственности на которые яростно оспаривают стороны, вступившие в тяжбу.

Ганну Хребтович привели в зал заседаний. И так как она, несмотря на свой юный возраст, была довольно бойкой на язык, присутствующим удалось легко установить истину.

Решением от 23 декабря 1516 года суд короля Сигизмунда I подтвердил брак Юрия Остиковича и Ганны и постановил, что Ядвига Хребтович должна отдать молодым в качестве приданого дочери имение Свержень.

Казалось бы, пристыженная вдова должна была на всю жизнь запомнить этот случай и больше не стремиться к судебным тяжбам. Ан нет.

Через семь лет в руки короля Сигизмунда I попал новый иск этой особы. На этот раз Ядвига жаловалась на похищение своей младшей дочери, Зофьи. Романтическая девушка влюбилась в лихого мазовецкого шляхтича Яна Оборского. И так как матери кандидатура жениха из-за его недостаточного, на ее взгляд, богатства пришлась совершенно не по вкусу, Зофья сбежала с возлюбленным и обвенчалась с ним без родительского благословения. Вероятно, покидая материнский дом, практичная невеста прихватила с собой и кое-что из семейных драгоценностей, потому что в иске кроме похищения девушки перечислялись также и пропавшие богатства. На время судебных разборок Зофья, во избежание давления на нее как со стороны Оборского, так и со стороны матери, была отделена от них и передана под опеку архиепископа гнезненского Яна Ласского. Ее показания заслушивали в зале, куда она была проведена потайным ходом.

Зофья Хребтович, как когда-то и ее сестра, засвидетельствовала факт добровольного ухода из родительского дома. Она повинилась перед королем в том, что вышла замуж, не придерживаясь никаких норм приличия. Оправдать ее могла только страстная любовь к достойнейшему кавалеру Яну Оборскому.

И король под гул одобрения присутствующих с большим удовольствием решил дело в пользу влюбленных, во второй раз наказав по заслугам алчную Ядвигу Хребтович.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

О том, что настоящего мужчину седина только украшает

Любовь, сильнейшее из человеческих чувств, обычно принято считать страстью, присущей молодым. Но истории известно много примеров, когда внезапно и неудержимо овладевала она сердцами людей преклонного возраста. И тогда уподоблялись седые степенные старцы безрассудным юнцам.

Шел 1522 год. Молодой слуцкий князь Юрий Олелькович и его мать Анастасия гостеприимно встречали уважаемого гостя. Высокородный гетман Константин Острожский, полководец, на счету которого было более тридцати крупных победоносных сражений, в том числе и прославившая его битва под Оршей, в качестве скромного просителя прибыл в слуцкий замок. Просил он у княгини Анастасии Слуцкой и ее сына самое дорогое сокровище, которые они имели, — их дочь и сестру, княжну Александру.

Совсем недавно седовласый гетман овдовел. С первой своей женой Татьяной Семеновной Гальшанской он прожил большую часть жизни в уважении и взаимопонимании. Вместе они вырастили сына Илью, вместе строили православные храмы и монастыри, вместе каждый год ездили в Киев к печерским иконам за мудростью и успокоением.

Не думал не гадал Константин Острожский, что, похоронив свою добрую Татьяну, так скоро, всего через несколько месяцев, заинтересуется другой женщиной. Да не просто заинтересуется — влюбится. И чувство это будет совсем не таким, как к первой жене.

В битвах и походах, в тяжком плену и на вершине славы не задумывался гетман Острожский, что живет, не зная настоящей любви. Верный своей Татьяне, он, оказывается, только уважал ее, но не любил. Страсть, жаркая и неудержимая, овладела его сердцем, когда он увидел восемнадцатилетнюю Александру Олелькович. Но радостно от этого ему не стало, ибо самому полководцу было уже шестьдесят. Сможет ли ответить ему взаимностью юная девушка, чей возраст поэты сравнивают с весной?

И вот Константин Острожский в ожидании сурового приговора склонил свою седую голову перед семьей Александры.

Анастасия Слуцкая и ее сын Юрий решили, что Александра сама даст ответ гетману. Они считали, что Острожский — блестящая партия для любой невесты Великого княжества Литовского, но не

хотели делать несчастливой Александру, соединяя ее против воли с нелюбимым человеком.

И вот вошла невеста, смущенная и раскрасневшаяся. Поднялся навстречу ей седой гетман, в душе ожидая услышать отказ. А невеста вдруг низко склонилась перед ним и прошептала:

— Никогда, даже в снах, не могла я представить такого счастья — стать вашей женой, славный гетман.

— Но вы так молоды, — все еще не веря услышанному, произнес гетман.

— Простите меня за мою молодость и неразумность, славный гетман, я постараюсь стать достойной вас...

Брак прославленного полководца великого княжества литовского и княжны Александры Олелькович состоялся в 1523 году. Они прожили вместе семь лет, до самой смерти князя Острожского. Александре удалось создать дружную семью, осчастливить добротой и взаимопониманием последние годы жизни благородного воина. У них было двое детей — дочь Софья и сын Константин Василий. Но матерью называли Александру не только они. В знак большого уважения к слуцкой княжне так обращался к Александре и ее пасынок Илья, который был не намного ее старше.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

О том, как один человек рисовал свою возлюбленную на страницах Библии

Для любой европейской страны эпоха Ренессанса прежде всего ассоциируется с деятелями науки и искусства, жившими и творившими во славу своей родины в это время, с теми, чей талант расцвел благодаря весне Возрождения. Итальянцы, говоря об этой эпохе, вспоминают Микеланджело, Данте и Маккиавелли, англичане — Шекспира. Французское Возрождение пронизано веселым смехом Рабле.

К нам же оно пришло в облике великого просветителя — полочанина Франциска Скорины, первопечатника, доктора медицинских наук, искусства, философии, права.

Вопреки сложившемуся мнению, что в биографиях выдающихся личностей не может быть белых пятен, у Скорины почти все, касающееся его личной жизни, осталось тайной даже для самых усердных исследователей. И лишь несколько намеков на сильную и прекрасную страсть к женщине по имени Маргарита удалось найти любознательным потомкам скорининской славы.

Она была женой одного из ближайших друзей Франциска, виленского купца Юрия Одверника. Он вместе с двумя другими виленскими меценатами Якубом Бабичем и Богданом Оньковым дал свои деньги Скорине для создания в 1517 году его первой типографии в Праге.

Именно в этой пражской печатне суждено было появиться на свет бессмертному, самому знаменитому труду просветителя — Библии на его родном языке. Совершенный перевод, совершенные комментарии, совершенное техническое исполнение печатного труда и совершенное иллюстративное оформление. Как и положено титану Возрождения, Скорина был одновременно философом, литератором, изобретателем и художником. Гравюры, выполненные им для «Библии русской», поражают свежестью художественного решения, смелостью ракурса, изысканностью и одновременно простотой. Каждый библейский герой, изображенный доктором Франциском Скориной, обладает яркой и сугубо индивидуальной внешностью. Нельзя забыть или спутать с иными лица Моисея, Давида, Соломона, Эсфири, Руфи. И только один пленительный женский лик бережно переносит гравер с одной своей работы на другую. Об этом персонаже ни слова не

сказано в Библии. Но художник, извлекая этот образ из глубин своего воображения, упрямо внедряет его в гущу библейских событий, делая безымянную героиню, одетую в скромное платье белорусской горожанки, наперстницей самых великих из библейских жен. На правах особо доверенной дамы из свиты царицы Эсфири она поддерживает ее шлейф. Вместе с дочерью фараона наблюдает за тем, как из Нила рабы вылавливают корзинку с младенцем Моисеем. По воле Скорины она становится соучастницей великого деяния мужественной вдовы Юдифи, убившей грозного Олоферна, полководца, который поклялся завоевать и покорить ее родину.

Навряд ли случайно доктор Скорина помещает изображение той же таинственной незнакомки на гравюру, иллюстрирующую самую вдохновенную, самую поэтическую и страстную часть Библии — «Песнь песней» царя Соломона. Именно ее склоненную головку увенчивает тут сверкающей короной премудрости сам Господь Бог. У ног же незнакомки — прославленный герб Франциска Скорины, изобретенный им самим,— солнце, целующееся с месяцем.

Эта удивительная гравюра — своеобразный ключ ко всем остальным. И, возможно, зашифрованное признание в любви конкретной женщине. Той, которой открыто сказать о своих чувствах великий просветитель не может. Той, которая обязательно получит возможность увидеть гравюры Скорины в Библии. Той, которой достанет смелости узнать себя в настойчиво изображаемой художником фигуре и ума расшифровать страстное послание влюбленного мужчины.

Это — признание в любви, достойное великого просветителя, адресовано Маргарите Одверник, жене его друга и благодетеля.

Когда же и как вспыхнула эта страстная и, видимо, небезответная любовь? Можно с уверенностью предположить, что доктор Скорина, целомудренно оберегая от досужих сплетников честь своей возлюбленной, старательно уничтожал все, что могло бы скомпрометировать ее. Вот почему на долю наших домыслов и фантазий сейчас остается только красивое предание о гербе доктора Франциска.

Говорят, когда после долгих лет учебы в Кракове и Падуе вернулся в 1513 году сын полоцкого купца Луки Скорины — Франциск на родину, пригласили его друзья пожить в столице Великого княжества Литовского. И вот в Вильно на площади перед ратушей в один из дней встретил доктор Скорина прекрасную, как солнечный свет, Маргариту. И остановились они, и в изумлении заглянули друг другу в глаза. Итак велико было вспыхнувшее вдруг в сердцах обоих чувство, что забыли обо всем на свете Франциск и Маргарита. И потянулись

эти двое друг к другу, и встретились их руки. В крепкую, широкую ладонь свободного мужчины легла нежная рука с обручальным кольцом замужней женщины. И тут вдруг затмилось на мгновение небесное светило, стыдливо пряча их первый чистый поцелуй от недобрых глаз тех, кто привык во всем видеть лишь греховность.

Именно в честь этого события, утверждает предание, позднее прославленный просветитель изобразил на своем гербе Солнце, целующееся с Месяцем — знак солнечного затмения, который является одновременно и аллегорией поцелуя Скорины и его возлюбленной. Если верить преданию, с Маргаритой доктор Скорина познакомился случайно и гораздо раньше, чем с ее супругом, Юрием Одверником. Но в дальнейшем он превратился в друга семьи. А Одверник стал единомышленником прославленного просветителя и его меценатом.

Когда в 1521 году после нескольких лет напряженной творческой работы в Праге Франциск в очередной раз приехал в Вильно, заботу о его быте взяли на себя Одверники. Юрий помог создать новую печатню уже в Вильно, будучи членом городского совета, всячески защищал своего образованного друга от нападок тех, кому очень бы хотелось представить Скорину перед лицом церковников еретиком или даже колдуном.

А Маргарита... Маргарита, по-видимому, стала той музой, что вдохновляла просветителя на новые труды. В 1522 году в виленской печатне Скорины родилась «Малая подорожная книжка», а в 1525-м — знаменитый «Апостол».

Стали ли любовниками Франциск и Маргарита? Учитывая нравы времени, в котором они жили, этого нельзя отрицать. Хотя как-то не хочется верить, что один из самых достойных сынов Беларуси был способен на вероломство и предательство по отношению к человеку, искренне называвшему себя его другом. Скорее представляется другая картина: двое влюбленных глубоко затаили свои чувства и ревностно следили, чтобы их тайна не была раскрыта никем, так как обоим дорог был тот, кого в современное чрезвычайно циничное время назвали бы третьим лишним.

Но были или нет близкими отношения Скорины и супруги его друга, чувства их, действительно, остались тайной для всех. Они мужественно и с достоинством несли тяжкое бремя молчания. И тут случилось то, чего никто из них не ожидал.

В 1525 году заболел и умер Юрий Одверник. Так доктор Скорина получил от судьбы право на личное счастье с любимой женщиной. И он тут же повел ее к алтарю.

Их семейная жизнь не была долгой, но каждый день ее был наполнен любовью. Маргарита, не имевшая детей от Одверника, родила Скорине двух сыновей. А летом 1530 года ее унес мор.

Вскоре трагически погиб и младший сын доктора Скорины и Маргариты, Франциск. Он сгорел в подожженной чьей-то недоброй рукой печатне.

Не в силах оставаться больше в том городе, где он так беззаветно любил и пережил такие сильные страдания, Франциск Скорина покинул Вильно навсегда. Последние годы жизни он провел в Праге, где, удивляя всех, кто знал его как весьма просвещенного мужа и сулил большую карьеру при монарших дворах, работал садовником.

Говорят, любимыми его цветами были маргаритки, которые в большом количестве выращивал он в память о своей безвременно ушедшей возлюбленной.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

О том, как сам Бог противился любви великого князя

В «Лицевом летописном своде» — хронике деяний правителей российских, сохранилась в подробностях история удивительной и безрассудной страсти великого князя московского Василия III, который не побоялся ради любимой женщины кинуть вызов самим небесам.

Ее звали Елена Васильевна. Она была литвинкой и родной племянницей Михаила Глинского. После того как мятеж, поднятый им против великого князя литовского, короля польского Сигизмунда I, был подавлен, князь Михаил, спасая свою жизнь, вынужден был бежать в Московию. Вместе с ним, боясь преследований за деяния своего ближайшего родича, последовали все братья мятежника с семьями. Так маленькая племянница Михаила Глинского Елена Васильевна обрела новую родину.

Шли годы. Елена росла и становилась красавицей и умницей. В отличие от московских боярышень ее не учили стыдиться и молчать в присутствии мужчин, не ограничивали воспитание сидением за пяльцами. Она владела в совершенстве несколькими иностранными языками, могла вести непринужденную беседу на темы политики, любила выезжать на охоту и русским сарафанам предпочитала европейские наряды.

Не было поэтому случайностью то, что при первой же встрече с Еленой Василий III заинтересовался ею; при второй — сказал, что такой красивой и разумной девушки он не встречал; при третьей — решил, что Глинская станет его женой и великой княгиней московской.

Но исполнить сказанное было не так уж легко. Прежде всего потому, что Василий III был уже женат. Правда, государыня Московии, Соломония Сабурова, была бесплодной. Василий III очень любил детей и страшно переживал, что за двадцать лет семейной жизни Бог не послал ему наследников. Однажды, говорят, он даже расплакался в присутствии своих подданных, увидев на дереве птичье гнездо с птенцами.

— Кому царствовать после меня на Русской земле? — причитал он. — Братьям моим? Но они со своими делами управиться не могут!..

Развод с Соломонией был неизбежен. Внезапно вспыхнувшие чувства к молоденькой Елене Глинской только ускорили его.

Однажды утром в покои великой княгини вошли смущенной толпой бояре и духовенство и объявили волю ее супруга: Соломония должна постричься в монахини. Великая княгиня сперва опешила, но когда к ней приблизились две черницы, гневно оттолкнула их. Она наотрез отказалась выполнить требование Василия III.

В монастырь Великую княгиню пришлось отправлять силой. После обряда принудительного пострижения несчастная несколько раз срывала с себя ненавистную черную рясу и рвала ее на куски. Но смириться с неизбежным ей все-таки пришлось.

Довольно легко устранив со своего пути к Елене Глинской первую преграду, Василий III неожиданно столкнулся с другой. Девушка поставила московскому правителю странное условие. Она хотела, чтобы Василий III ... сбрил бороду. Привыкнув с детства к по-европейски гладко выбритым своим родственникам, Елена терпеть не могла бородатых московитов, Василий III с густой седой растительностью на лице казался ей стариком. Стремясь стать желанным, великий князь московский после долгих и мучительных колебаний и раздумий все же решился и «возложил братву на броду».

Этот поступок правителя привел его подданных в священный ужас. Дело в том, что на Руси в то время голый подбородок у взрослого мужчины воспринимался не только как великая непристойность, но и даже как грех. Православная церковь называла бороду принадлежностью истинно верующего, благочестивого человека. В храмах на иконах, изображающих страшный суд, по правую руку от Иисуса Христа стояли благообразные бородатые праведники. А по левую находились осужденные на вечные мучения в аду еретики и басурманы, которые были обриты и имели «аки коты и псы» только одни усы.

Поступок Василия III, который принес ему благосклонность Елены, имел печальные с точки зрения патриархально настроенных московитов последствия. Многим молодым щеголям действия влюбленного государя понравились и они кинулись подражать ему. И не только с великим удовольствием избавлялись они от бороды, но и переодевались в европейские одежды. Слухи о новых веяниях в Москве дошли до папы римского, который, не разобравшись, решил, что дело клонится к отходу московитов от православия, и стал усиленно предлагать Василию III церковную унию. С трудом удалось убедить главу католической церкви в том, что он слегка ошибся в своих прогнозах и чаяниях.

Видя, на какие безумства идет ради понравившейся ему женщины великий князь, многие бояре настроились против Елены и стали отговаривать своего господина от женитьбы на ней.

— Зачем тебе, государь, чужеземка из вражьей Литвы? — говорили они. — Женился б ты лучше чин чином на русской боярышне.

Неожиданно такие настроения поддержало и духовенство. Белозерский старец Вассиан Косой (бывший боярин, князь Патрикеев) и афонский монах, прославленный Максим Грек резко выступили против намерений Василия III. Они утверждали, что видели небесное знамение, которое истолковывали так: великому князю московскому Бог не велит вступать в брак с литвинкой Глинской. Ибо от брака этого родится сын, который станет ужасом русской земли.

Василий III не был особенно суеверным человеком. В словах почтенных монахов ему виделись скорее происки тех, кого не устраивало возвышение чужестранцев Глинских, которое непременно должно было бы последовать после его венчания с представительницей этого рода. Но тут началось нечто невообразимое. В Москву одно за другим пришли послания от патриархов Иерусалимского, Константинопольского, Александрийского. Столпы православной церкви, не сговариваясь, отказались благословлять на новый брак великого князя московского. «Бог того не желает»,— утверждали они. Письма патриархов были наполнены самыми мрачными предсказаниями. Они видели уже потоки безвинной православной крови, льющейся по Руси, горы человеческих трупов и каркающее воронье над ними, храмы, превращенные в игрища и «безумие, облаченное в царские одежды».

Воспользовавшись случаем, подала голос из монастыря и Соломония Сабурова. Она заявила, что пострадала безвинно, и заточена была не из-за бесплодности своей, а из-за мужнина блудодейства. Литвинка Елена Глинская-де злая чародейка, она опоила великого князя зельем, и он потерял разум. А Соломония Сабурова — честная жена, и она находится сейчас в тягости от царственного мужа своего.

Потом пошел поголосок, что разведенная великая княгиня таки родила в монастыре дитя, девочку, великую княжну. Но сам Василий III срочно провел расследование и выяснил, что его пытались подло обмануть, и Сабурова за свое дитя выдавала чужого младенца.

Разъяренный великий князь решил показать своим подданным раз и навсегда, кто в державе главный. И довольствуясь

благословением одного только митрополита московского, повел присушившую его сердце Елену Глинскую к венцу. Восемнадцатилетняя молодая была прекрасна и отчаянно весела. Ее не пугали мрачные предсказания, сыпавшиеся со всех сторон. Они верила только одному пророчеству, которое за несколько дней до свадьбы дал ей некий юродивый. А он ей тогда сказал: «Родится у тебя сын, Тит — широкий ум».

Впрочем, в первые годы после того как волею влюбленного Василия III Елена стала великой княгиней московской, ей пришлось, видимо, не раз усомниться в правильности счастливого предсказания, данного блаженным. Четыре с половиной года не могла зачать Елена Глинская. Вспоминалось ей невольно, что и у предшественницы ее, Соломонии Сабуровой, детей от Великого князя не было. И страх сковывал сердце Елены.

Переживал и Василий III. Возил он свою молодую супругу на богомолье по монастырям, щедро раздавал милостыню. По его просьбе во всех церквях русских молились о даровании наследника государю.

Ночью 25 августа 1530 года разразилась в Москве великая гроза. Страшный гром пугал своими раскатами набожных горожан, злые молнии губили деревья, ударялись в высокие шпили теремов и кресты колоколен. Некоторые говорили, что чувствуют, как содрогается само нутро земли. В эту страшную ночь появился на свет первенец Василия и Елены, Иван, которому суждено было войти в историю Руси под именем первого царя ее, Ивана Грозного.

Впрочем, ребенком он был довольно милым и радовал своих родителей тем, что рос резвым да здоровым. Через два года у Ивана появился младший брат, Юрий. Василий III был очень нежен к жене и радостно возился со своими сыновьями. Казалось, все мрачные предсказания никогда не сбудутся, страхи постепенно исчезли, растаяли, как призраки при свете дня. Но несчастья еще только готовились обрушиться на эту опьяненную любовью и взаимной нежностью семью.

В сентябре 1533 года великий князь московский отправился с Еленой и сыновьями в Троицкий монастырь на праздник чудотворца Сергия. Во время торжественного богослужения у него внезапно испортилось настроение. Не сказав никому о причине этого, Василий III заявил, что сразу же после окончания праздника поедет развеяться на охоту в Волок-Ламский. Елена неохотно отпустила его. И не случайно волновалась она. Во время охоты великий князь почувствовал сильную боль в левой ноге. Осмотрев больное место, государь обнаружил большой нарыв под кожей. А после охоты слег в

горячке. Призвали двух иноземных врачей, которые тут же принялись усердно лечить великого князя. Но болезнь день ото дня усиливалась. Так прошло почти два месяца.

Василий III, чувствуя, что Теряет последние силы, приказал везти себя в Москву. В Москве он призвал к себе доверенных бояр и дьяков и спешно составил духовную грамоту. Потом, прогнав всех, попросил остаться у своей постели только митрополита и своего духовника. Им он сказал, что считает себя великим грешником, который осмелился спорить с самим Господом Богом. Что терпит сейчас в наказание за это. Что единственным выходом для себя и семьи своей видит пострижение в монахи.

— Смотрите, не положите меня в белом платье, — говорил Василий III, — хотя и выздоровлю — нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству!

Великий князь московский приобщился и соборовался. Врач уже не мог облегчить его страданий и честно признался, что не видит другого средства, кроме помощи Божьей.

Тогда Василий III приказал привести к его ложу маленького сына Ивана, которого назначил наследником московского престола, и великую княгиню.

Мальчика он благословил. А с женою хотел поговорить в последний раз, открыть какую-то страшную тайну, предупредить о чем-то. Но обезумевшая от горя Елена так плакала и билась в истерике, что он не мог и слова выговорить. Только погладил ее по голове, утешая.

Василий III скончался 3 декабря 1533 года ровно в полночь. В самые последние минуты митрополит московский, единственный, кто, вопреки мрачным предсказаниям небес, согласился благословить брак великого князя с любимой им женщиной, успел наскоро совершать обряд пострижения.

Земле предавали уже не тело кинувшего вызов небесам Василия III, но тело смиренного инока Варлаама.

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

О том, кто между любовью и долгом женщина скорее выберет любовь

Уходя из жизни, великий князь московский Василий III до последней минуты помнил о своем долге перед державой. Он знал, что государю вовсе недостаточно просто дать жизнь сыну-наследнику. Власть самодержца — великое бремя и горе державе, если при смерти правителя сын его еще не имеет достаточных лет и опыта, чтобы это бремя возложить на себя. Василий III видел вокруг себя и семьи своей не столько верных слуг, советников и помощников, сколько хитрых льстецов, которые готовы были скрыть правду от государя, только чтобы не впасть в немилость.

Последнее завещание его боярам было таким: «Послужите княгине моей и сыну моему, великому князю Ивану, и поберегите государство русское и все христианство от всех его недругов: от басурманства и от латынства, и от своих сильных людей...»

Но, видимо, все же опасаясь со стороны подданных смут, решил найти умирающий Василий III надежного, самоотверженного заступника для своей молодой вдовы и сыновей. И увидел такового великий князь в Михаиле Глинском, дяде Елены Васильевны.

— Пролил бы ты за сына моего, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрия, кровь свою? — спрашивал умирающий, пытливо вглядываясь Глинскому в глаза. — Отдал бы тело свое на раздробление?

Михаил Глинский уверил государя в своей искренней преданности. И тут же, невзирая на недовольство московских бояр, был введен Василием III в опекунский совет.

Василий III не ошибся. Михаил Глинский, а с ним и другие члены семьи вдовой великой княгини, создали ей и ее сыновьям надежную защиту от врагов. Устранили всех претендующих на великокняжеский престол особ и поспешили передать великокняжескую шапку маленькому Ивану, объявив его великим князем Иваном IV. Этим они усилили и положение Елены. Она могла теперь не бояться физической расправы со стороны тех, кто был против, когда Василий III собирался жениться на ней.

И тут вдруг случилось непредвиденное. Елена Глинская влюбилась.

Заботясь о маленьком наследнике своем, покойный Василий III назначил его мамкой молодую боярыню Аграфену Телепневу-Оболенскую. Это была честная женщина из рода верных престолу людей. И к тому же очень любила детей и умела с ними ладить. Добрая Аграфена стала также первой утешительницей и доверенной подругой овдовевшей великой княгини. Сама не предполагая, в какую беду ввергает свою государыню, боярыня познакомила Елену Глинскую со своим братом, красавцем Иваном Телепневым-Оболенским.

Выходя за Василия III еще совсем молоденькой девушкой, Елена не знала ничего о любви. Увидев рядом с собой статного, пригожего, обходительного боярина Ивана, который к тому же успел прославиться как воин и полководец, она невольно почувствовала в душе своей незнакомый доселе трепет.

Молодая вдова начала выказывать ему всяческие знаки внимания. Оболенский вскоре понял, что может многого добиться, став фаворитом великой княгини. Он стоял во главе сильной политической группировки бояр, которые не вошли в опекунский совет и поэтому чувствовали себя оскорбленными. Своим основным противником они считали деятельного, активного Михаила Глинского, который действительно стал теперь чуть ли не первой персоной в стране. Стычки между политическими врагами становились все более резкими. И в конце концов и дядя, и фаворит, каждый со своей стороны, выставили Елене ультиматум.

Она должна была сделать выбор между ними. Одна из политических группировок, чтобы избежать усобицы в стране, должна была быть уничтожена.

Глинский предложил Елене избавиться от фаворита и целиком довериться опекунскому совету.Возможно, неглупая великая княгиня и прислушалась бы к его словам, если бы дядя вел речь только о делах политических. Но на правах старшего родственника князь Михаил счел для себя возможным поучать влюбленную женщину, как ей следует распоряжаться своими чувствами. Менторским тоном он пытался внушить племяннице, что грязная связь с боярином Телепневым-Оболенским порочит ее честное женское имя. Что ведет себя она недостойным образом, «аки кошка блудливая». Что если не думает Елена о своем престиже вдовы великого князя московского, то должна она хотя бы о будущем сына своего наследника подумать, потому как авторитет матери сильно влияет на то, будут ли уважать и слушаться подданные сына-правителя.

В противовес позорящему ее Михаилу Глинскому боярин Телепнев-Оболенский всячески подчеркивал исключительность и даже святость их взаимоотношений. Он непрестанно повторял о своей страстной любви и призывал Елену смело отдалить от себя недоброжелательного дядю. Фаворит обещал в этом случае добиться от боярского совета назначения Елены регентшей при сыне. А это значит, что будет она до совершеннолетия Ивана полноправной властительницей в стране.

Великая княгиня долго колебалась. Но страсть и жажда власти победили. Забыв обо всем, что сделал для нее Михаил Глинский, Елена поддержала Оболенского. И осудила этим дядю на верную гибель. Михаил Глинский вскоре оказался в тюрьме по обвинению в государственной измене. Оболенский пустил по Москве слухи, что Василий III умер не от болезни, а его отравили, и что отравил его именно Михаил Глинский. Из темницы высокородный узник так и не вышел.

Елена стала регентшей при малолетнем сыне и фактически правительницей. Пять лет держала в своих руках молодая женщина кормило власти в великой державе. Иван Телепнев-Оболенский был все это время рядом с ней и, как мог, помогал своей государыне в качестве полководца и политика.

Елена Глинская оказалась достойной государыней. Один из современных исследователей заметил, что во время своего недолгого правления Великим княжеством Московским эта женщина успела сделать столько, сколько не каждый мужчина-правитель успевает за десятилетия. Она заключила ряд выгодных политических договоров с соседними державами, успешно продемонстрировала свою военную силу и мощь Великому княжеству Литовскому в очередной войне, начавшейся в 1534 году, отстроила два больших русских города, Устюг и Ярославль, возвела несколько городов в землях, примыкающих к западным границам государства, заложила в самой Москве Китай-город, поощряла ремесла и торговлю, провела в своей стране денежную реформу, в результате которой появились впервые знаменитые копейки с изображением всадника с копьем, боролась с разбойниками, контролировала рост монастырского землевладения.

Сочиняя в XVIII столетии панегирик в честь величайших россиянок, М. В. Ломоносов так написал о Глинской:

Елена, грозного героя
Великая делами мать,
Среди врагов ты грады строя,
Россию тщилась защищать.

Но все заслуги великой княгини перед своей державой не смогли обезоружить ее недоброжелателей и поубавить их количество. Это были политические противники Телепнева-Оболенского и те, кто серьезно завидовал его близости к властной и обольстительной правительнице.

В 1537 году великая княгиня тяжело заболела. Она не хотела верить в то, что враги могли дать ей медленнодействующий яд, хотя слухи об этом ходили. Даже сына своего, семилетнего Ивана, который был уже в таком возрасте, когда дети все понимают и задают множество вопросов, настраивала на то, что речи об отравлении — вранье. Гораздо больше таких слухов Елену беспокоили теперь зловещие пророчества патриархов и внезапная таинственная смерть ее мужа. Глинская стала набожной. Несмотря на все большую слабость, одолевавшую ее, она ездила по святым местам на богомолье и там истово молилась мощам святых и чудотворным иконам, прося хотя бы ради малолетних детей отвести от нее смертную чашу.

Моления великой княгини не были услышаны небесами. Она скончалась в апреле 1538 года.

Смертью государыни тут же воспользовались бояре, чтобы устранить Ивана Оболенского. Ранее выказывая ему покорность и преданность из-за привязанности к нему великой княгини, сейчас они поспешили устранить его, ибо опасались, что он будет влиять на маленького великого князя московского Ивана, как ранее влиял на мать. Возможно, если бы искренне любивший Елену Глинскую боярин Иван после ее смерти не пребывал в сильном отчаянии, абсолютно лишившим его воли и всех остальных бойцовских качеств, ему удалось бы удержаться у трона малолетнего правителя Московии, но он был не готов к подобному потрясению...

Через неделю после похорон Глинской в покои великого князя московского, где рядом с неперестающим тосковать по матери Иваном находились верная Аграфена и Оболенский, пришли вооруженные стражники и именем старшего боярина и думы арестовали брата и сестру. Ни слезы несчастного ребенка — великого князя, ни мольбы его, ни то, что Иван Васильевич попытался робко напомнить, что именно он — государь этой державы и именно его воля должна выполняться в первую очередь, — ничего не помогло. Аграфену постригли в монахини и сослали в Каргополь. Телепнева-Оболенского заточили в темницу, и там фаворит великой княгини московской вскоре умер в ужасных мучениях — его заморили голодом.

Ранняя смерть матери и жесткая расправа с Оболенским, которого маленький Иван Васильевич любил так, как дети обычно любят отца, оказали сильное влияние на психику мальчика. Но бояре не подумали о последствиях этой трагедии. В том же году они убили двух родных дядей Ивана и чуть не сожгли в собственном тереме его бабку, мать Елены Глинской.

Враждуя друг с другом за право стоять у самого престола, недалекие бояре позволяли себе в присутствии маленького государя учинять кровавые разборки, оскорблять память покойных его родителей, бессовестно присваивать себе личные вещи Василия III и Елены Глинской. Их совершенно не заботило ни воспитание, ни обучение, ни питание Ивана Васильевича. И только во время торжественных церемоний или приема послов они на время вспоминали о том, как должны вести себя подданные с государем.

Ненависть к боярам была первым юношеским чувством Ивана Васильевича. Она со временем породила тяжелую душевную болезнь. И мировая история получила страшную фигуру, Иваном Грозным назвали современники царя, сына Елены Глинской. Так неожиданно сбылось предсказание православных патриархов, сделанное Василию III перед его венчанием с Еленой Глинской.

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

О том, как два магната поменялись невестами

Европейские дипломаты и путешественники прошлого часто вели дневники. На их страницах они описывали то, что более всего привлекало их внимание во время поездок по чужим странам. Те из них, кому довелось посетить Краков в 20-х годах XVI столетия, обязательно старались рассказать про то, что их особенно поразило и растрогало при дворе короля Сигизмунда I и королевы Боны Сфорцы. Как это ни удивительно может показаться нам сегодняшним, но это была хорошенькая девочка, которая жила и воспитывалась вместе с четырьмя королевнами. Ее одевали, кормили и учили так же хорошо, как и дочерей короля. И Сигизмунд I относился к ней, как к своему ребенку.

Девочку звали Беатой. Считалась она дочерью и единственной наследницей подскарбия великого коронного Анджея Костелецкого. Но досужие дворцовые сплетники утверждали, что на самом деле это была дочь самого короля. Мать Беаты, Катажина Охстат, первая любовь Сигизмунда I, из-за своего незнатного происхождения не могла стать его супругой и королевой. Поэтому они расстались. Заботу о троих детях, которых подарила ему Катажина в те годы, когда они были вместе, Сигизмунд I взял на себя, признав их своими. А саму Катажину, вступая в брак с принцессой Барбарой Заполией, выдал замуж за Костелецкого. Какое-то время они не встречались. Но потом королева умерла, и Катажина поспешила стать утешительницей отнюдь не забывшего о ней Сигизмунда I.

Почти два года король польский и великий князь литовский подбирал достойную кандидатуру на освободившееся место супруги, королевы и великой княгини. И все это время с ним видели Костелецкую. Когда же новая королева, Бона Сфорца, прибыла в Краков, Катажина вернулась к супругу. Но именно в это время у нее родилась дочь, Беата. Не имеющий возможности из-за некоей тайной болезни стать отцом пан подскарбий великий коронный поспешил радостно объявить это дитя своей дочерью и наследницей. Но и король не отказался от участия в воспитании девочки. Со времени рождения маленькой Беаты Костелецкие стали частыми гостями на балах, празднествах и охотах, организуемых при королевском дворе. И сами они часто принимали у себя королевскую пару. А однажды королева Бона Сфорца предложила Костелецким отдать Беату ей на

воспитание. Так девочка оказалась подружкой детских игр дочерей королевы.

Со временем Беата Костелецкая превратилась в красивую молодую женщину. Благодаря королевским учителям и наставникам, она была довольно образованной, знала европейский этикет и вела себя с достоинством принцессы. На Беату стали обращать внимание молодые люди Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Но сама она остановила свой взгляд на старшем сыне покойного гетмана Константина Острожского, Илье. Это был красивый и галантный кавалер.

Все при дворе с интересом наблюдали за тем, как развиваются их отношения, перерастая из обычного флирта в нечто более серьезное. Но когда Илья Острожский, наконец, объяснился Беате в любви, вспыхнул скандал...

В те времена магнаты нередко сговаривали своих детей еще во младенческом возрасте. Таким образом семьи решали свои разногласия, споры и устанавливался мир. Феодалы также приобретали себе политических и военных союзников. Илья Острожский в детстве был объявлен родителями женихом дочери князя Ежи Радзивилла Барбары. Его будущий тесть являлся одной из самых сильных политических фигур в Великом княжестве Литовском. Он был полководцем, который за героизм и многочисленные победы получил прозвище «Геркулес» и «Виктор». И после смерти Константина Острожского стал гетманом великим литовским. Илья никогда не видел своей нареченной и потому был к ней равнодушен. Ему говорили, что Барбара Радзивилл значительно красивей, чем Беата Костелецкая. Но поверить в это он не мог, потому что искренне любил.

В 1536 году Илья Острожский обратился к Ежи Радзивиллу, рассказал ему про свою любовь и попросил расторгнуть помолвку. И, возможно, тот согласился бы. Но почти одновременно с молодым Острожским в его замок с такой же просьбой прибыл граф Станислав Гаштольд. Дело в том, что Радзивилл имел двух дочерей. Старшую, Анну, он при ее рождении сговорил с сыном графа Альбрехта Гаштольда, младшая же, Барбара, как мы уже знаем, была названа невестой Острожского. Сестры росли непохожими одна на другую. Если глядя на Барбару, родители искренне радовались ее доброму характеру, интересу к искусствам, скромности, то Анна их серьезно беспокоила. Девушка рано стала интересоваться представителями противоположного пола. И как результат, одного за другим родила двоих детей. Отцов их она даже не смогла назвать. Радзивиллы отдали незаконнорожденных внуков на воспитание в один из монас-

тырей Великого княжества Литовского, и тщательно скрывали ото всех скандальные обстоятельства жизни своей дочери. Но вот почти перед свадьбой ее жених, Станислав Гаштольд, каким-то образом узнал обо всем и решительно отказался от такой невесты.

Конечно, Радзивилл сам понимал, что у каждого из женихов его дочерей — веские причины для того, чтобы просить расторжения брачных договоров. Но если он даст свое согласие обоим, это будет большим позором для его семьи. Когда б дело касалось только Ильи и Барбары — все бы поняли, что это благородный поступок со стороны Радзивиллов, которые не хотят разлучать влюбленных. И Барбара вскоре бы нашла другого жениха, не хуже Острожского. Или если б только один Гаштольд отказался от Анны — грустно, но также не смертельно. В конце концов их беспутная дочь сама виновата в том, что про нее пошла дурная слава. Но если расторгнуть оба брачных договора, не случится ли так, что и о ни в чем не повинной Барбаре пойдут такие же сплетни, как о ее старшей сестре? Тогда уже никто и никогда не посватается ни к одной из них. Поэтому, оберегая честь своей семьи, Ежи Радзивилл отказал и Гаштольду, и Острожскому.

Гаштольд возмутился первым. Он заявил, что никто не в силах заставить его жениться на опозоренной невесте. И он считает себя в этой ситуации абсолютно свободным от каких-либо обязательств. Тогда Радзивилл подал на жениха Анны в суд. Процесс был скандальным. Сам Сигизмунд I выступал в качестве судьи. Выслушав взаимные претензии истца и ответчика, король предложил Радзивиллу неожиданный выход из положения — переписать брачные контракты его дочерей, поменяв женихам невест. Гаштольды были обезоружены — они не могли сказать о Барбаре ничего из того, что говорили о ее сестре Анне. Так бывшая невеста Острожского в 1537 году стала женой Станислава Гаштольда. А в брачный контракт князя Ильи с Радзивиллами было вписано имя скандально прославившейся Анны.

Теперь уже Острожский посчитал себя смертельно оскорбленным. Сначала, получив от Ежи Радзивилла отказ расторгнуть его брачный контракт с Барбарой, вконец расстроенный князь Илья решил было подчиниться судьбе и исполнить желание покойного отца своего, представ с Барбарой перед алтарем. Но жениться на обесчещенной Анне! Это было уже посягательством на его магнатскую честь.

Когда подошел день официального обручения Илья Острожский демонстративно не прибыл на него.

Радзивилл был вынужден вновь просить королевского суда. Теперь уже над Острожским. Судебные разбирательства тянулись более года.

Королю следовало собраться с силами, чтобы прилюдно признаться в допущенной им серьезной ошибке. Он был добр, но расписываться в собственной некомпетентности не хотел. И кто знает, во что вылились бы колебания монарха, если бы на одном из заседаний ему не передали записку, в которой его умоляла о тайной аудиенции Катажина Охстат-Костелецкая.

Король принял ее в своих секретных апартаментах. Бывшая его возлюбленная показала себя самоотверженной матерью, готовой на все ради счастья своих детей. Она напомнила Сигизмунду I, что этот процесс решает судьбу не только князя Острожского и княжны Радзивилл. Но в первую очередь судьбу их дочери, Беаты. Девочка искренне любит жениха незадачливой Анны. И если Сигизмунд I не лгал, когда клялся Катажине, что сделает все возможное для счастья их детей, то он должен пожертвовать своими амбициями ради Беаты.

И король, прилюдно извинившись перед Ежи Радзивиллом за то, что не смог найти сразу правильного решения в деле о его дочерях, расторг брачный контракт Острожского с беспутной Анной.

Свадьба Беаты Костелецкой и Ильи Острожского состоялась 3 февраля 1539 года, одновременно со свадьбой старшей дочери Сигизмунда I, королевны Изабеллы Ягеллонки, которую выдали замуж за венгерского короля Яна Заполню. И была она не менее пышной.

Но счастье молодых оказалось недолгим. Надорвавши свои силы во время четырехлетней борьбы за любимую, Илья Острожский тяжело заболел. И умер через полгода после того, как в костеле торжественно назвал Беату своей женой.

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

О том, как сильна иногда бывает братская любовь

Из всех человеческих чувств возможно, самое непостижимое и неразгаданное — любовь братьев и сестер. Целая палитра тонких переживаний соответствует их взаимоотношениям. От возвышенно-духовного преклонения до почти чувственного влечения. От холодного безразличия до страстной неприязни. От идеализации мужских и женских достоинств друг друга до абсолютного неприятия таковых. Недаром романтик Гюго, давая определение истинной дружбе, устами самой обаятельной своей героини, Эсмеральды, произнес: «Это значит быть братом и сестрой; это две души, которые соприкасаются, не сливаясь; это два перста одной руки».

Европейская история хранит множество трогательных свидетельств братской и сестринской любви. Одно из них имеет отношение к нашему прошлому. Это — история удивительных взаимоотношений литвинской красавицы Барбары Радзивилл со своими братьями, родным Миколаем Рыжим и двоюродным Миколаем Черным.

В обширных радзивилловских архивах сохранилась красивая легенда о возникновении привязанности между этими троими. Случилось это, будто бы, в замке гетмана великого литовского Ежи Радзивилла Геркулеса около 1525 года. В тот день в гостях у хозяина была вдова его старшего брата, Януша Бородача, Ганна Кишка. Впервые привезла она с собою в Биржи из Несвижа, где уединенно жила с детьми, старшего своего сына, Миколая. И впервые девятилетний мальчик увидел своего кузена и тезку, двенадцатилетнего сына дяди Ежи. Взрослые вскоре уединились, дабы обсудить свои дела. И мальчишки, как это и положено в их возрасте, стали выяснять, кто из них чего стоит.

Рыжеволосый биржанский Миколай, видимо, решив по внешнему виду своего чистенького, аккуратного черноволосого Несвижского кузена, что тот — слабак, безапелляционно заявил: — Ты будешь слушаться меня во всем, потому что я старше тебя.

Но тут же в ответ получил:

— Мой отец старше твоего, так что подчиняться будешь ты мне.

Дальнейшие разбирательства продолжались уже при помощи кулаков. Сбежавшиеся на шум родители едва смогли растащить драчунов. При этом Ежи Радзивилл невольно обронил фразу: «Вот сцепились два петуха, рыжий да черный!»

С тех пор кузенов и стали звать для различения Миколаем Радзивиллом Рыжим и Миколаем Радзивиллом Черным. После недоразумения при первом знакомстве они быстро помирились и подружились. Так как мать Миколая Черного вскоре повторно вышла замуж, опекуном его стал дядя. И забрал мальчика пожить некоторое время к себе в Биржи. Два года, проведенные вместе, сильно сблизили кузенов. Они стали так дружны, как не всегда бывают дружны родные братья. В это же время в их мужскую компанию незаметно, но решительно влилось третье лицо, девочка, младшая, сестра Миколая Рыжего Барбара. И хотя в биржанском замке кроме этих троих детей жили еще одна сестра Рыжего, Анна, а также брат Черного, Ян, троица держалась вместе, не принимая никого более в свой круг.

Когда Миколаю Черному исполнилось четырнадцать лет, король польский, великий князь литовский Сигизмунд I, вспомнив о заслугах покойного Януша Бородача, решил взять его сыновей для дальнейшего воспитания к себе. Так неразлучная троица временно распалась. Впрочем, живя при дворе короля в Кракове, Миколай Черный, благодаря своему открытому, общительному характеру, подружился также и с единственным наследником Сигизмунда I, королевичем Сигизмундом Августом. Разница в годах (королевич был моложе Радзивилла на пять тех) не смущала Черного. Он умел обращаться с младшими. А Сигизмунд Август был одного возраста с милой подружкой Черного Барбарой.

Дружба несвижского Миколая Радзивилла с королевичем оказалась бесценным приобретением для всего рода Радзивиллов. Она могла дать в будущем огромные преимущества, которые, казалось, были утрачены со смертью Александра Ягеллона. При Сигизмунде I князья Радзивиллы, хотя и пользовались большим почетом и уважением и были по-прежнему богаты и продвигаемы по службе, оказались несколько отдалены от престола, потому что их невзлюбила королева Бона Сфорца.

Ревнуя своего короля к тетке Миколая Черного, мазовецкой княгине Анне Радзивилл, а также мечтая о ее владениях и богатствах рода, Бона излила всю свою неприязнь на семью соперницы. И один за другим таинственно гибли князья Радзивиллы. Безо всяких причин в расцвете сил сошли в могилу сама Анна и три ее брата, среди которых был и отец Черного, Януш Бородач. Чудом выжил отец Миколая Рыжего, Ежи Радзивилл. Потому что тайный яд Боны Сфорцы, который ни по каким признакам обнаружить было невозможно, случайно выпила его жена, мать Рыжего, хотя

предназначался он отцу. Овдовев, Ежи Радзивилл женился второй раз. От этого брака и родилась маленькая Барбара.

Итак, неожиданно зародившаяся дружба юного Миколая Радзивилла Черного с королевичем была чрезвычайно важна для всего рода. Тем более, что вскоре после того как Черный попал в Краков, Сигизмунда Августа стараниями властной матери-королевы, официально провозгласили соправителем отца. Мальчик стал носить, как и Сигизмунд I, титул короля Польского, великого князя литовского и именоваться Сигизмундом II. Кстати, в связи с этим, в принципе, беспрецедентным в европейской истории случаем, к имени Сигизмунда I подданные добавили прозвище Старый. Не так чтобы очень лестное для монарха, который ожидал, видимо, что его станут именовать для отличения от сына Мудрым, Старшим или хотя бы Сигизмундом I Отцом.

Выбираясь теперь из Кракова в гости к дяде Ежи, кузену Миколаю Рыжему и кузине Барбаре, Черный должен был детально докладывать озабоченным родственникам о внутрисемейных делах и настроениях королевской пары, о характере Сигизмунда Августа, о его достоинствах, кои можно было бы путем дружеского воздействия развить и умножить на благо державы и собственно рода Радзивиллов. И о его недостатках, которые могли бы помешать литвинам заполучить настоящего сильного монарха, когда Сигизмунд Август повзрослеет.

Среди недостатков юного короля польского, великого князя литовского Сигизмунда II Августа главными были слабохарактерность и неумение сопротивляться воле матери-королевы, которая, будучи в молодости обаятельной, пылкой и страстной женщиной, становилась с годами мрачной, истеричной особой, стремящейся к диктату и в семье и в державе.

В 1533 году после смерти матери Миколай Черный покинул краковский двор и обосновался в Несвиже. Он был теперь совершеннолетним и не нуждался ни в опеке дяди, ни в опеке короля Сигизмунда I. И дел, как у взрослого, полноправного владетеля майората, было у него предостаточно. Из-за них на некоторое время перестал Миколай посещать биржанский замок родичей. И хотя с кузеном Рыжим нет-нет да и встречался на сеймах, советах, трибуналах и при дворе, Барбару увидеть не представлялось возможности. А потом, в 1534 году началась очередная война с Великом княжеством Московским, со вдовой почившего Василия III, Еленой Глинской. Кузены Черный и Рыжий получили первое боевое крещение, сражаясь под командованием Ежи Радзивилла. Однажды в

перерывах между походами в 1536 году приглашенный дядей и кузеном в Биржи как следует отдохнуть после боевых походов, Миколай Черный вновь увидел подругу своих детских игр Барбару.

Но как же быстро и удивительно неузнаваемо могут изменяться девочки за какие-то три года! Не нескладный конопатый подросток со смешными косичками встретил его, но юная женщина, высокая стройная белокурая красавица с бездонными очами «цвета настоящего пива». За обедом Черный понял, что смотрит на кузину не как на маленькую подружку и вовсе не как на родственницу. Он был восхищен и пленен ее женственностью и ослепительной красотой.

В те времена браки между кузенами и кузинами отнюдь не возбранялись. Но вся беда была в том, что Барбару с самого раннего детства просватали. Князь Илья Острожский должен был по решению родителей стать ее мужем, точно так же, как мужем Барбариной сестры должен был стать граф Станислав Гаштольд. Из биржанского замка родни в тот раз Миколай Черный уехал в глубоком отчаянии. Небольшая надежда вспыхнула в его душе тогда, когда узнал он, что женихи Барбары и Анны попросили Ежи Радзивилла о расторжении своих брачных контрактов. И тут же погасла. Судебные разбирательства дяди Ежи с Гаштольдами и Острожскими привели лишь к тому, что Барбара пошла под венец не с Острожским, а с Гаштольдом.

Свадьба состоялась в мае 1537 года, через два месяца после заключения мира с Московией. Черный присутствовал на венчании двоюродной сестры и, наверное, едва сдерживал себя, чтобы не дать повода для сплетен, когда жених в присутствии всех гостей надевал нареченной на шею прославленное украшение, ставшее для Гаштольдов фамильным — жемчужное ожерелье в десять рядов из скарбницы великих князей московских.

Впрочем, этот брак не сделал Барбару счастливой. Станислав Гаштольд, которого соединили с дочерью Ежи Радзивилла отнюдь не по его желанию, с первых же дней проявлял к молодой супруге открытую неприязнь. Демонстративно покидал ее ради встреч с легкомысленными женщинами и в конце концов даже заразил дурной болезнью, от которой Барбаре пришлось долго лечиться. Благородный старец, отец Станислава, граф Альбрехт Гаштольд и его супруга, целомудренная Софья Верейская, была в шоке от поведения своего отпрыска. Как могли, они заступались за несчастную невестку, но это еще больше ожесточало мужа Барбары. Надеясь, что сын обратит внимание на жену, если возникнет повод для ревности, свекровь однажды даже посоветовала невестке создать видимость флирта с

несколькими кавалерами из числа тех, что посещали их замок. Но Станиславу Гаштольду даже это оказалось глубоко безразлично. В 1539 году сердце старого Альбрехта Гаштольда не вынесло позора и перестало биться. Не пережила мужа и его верная Софья.

В 1541 году, сломленный несчастьями дочерей, умер Ежи Радзивилл. А в 1542 году Барбара неожиданно получила свободу с внезапной смертью мужа. Увы, молодая женщина не знала, что с нею делать, и могла бы, наверное, натворить глупостей, если бы руку помощи вовремя не протянула ей братская любовь. Барбару поселил у себя в виленском замке Миколай Рыжий. Он поклялся оберегать ее репутацию и честь, во всяком случае до тех пор, пока не окончится срок траура.

Миколай Черный, по-прежнему влюбленный в кузину, мог бы жениться на ней теперь, когда она стала свободной. Но к своему несчастью, получив наконец возможность с нею объясниться, он узнал, что в нем Барбара видит только брата. У Черного достало мужества и благородства, чтобы, приглушив свои чувства, больше не настаивать. А вскоре в жизнь Барбары ворвалась настоящая, сильная страсть. И кузен вынужден был отступить перед этим великим чувством.

Как только окончился период вынужденного затворничества вдовы Гаштольда, она была приглашена на бал в виленский великокняжеский замок. В это время здесь жил, беспечно веселясь, Сигизмунд Август. Устав от отцовского, а главное, материнского контроля за всеми его делами и даже за интимной жизнью, желая власти и самостоятельности, ибо правителем он был рядом с отцом своим только номинальным, Сигизмунд Август однажды возмутился.

— Стыдно мне перед самим собой и людьми,— заявил он отцу.— Я король и князь, но без королевства и власти княжеской, и не имею даже места, где мог бы жить с королевой-женой.

Черный, которому понравилось проявление самостоятельности Сигизмунда Августа, поддержал его и подсказал решение. Пускай Сигизмунд I Старый со всеми своими титулами живет в Польше и управляет ею. А Сигизмунд II Август с такими же титулами будет жить в Вильно и управлять Великим княжеством Литовским. Настроенные Радзивиллами в этом же ключе литвинские магнаты и шляхта обратились к Сигизмунду I с просьбой отпустить сына в Вильно. И отец, подумав, что, может, в этом — действительно благо для его сына, согласился. Итак, короли, старый и молодой, разделили сферы влияния и разъехались.

Весь первый год своей жизни в Вильно Сигизмунд Август жадно наслаждался обретенной свободой. Он закатывал такие богатые пиры, такие шумные и веселые маскарады и театральные представления,

такие грандиозные охоты, что это даже стало грозить казне опустошением.

И вот на одном из балов в великокняжеском замке появилась Барбара. Король польский, великий князь литовский Сигизмунд II Август остановил на ней свой взгляд, как только она вошла в залу. Она была самой красивой из всех присутствующих дам. Высокая, стройная, златокудрая, гордая и полная достоинства. А когда глаза короля встретились с ее темными, глубокими очами, все вокруг вдруг перестало для него существовать...

Очарованный Барбарой Сигизмунд Август тут же предложил ей стать фрейлиной его молоденькой жены, болезненной и некрасивой Элизабет Габсбург. Барбара согласилась. Но очень скоро братья вынуждены были потребовать от сестры покинуть двор. Уж слишком явно оказывал Сигизмунд Август ей знаки внимания, не стесняясь даже присутствия своей жены. Понимая, что Барбаре будет тяжело устоять перед ухаживаниями красивого, страстного, молодого короля, Рыжий предложил сестре временно пожить в гераненском замке, доставшемся ей после смерти мужа. А приревновавший кузину к своему царственному другу Черный даже обрушился на нее с незаслуженными обвинениями, дескать, имеет Барбара слабость к «наслаждениям дьявольским».

Итак, братья отдалили, как им казалось, сестру от соблазна. Но король скоро нашел повод посетить запавшую ему в душу красавицу. Так как после смерти мужа Барбары род Гаштольдов прервался, все его имения должны были перейти во владения великого князя литовского. Сигизмунд Август отправился в Геранены, чтобы «принять» их лично из рук вдовы.

Барбара вышла навстречу монарху в лучшем своем наряде и с ожерельем великих князей московских на шее. Будучи страстным любителем и собирателем драгоценностей, Сигизмунд Август пришел в восторг и принялся восхвалять редкое украшение. Тогда хозяйка пригласила гостя в свою тайную комнату, где хранила богатую коллекцию драгоценных камней. И они пробыли там наедине до конца вечера.

Сигизмунд Август остался в Гераненах на две недели, сославшись на то, что боится возвращаться в Вильно из-за эпидемии, вспыхнувшей там. И влюбленные переступили последнюю черту, разделявшую их.

Через несколько месяцев после этого король овдовел. Страдающая с раннего детства эпилепсией королева Элизабет Габсбург задохнулась во время очередного приступа.

Вскоре Барбара вернулась в Вильно. И принимала теперь своего Сигизмунда Августа в замке брата. Она нашла верную союзницу в лице матери, которая ревностно охраняла тайну их свиданий и ненавязчиво раскрывала дочери самые сокровенные секреты женской обольстительности.

Но тайное очень редко не становится явным. И вот по Вильно поползли уже сплетни, порочащие честь сестры Радзивиллов. Для пресечения их существовало только два выхода: либо король женится на Барбаре, либо перестанет видеться с ней. Барбара склонна была рассчитывать на скорое официальное предложение. Но тут стало известно, что из Кракова королева Бона рассылает в разные страны уполномоченных послов, дабы выбрать своему сыну из числа заграничных принцесс новую жену. Предполагая, что привыкший пасовать перед родителями и, вопреки всеобщим надеждам, за год пребывания в Вильно так и не показавшим себя способным на поступки Сигизмунд Август не сможет пойти против воли Боны, братья Рыжий и Черный решились вызвать его на мужской разговор. Они не поминали о заслугах своего рода, не взывали к чувствам дружбы. Они не просили, но требовали «неславы дому их не чинить» и оставить в покое Барбару, раз нет у короля твердых намерений жениться на ней.

Под таким напором Сигизмунд Август дал слово прекратить свидания с Барбарой. Сплетни на время стихли. Но Барбара отнюдь не испытывала благодарных чувств к братьям. Лишившись возможности видеться с любимым, она считала себя самой несчастной женщиной на земле. И король тоже очень страдал в одиночестве. Он стал печальным и молчаливым. Балы, маскарады, фейерверки, охота — все вдруг померкло перед болью утраченной любви. Видя своего друга-монарха в таком состоянии, Черный понял, что чувства его к Барбаре настолько сильны, что он способен ради них на многое. В свою очередь Рыжий, слушая в очередной раз упреки сестры, пришел к выводу, что Барбара с ее страстностью, обаянием, умом и целенаправленностью может совершить чудо, превратить Сигизмунда Августа из слабой, зависимой, жалкой фигуры в настоящего, действенного правителя Великого княжества Литовского.

Горячо любя свою сестру, Радзивиллы решили сделать все возможное, чтобы устроить ее счастье. Тем более, что при этом решалось еще множество важных вопросов. Помешав браку Сигизмунда Августа с избранницей Боны Сфорцы и поспособствовав его союзу с их сестрой, Радзивиллы одновременно мстили жестокой отравительнице их родственников. А также давали Великому

княжеству Литовскому государя, кровно связанного с литвинами и потому небезразличного к их нуждам и заботам.

Неразлучная троица, Черный, Рыжий и Барбара, собрались вместе, чтобы разработать хитрый план.

И вот к тоскующему Сигизмунду Августу пришло тайное послание от возлюбленной. В нем Барбара сообщала, что ее братья, которые в последнее время словно церберы оберегают ее честь, собрались выехать на несколько дней на охоту. Обрадованный король едва дождался сумерек и тут же кинулся на встречу с прекрасной Барбарой. Замок был тих и безлюден. Доверенная служанка тайным ходом провела влюбленного монарха в спальню своей госпожи...

Среди ночи, в самый неподходящий момент, двери вдруг с грохотом распахнулись. И в покои ворвались вооруженные до зубов братья Барбары.

— Милостивый король, — сказали они, бряцая саблями,— обещал ты к сестре нашей не ходить, отчего же теперь ты здесь?

— Откуда знать вам, — с достоинством и спокойствием, удивительным для почти совсем раздетого и безоружного человека, отвечал Сигизмунд Август, — может быть, теперешний приход мой к вашей сестре принес вам большую славу, честь и богатство?

Это было равносильно официальному предложению. И к радости братьев и сестры, король делал его не под яростным нажимом и из страха угроз (а ведь Радзивиллы предусматривали и такой вариант). Сигизмунд Август словно был готов к их представлению заранее. Он даже не удивился, когда неизвестно откуда в комнате вдруг появился в полном облачении священник и свидетели. Король спокойно привел в порядок свой туалет и, взяв за руку Барбару, с улыбкой повел ее в замковую часовню.

Брак был тайным, так как Сигизмунду Августу надо было перед тем как официально объявить Барбару Радзивилл своей супругой, тщательно подготовиться к «домашней войне» со старой королевой, которая — никто в этом не сомневался — ни за что не согласится с его выбором.

В ту ночь все недоразумения, непонимания и обиды, существовавшие между четырьмя героями нашей истории, окончились. Сигизмунд Август назвал Барбару Радзивилл своей женой перед Богом и людьми, а Миколая Радзивилла Черного и Миколая Радзивилла Рыжего — своими братьями. И неразлучная троица превратилась в неразлучную четверку.

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

О том, как король обнимал призрак

Истинные чувства человека, бывает, очень нелегко разгадать за тем образом, который он театрально примеряет на себя, чтобы казаться окружающим иным, чем он есть. Как часто окутанная романтическим флером, встречами под луной и пылкими клятвами страсть на поверку оказывалась пошлым флиртом двух неискренних, но желающих произвести впечатление на общество людей. Впрочем, случалось и наоборот. Начавшаяся как заурядная трагикомическая интрижка любовь короля польского, великого князя литовского Сигизмунда II Августа к вдове графа Гаштольда Барбаре Радзивилл под ударами судьбы постепенно раскрылась в своей истинной сути. И миру предстала удивительная, достойная пера Шекспира, человеческая драма.

И начало этой драме положило тайное венчание короля и его прекрасной любовницы в часовне Виленского замка Радзивиллов.

Сигизмунд Август всегда чувствовал, что за право официально быть вместе с бесконечно волнующей его обольстительной Барбарой придется платить самой дорогой ценой. Поэтому, вероятно, так долго оттягивал последний, решительный шаг в их длительном романе. И в минуты малодушия о перспективе женитьбы на сестре Радзивиллов говорил: «Надеюсь, что Пан Бог, которого каждый день молю, не допустит меня до такого падения, ибо могу зло совершить против своего разума».

Слово «падение» в отношении любимого человека всегда звучит чужеродно. Да и не из своего лексикона использовал его молодой король и великий князь. Падением для своего сына возможный брак с Барбарой Радзивилл считала Бона Сфорца. Королеве начали доносить о любовной связи Сигизмунда Августа с первых дней ее возникновения. И связь эта чрезвычайно беспокоила ее.

Многие польские и отечественные исследователи называют главной причиной неприятия королевой Боной Сфорцей страсти своего сына то, что Барбара Радзивилл, будто бы, не была ему ровней по своему положению. Но тут следует вспомнить, что родная тетка Барбары, Анна, в свое время чуть не стала вместо Боны женой Сигизмунда I. Значит, княжны из рода Радзивиллов вполне годились по высокородству в королевские супруги. Нет, неприязнь Боны Сфорцы к избраннице Сигизмунда Августа имела другое про-

исхождение. Это была обыкновенная женская ревность. Устранив с помощью яда свою всесильную (так, видимо, казалось ей) соперницу, мазовецкую княгиню Анну Радзивилл, сделав попытку (из страха ли разоблачения, из ненависти ли ко всей семье Анны — непонятно) уничтожить весь род Радзивиллов, королева Бона должна была воспринять появление Барбары на горизонте как новый вызов, как неслыханную дерзость своих тайных противников. Как новую Анну. На что же способна его мать в ярости, Сигизмунд Август прекрасно знал. Безопаснее всего для жизни Барбары было, вероятно, оставаться королевской фавориткой. Но вопросы чести этого не позволяли. Расстаться ради высших принципов влюбленные также не пожелали. Значит, оставалось одно: как следует подготовиться к открытой борьбе за собственное счастье и начать ее.

Через несколько дней после венчания Сигизмунд Август выехал в Краков, где имел встречу с краковским епископом Самуилом Матеевским. Молодого короля и великого князя интересовало, может ли брак, заключенный при таких обстоятельствах, быть насильственно расторгнут. Епископ уверил Сигизмунда Августа, что формула «Бог соединил, да не разлучат люди» в данном случае будет действенна.

Но это отнюдь не означало, что королева Бона откажется от попыток разлучить новобрачных. Тем более, что слухи о своей женитьбе Сигизмунд Август, как говорили тогда, «привез на запятках своей кареты». Может быть, взгляд молодого короля и великого князя светился любовью и счастьем, а может, кто-либо из его доверенных слуг некстати проболтался, но в Кракове сразу же после отъезда Сигизмунда Августа назад в Вильно заговорили о его браке. В основном с неодобрением. Полякам хотелось, чтобы новой супругой их короля была какая-нибудь заграничная принцесса, а не литвинка. И уж, конечно же, невинная девушка, а не вдова.

Впрочем, старый король Сигизмунд I отнесся поначалу к неожиданной своей невестке довольно спокойно, хотя и позволил себе ворчливо заметить, что если сыну не понравилась та, которую отец с матерью ему советовали, то пусть он берет кого хочет. Какое-то время ему удавалось сдерживать и импульсивность своей супруги. Но тут случилось нечто непредвиденное. Однажды утром польская столица оказалась наводненной злыми «пашквилюсами» на избранницу Сигизмунда Августа. Листки были разбросаны по мостовой, приклеены на стены ратуши. В каждый более-менее приличный краковский дом подкинули неизвестные это гнусное сочинение. У других «пашквилюсы» оказались прибитыми на воротах. А старый

король нашел один такой листок даже в своей опочивальне. Впрочем, Сигизмунд I сразу узнал руку пакостника по стилю. «Пашквилюс» был написан бойким пером известного в то время в Польше публициста Станислава Оржеховского. Очень живописно расписывал сей муж прелести и достоинства избранницы Сигизмунда Августа. И в первую очередь ее темперамент. Тридцать девять любовников, утверждалось в «пашквилюсе», имела веселая вдовушка до своего знакомства с молодым королем и великим князем. «Сенатор, шляхтич, богатый, бедный, знатный, незнатный, даже брат монастырский, мещанин, крестьянин, конюх и каждый, кого принимаем за настоящего лентяя, у нее отдавался распутству даже против своей воли,— писал Оржеховский. — Ее имел всякий, кто только хотел». Среди любовников Барбары злобный «писака» назвал даже ее братьев. По-видимому, Сигизмунд I сразу же сообразил, что «пашквилюс» составлен по заказу его дражайшей супруги Боны Сфорцы, потому что автор гнусного листка никак не был им наказан. Но ситуация сильно изменилась, и теперь, после того как о чести Барбары Радзивилл получил возможность посудачить весь Краков, с точки зрения старого короля, брак его сына с такой женщиной стал невозможен. Еще более утвердился Сигизмунд I Старый в этих мыслях после того, как словно реакция на злой «пашквилюс» в народе стали расползаться еще более страшные слухи и о Барбаре. Говорили, что она продала душу дьяволу, чтобы тот помог ей завладеть сердцем Сигизмунда Августа. Сигизмунд I решил, что принять в свою семью женщину, о которой говорят такое, преступно.

Полагая, что сын еще только собирается жениться на Барбаре Радзивилл, старый король послал ему в Вильно письмо, в котором очень убедительно просил не связывать свою жизнь с этой женщиной. Сделала приписку и королева Бона, в которой почти требовала немедленной отставки недостойной претендентки. Письмо осталось без ответа. Тогда Сигизмунд I официально вызвал своего наследника в город Петриков, где должен был состояться очередной сейм. «Пусть Сигизмунд Август даст вразумительный ответ на интересующий всех вопрос перед участниками сейма» — решил старый король. Но до публичных объяснений дело не дошло. Сигизмунд Август поставил родителей в известность о своей женитьбе, и, оценив обстановку, Сигизмунд I посчитал нужным пока не выдавать своим подданным тайны сына. Но при этом он твердо заявил своему наследнику:

— Есть вещь невозможная, и быть ее не может.

Это означало, что для сохранения прежних приязненных отношений с отцом, сын должен развестись.

Настоящую истерику закатила Сигизмунду Августу мать. Молодой король и великий князь вспылил. Произошла первая крупная ссора в королевской семье. Последствия ее в первую очередь ударили по Барбаре Радзивилл.

До официального объявления своего статуса она, по настоянию братьев, поселилась в замке Миколая Рыжего в Дубинках. Предчувствуя грозящую их сестре опасность, Рыжий и Черный хотели окружить ее пребывание тайной. В Дубинки никого не приглашали. Барбаре запретили выезжать оттуда куда бы там ни было. Роскошные туалеты ее заменили на серое монашеское одеяние, чтобы издали княжну Радзивилл невозможно было узнать.

Однако шпионы Боны Сфорцы все-таки нашли Барбару. И однажды ночью дубинский замок запылал, подожженный чьей-то злой рукой. Рискуя жизнью, верные слуги вынесли из огня госпожу. Но непоправимое уже случилось. Дитя, которое носила под сердцем в это время Барбара, желанный плод ее любви с Сигизмундом Августом, появилось на свет раньше времени. Оно было неживым. Сама же Барбара утратила возможность стать когда-либо еще матерью. Рыдая, сообщила тайная жена короля и великого князя об этом Сигизмунду Августу, вернувшемуся после отчаянных разборок с родителями из Петрикова.

Бесплодие супруги — прекрасный повод для развода монарха. И если бы Сигизмунд Август считал, что к алтарю повести Барбару его действительно принудили, ничто сейчас не помешало бы ему достойно для себя и без ущерба для чести рода Радзивиллов расторгнуть брачный союз. Но он любил искренне и страстно.

Пока в Великом княжестве Литовском Сигизмунд Август и Барбара переживали самую большую, как им казалось тогда, трагедию своей любви, в Польше разворачивалась иная. После ссоры с сыном в Петрикове старый король от переживаний серьезно занемог. Чуть живого привезли его в Краков. Едва врачам удалось снять первый приступ болезни, как ушей Сигизмунда I достигла весть о происшествии в Дубинках. Решив, что поджог замка — это акт ненависти к Барбаре черни, принимающей ее за ведьму, больной король пришел в ужас. Такого позора Ягеллоны никогда еще не знали. Он обратился за помощью к самым влиятельным из литвинских подданных своих с мольбою — отговорить Сигизмунда Августа «от непристойной женитьбы, которая и нам, и его милости великое унижение, а панствам нашим немалое оскорбление причинила».

И вот «в год от рождества Христова 1548, в великий пост, все паны-рады Великого княжества в Вильно съехались»,— свидетель-

ствуют хроники. Выполняя просьбу старого короля, они попробовали убедить Сигизмунда Августа в необходимости развода. Но, видимо, аргументов против настоящей любви у них было маловато.

А 1 апреля 1548 года, на самую Пасху в Кракове умер Сигизмунд I Старый. Как пишут хроники, было ему в то время «восемьдесят один год два месяца и семь дней, и правил он в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, Русском, Прусском, Жамойтском, Мазовецком и иных сорок и полтора года». Хроники не добавляют, что мог бы, не взирая на свои преклонные годы, Сигизмунд I и далее править, если бы не сокрушивший его здоровье разлад с сыном.

Сигизмунд II Август, когда грустная весть о смерти отца дошла до него, очень опечалился. Но постарался отнестись к произошедшему по-философски. И оплакав старого родителя как положено, обратил все мысли свои к Барбаре. Срочно собрав сейм в Вильно, он послал в Дубинки за женой.

Сигизмунд Август торжественно встретил ее в столице и, прилюдно заявив, что Барбара — его супруга, попросил у сейма признать ее великой княгиней литовской. Мелкая и средняя шляхта пришла в восторг, увидев рядом со своим сюзереном красавицу-лит- винку. Радостные возгласы приветствия Барбаре заглушили отдельные голоса недовольства со стороны магнатов, ревнующих Сигизмунда Августа к Радзивиллам.

Теперь оставалось провозгласить Барбару Радзивилл польской королевой.

В ожидании сейма в Польше, сторонники Сигизмунда Августа сплотились вокруг Радзивиллов. Слухи о каверзах, подготавливаемых в Петрикове молодому монарху, ходили самые разные. Говорили, что поляки грозились утопить колдунью Барбару в Висле, если она только осмелится приехать в королевство. Судачили о том, что великопольская шляхта намеревается низложить Сигизмунда Августа и предложить корону Габсбургам. Тайно передавали из уст в уста, что старая королева Бона поклялась на распятии, что если ей не удастся развести сына, то нежеланная невестка умрет.

Узнав обо всем этом, Барбара, которая ранее была вполне согласна с тем, чтобы поляки, если уж им так неприятна мысль о ее коронации, просто признали ее женой короля, как когда-то московскую княжну Елену Ивановну, решительно заявила:

— Сигизмунд Август, подари мне корону!

В такой накаленной обстановке начался польский сейм. Когда, открывая его, король и великий князь назвал Барбару Радзивилл своей женой перед Богом и людьми, по рядам прокатилась волна

возмущения. Послышались гневные реплики и брань в адрес Барбары. Сигизмунд Август был готов к этому и спокойно выжидал, когда все утихнет. Но этого не случилось. Вперед выступили три влиятельнейших польских магната: великий маршалок коронный и краковский воевода Петр Кмита, познаньский каштелян граф Анджей Гурко и воевода сандомирский Ян Теньчиньский. Они стали укорять короля за его выбор в таких выражениях, каких не доводилось слышать от своих подданных ни одному из польских монархов.

— Мы, поляки, к великой жалости нашей, имеем короля не только разбалованного с самого детства, но также и безрассудного в делах и словах, скорее шута, чем короля, — заявил Анджей Гурко.

Сигизмунд Август спокойно ответил, что как раз слово свое королевское он держать умеет. Он перед алтарем поклялся Барбаре Радзивилл быть с нею рядом «в радости и в горе», и никто не заставит его отречься от слов этих. Что же касается сравнения с шутом... Что же, страсть иногда уподобляет мужчин шутам, но она же и возвышает их так, как ни одна корона ни одного королевства.

— Я скорее согласился бы видеть на польском престоле султана турецкого, чем Барбару Радзивилл! — в порыве гнева выкрикнул Ян Теньчиньский.

Сигизмунд Август признал сандомирского воеводу не выходить за рамки приличий, быть лучшим христианином, лучшим подданным и лучшим рыцарем. Потому что самые великие грехи совершают на этой земле люди, не имеющие достаточного почтения к своему Богу, своему королю и позволяющие публично оскорблять честь дамы.

Задетый за живое невозмутимостью и твердостью короля, Петр Кмита кинул ему под ноги свой маршальский жезл, заявив, что не желает служить такому государю.

Эту выходку Сигизмунд Август не удостоил даже своим вниманием.

Настал черед церкви увещевать короля. Слова попросил епископ Николай Дзяржговский. Свое выступление он построил по-иезуитски, заявив себя своеобразным защитником короля перед «взбунтовавшимися подданными». Примас сказал, что полякам следует понять богобоязненного Сигизмунда Августа. Ведь, действительно, это очень большой грех перед Богом — развод. Католическая церковь не допускает разводов, венчание, так оно и есть, означает, что мужчина и женщина должны быть вместе «пока смерть не разлучит их». Но в данном случае обстоятельства таковы, что брак короля может ввергнуть в грех всю страну. И потому он, главный священник королевства, силою церковной власти готов для блага Польши

«разделить на всех подданных» грех Сигизмунда Августа за развод с Барбарой. Шляхта с готовностью поддержала примаса.

Но король не поддался на провокацию. Он заявил, что уже если церковь считает его брак злом для державы, он готов отказаться от польской короны, и пускай даже «в последней рубашке», но остаться вместе со своей женой.

И только когда мелкий шляхтич, депутат Русского воеводства Петр Баратынский призвал поляков пасть перед королем на колени и смиренно молить его во имя блага Польши пожертвовать своей любовью и весь сейм тут же за Баратынским преклонил колени перед Сигизмундом Августом, твердость духа короля слегка пошатнулась. Понимая, что он может в порыве чувств сотворить что-нибудь необдуманное, Сигизмунд Август срочно перенес заседание сейма на другой день, обещая хорошенько обдумать слова подданных.

Но на следующее утро он уже снова был тверд и спокоен.

— То, что произошло, изменить нельзя, — ответствовал король сейму. — А вам пристойно не о том просить, чтобы я изменил своей жене, а о том, чтобы я свято был верен клятве, кому бы там ни было мною данной. Я поклялся жене моей и буду ей верен, пока Господь хранит дни мои. Если брак свой и присягу нарушу, то этим и вольности ваши нарушу.

Пораженные стойкостью Сигизмунда Августа, подданные сдались.

1 декабря 1550 года произошла торжественная церемония коронации Барбары Радзивилл на Вавеле. Сигизмунд Август подарил любимой женщине обещанную корону. Архиепископ Миколай Дзяржговский, который совсем недавно готов был поделить в случае развода этот монарший грех между всеми поляками, возлагал красавице-литвинке корону на голову.

Впрочем, особенной радости коронация Барбаре не принесла. В день своего торжества она вдруг почувствовала себя нездоровой. Ощутив на голове тяжесть ритуального убора польских королев, она прошептала, обращаясь к архиепископу:

— К другому, небесному венцу скоро позовет меня Господь. Молите его, чтобы дал утешение моему господину и мужу после моей смерти.

Сразу же после коронации Барбара Радзивилл слегла. Во дворце заговорили об отравлении. Подозрение короля сразу же пало на мать, которая демонстративно покинула резиденцию королей, замок Вавель, перед тем, как тут поселилась ее невестка. Ведь Бона же клялась сжить со света несчастную Барбару, если Сигизмунд Август с ней не расстанется. А характер родительницы королю был хорошо известен.

Впрочем, никаких прямых доказательств, как и в других случаях, когда Бона пускала в ход свое коварство, найти не удалось. Напрасно братья Радзивиллы окружили сестру своими доверенными людьми, напрасно Сигизмунд Август через соглядатаев старался следить за всеми разговорами и проверять все письма, посылаемые Боной и получаемые ею. Барбара медленно умирала от неизвестного яда, а отравительницу разоблачить не могли.

Агония длилась пять месяцев. Вместе с силами жертвы злая отрава постепенно отнимала и ее красоту. Барбара высохла и почернела, у нее распухли руки и ноги. Тело покрылось гнойными нарывами, которые в последние недели жизни несчастной лопались, наполняя покой, где она лежала, отвратительным зловонием. От этого запаха падали в обморок служанки королевы. С трудом заставляли себя приблизиться к постели больной врачи. И только Сигизмунд Август до конца находился рядом со своей возлюбленной.

Барбара умерла на его руках 8 мая 1551 года. По преданию, король сам обмыл ее тело и облачил в лучшие, из золотой парчи, одежды. Потом по его приказу был доставлен художник, от которого убитый горем супруг потребовал писать с мертвой Барбары портрет Божьей Матери. Так, якобы, возникла прославленная, одинаково чтимая как католиками, так и православными икона Остробрамской Божьей Матери. Эта святыня находится в Вильно, там же, где нашла последнее упокоение несчастная Барбара Радзивилл.

Сигизмунд Август наотрез отказался хоронить свою любимую в пышной усыпальнице польских королей на Вавеле, о чем более всех просили его Миколай Радзивилл Рыжий и Миколай Радзивилл Черный.

— Там, где живой выказали неблагодарность, не пристало оставлять и мертвую среди таких людей, — изрек он.

Тело королевы-мученицы везли на ее родину в черном катафалке, запряженном двенадцатью вороными конями. Огромный эскорт облаченных в черные доспехи рыцарей сопровождал его. За гробом своей возлюбленной в глубоком трауре ехал сам Сигизмунд Август. Казалось, он был абсолютно безразличен ко всему. Дорога из Кракова до Вильно заняла двадцать дней. Путь траурного кортежа проходил через города и местечки Промевица, Кизличи, Радом, Луков, Мосты, Ружанка, Щучин, Василишки, Алькеники, Рудники. А также через десятки больших и малых деревень и сел. И в каждом городе, в каждом местечке, в каждом селе, в каждой деревне Сигизмунд Август покидал седло, чтобы пешком следовать за телом своей возлюбленной.

Местом последнего упокоения королевы польской, великой княгини литовской стал великолепный виленский костел святого

Станислава. По приказу Сигизмунда Августа, последовавшему сразу после похорон, недалеко от него был заложен костел в честь святой великомученицы Барбары.

Вот и все, — можно было бы сказать, если бы действующими лицами этой истории были совсем другие люди. Даже церковь, этот строгий судья, признает, что со смертью жены муж волею Бога освобождается от всех данных им брачных обязательств. Но печальный Сигизмунд Август, очевидно, был не согласен с этим. В костеле святого Станислава он принес усопшей Барбаре клятву, что никогда больше ни одну женщину не поведет к алтарю. Хотя произошло это не прилюдно, слухи о новом поступке короля быстро распространились. И подданные пришли в замешательство. Потому что у Сигизмунда Августа не было ни сыновей, ни братьев. А это значило, что после его смерти славному королевскому роду Ягеллонов суждено было прерваться.

И тогда, видимо, не случайно на авансцену событий вышел колдун и чернокнижник, имя которого ныне в Польше воспринимается как имя фольклорного персонажа, — пан Твардовский. Его привел к тоскующему королю известный авантюрист Ежи Мнишек. Твардовский обещал за небольшое вознаграждение устроить Сигизмунду Августу встречу с духом его погибшей возлюбленной. Король с радостью ухватился за эту идею. Спиритический сеанс было решено провести в Несвиже в замке Миколая Черного, где, по разумению Сигизмунда Августа, никто не мог бы помешать ему общаться с милой тенью.

И действительно, устроителям потусторонней встречи в Несвиже удалось сделать все так, что и по сей день мы не можем с достоверностью сказать, что же все-таки там произошло. Кроме того, что королю был явлен призрак Барбары, он беседовал с ним и даже пытался обнять. И что призрак разрешил его от обета безбрачия, в минуты самой великой скорби принятого им в костеле святого Станислава.

Впрочем, ничто не мешает нам пересказать здесь две самые популярные версии событий.

Скептики утверждают, что для доверчивого Сигизмунда Августа был подготовлен целый спектакль. Шарлатан Твардовский, который, конечно же, не был никаким колдуном, но искусно создавал себе такую славу при помощи иллюзионистских трюков, загодя установил в зале, назначенной для проведения сеанса, потайные зеркала, на одном из которых была выгравирована женская фигура. В авантюре участвовала также женщина, умевшая подражать чужим голосам. При помощи хитрых приспособлений во время сеанса посреди залы

возник мираж и зазвучал голос Барбары Радзивилл, разрешившей королю ради блага державы жениться еще раз. Впрочем, Сигизмунд Август чуть не испортил все, кинувшись в самый неподходящий момент обнимать призрак. Сеанс срочно пришлось прервать.

Но романтики говорят, что все было совершенно иначе. И великому чернокнижнику пану Твардовскому действительно удалось вызвать из глубин непознаваемого нами потустороннего мира прекрасную королеву. Дух не должен соприкасаться с живой материей — последствия могут быть самыми неожиданными. И об этом Твардовский предупредил короля.

Но что любящему сердцу предостережения чародея! Он тут же забыл их, как только легкая фигура Барбары появилась перед ним и заговорила. Король встал со своего места и, без страха приблизившись к бестелесной Барбаре, обнял ее и поцеловал в губы.

Тут же раздался оглушительный удар грома, все потемнело вокруг, налетевший откуда-то ветер задул свечи. Призрак Барбары Радзивилл исчез, и только счастливый женский смех услышал Сигизмунд Август где-то вдали.

Пораженный происшедшим чернокнижник упал перед королем на колени.

— Вы — великий человек, — промолвил он. — Ваша любовь сотворила то, что до этого часа считалось невозможным. Своей любовью вы смогли удержать дух королевы на земле. Она больше не вернется в ту печальную обитель, откуда была вызвана сюда.

Твардовский сообщил королю, что призраку Барбары Радзивилл надлежит теперь ночами блуждать по залам и галереям замка Радзивиллов, по темным аллеям несвижского парка до тех пор, пока не наступит его смертный час. Король, почувствовав приближение своего конца, должен успеть приехать в Несвиж, чтобы души возлюбленных навсегда воссоединились в вечности.

Увы, Сигизмунд Август не смог исполнить этого условия по обстоятельствам, не зависящим от него. И призрак Барбары Радзивилл не получил вечного успокоения.

Четыре столетия печальная тень ожидала своего возлюбленного. Последний раз ее видели в Несвиже во время Второй мировой войны. А в это время, говорят, дух Сигизмунда Августа, тоже одинокий и несчастный, блуждал по королевскому замку Вавель в Кракове.

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

О том, на что способна женщина, когда ей очень хочется Замуж

Властная королева Бона Сфорца своими диктаторскими амбициями сделала невыносимой личную жизнь не только сына, короля польского, великого князя литовского Сигизмунда II Августа, но и дочерей. А их у королевы было четыре. И глядела она на них, как на шахматные фигуры в своих политических играх. Старшую и самую любимую, как она всем говорила, дочь Изабеллу Бона выдала в двадцатилетнем возрасте замуж за старого и некрасивого венгерского короля Яна Заполню. Через неполные два года Изабелла овдовела, успев, правда, родить наследника венгерского престола, Яна Сигизмунда. Трем же младшим дочерям Боны — Зофье, Анне и Катажине — повезло еще меньше. Бедняжки страстно мечтали выйти замуж, но мать решительно гасила все эмоции. «Не время, — говорила она им, — не сейчас. Те женихи, которые к вам сватаются, не стоят вашего внимания, будут лучше». Тоскливой вереницей три королевны — старые девы сопровождали мать на богослужения, сидели рядышком грустные, увядающие, на праздниках и торжественных приемах. И сердце каждой сладко замирало, как только ей казалось, что кто-то из придворных кавалеров кинул в ее сторону заинтересованный взгляд. Внешне казалось, что королевны давно примирились со своей судьбой. Но это было не совсем так. В душе у каждой из Ягеллонок уже созрела жгучая обида на мать.

Первой на бунт решилась королевна Зофья, самая умная и начитанная из трех младших сестер.

В 1547 году, после женитьбы Сигизмунда Августа на Барбаре Радзивилл, королева Бона объявила бойкот нежеланной невестке. Она стала делать все возможное, чтобы расторгнуть брак, заключенный без ее ведома и согласия. В домашнюю войну были втянуты все члены семьи. Бона Сфорца запретила дочерям даже разговаривать с братом, пока он не расстанется с женой. Анна и Катажина послушно выполняли приказ матери. Они были напуганы слухами, что Барбара Радзивилл — злая колдунья, которая опоила Сигизмунда Августа приворотным зельем. Зофья же не только не осудила брата за его выбор, но и собственноручно написала Барбаре письмо, в котором было много добрых слов. Мятежная Ягеллонка, прекрасно понимая, что такое быть несчастной, жить без настоящей любви, искренне радовалась, что хотя бы ее брат женился по любви. В 1551 году

умирающая Барбара Радзивилл получила еще одно письмо от мужественной Зофьи. Королевна просила жену брата простить Анне и Катажине их молчаливую поддержку действий матери.

Этого Бона Сфорца не простила дочери. В 1553 году к Зофье посватался принц из династии Гогенцоллернов. Сигизмунд II Август как король и великий князь должен был принять решение. И он был готов дать положительный ответ. Но Бона, как тигрица, набросилась на сватов с оскорблениями. Она подпустила много шпилек относительно вероисповедания жениха, его политической ориентации, внешности, характера. Переговоры были сорваны.

Только через два года нашелся другой претендент на руку королевны Зофьи. Им стал шестидесятилетний принц Брауншвейгский, степенный и благородный старый рыцарь. Зофье Ягеллонке было в то время уже тридцать три года. Она понимала, что, возможно, это последний ее шанс устроить личную жизнь. Потому упросила брата, чтобы предварительные переговоры он провел без матери. И все удалось. Брачный контракт был составлен. Счастливая невеста с нетерпением ждала дня свадьбы.

Возможно, в это время слишком широко распахивала она окна своих покоев, желая надышаться вдоволь свежим воздухом, который, казалось ей, несет с собою сейчас запах свободы и счастья — накануне приезда жениха Зофья простудилась и тяжело заболела. Ее так сильно лихорадило, что она время от времени теряла сознание. И лекарь Боны Сфорцы итальянец Монти вскоре заявил, что королева Зофья «готовится предстать перед глазами Бога».

Генрих Брауншвейгский, который как раз в это время прибыл в Краков, не на шутку забеспокоился. Он искренне жалел свою невесту и не знал, как лучше повести себя в такой ситуации. Сигизмунд II Август, поверивший словам лекаря о том, что Зофья умрет, предложил принцу не отменять назначенную свадьбу. А взять вместо Зофьи другую его сестру — Анну. Она также находилась уже в критическом возрасте и также мечтала о замужестве.

Но Бона Сфорца зловеще заявила, что не отдаст за Генриха Брауншвейгского Анну, пока Зофья еще не распростилась с жизнью. Да и вообще, относительно младших дочерей у нее свои планы. Принц Генрих сватал Зофью — что же, пусть считает, что со свадьбой у него ничего не получилось. Такова, значит, воля небес.

Услышав такой резкий приговор, при дворе все ахнули, бойкие слуги тут же начали разносить по покоям и залам Вавельского замка эту интересную новость. Трудно сказать как, но больная Зофья также

услышала это. Она собрала все свои силы, встала со своего смертного одра и приказала себя одеть...

В зале для торжеств, где готовили для Генриха Брауншвейгского прощальный прием, вдруг все притихли. Придворные дамы и кавалеры в смятении расступились и пропустили вперед смертельно бледную королевну Зофью. Она склонилась перед братом и матерью в церемониальном поклоне, а потом направилась к жениху.

— Я так искренне молила небо, чтобы оно послало мне вас, — сказала она Генриху Брауншвейгскому.— Я просто не могу умереть, когда вы приехали наконец за мной...

Свадьба состоялась, и 25 февраля 1556 года Генрих Брауншвейгский вместе с окончательно выздоровевшей Зофьей Ягеллонкой покинул Польшу. Они жили в спокойствии и взаимном уважении. Детей в этом браке не предвиделось, но принц Генрих имел наследника, сына от первой своей жены. Пасынок Зофьи Ягеллонки уважал ее. И даже иной раз обращался к мачехе, чтобы она заступилась за него перед отцом.

Вскоре после свадьбы Зофьи Ягеллонки Бона Сфорца также покинула страну и уехала в Италию. Она поняла, что больше не сможет держать в подчинении ни сына, ни дочерей. В мае 1557 года королева Бона внезапно умерла в своем итальянском имении в Баре. Некоторые исследователи считают, что она была отравлена по приказу короля испанского и неаполитанского Филиппа II, который стремился завладеть Баром. И что будто бы отраву вместо лекарства она приняла от своего доверенного лекаря Монти, соучастника многих ее злодеяний. По-настоящему скорбила о смерти матери только ее старшая дочь Изабелла. Сигизмунд Август даже не выказал сожаления после того, как ему сообщили печальную весть.

Зофье известие о смерти матери принесли во время приема ею и мужем в своем замке гостей. Совсем не изменившись в лице, она встала, прошла в замковую каплицу и склонилась перед алтарем. Через полчаса поднялась с колен и направилась к выходу, где уже ждал обеспокоенный Генрих Брауншвейгский.

— Пусть простит ей Бог, как я ей простила, — тихо вымолвила Зофья Ягеллонка, возвращаясь с мужем в зал к своим гостям.

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

О том, как муж и жена хранили верность своим первым возлюбленным

Как только в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском стало известно, что призрак покойной королевы Барбары дозволил Сигизмунду Августу новый брак, магнаты и духовенство стали предлагать своему господину всевозможных невест. Но король у каждой из кандидаток находил существенные недостатки, мешающие ей занять пустующий трон государыни.

Тогда за дело взялся Миколай Радзивилл Черный, всегда имевший на Сигизмунда Августа большое влияние. После долгих бесед и убеждений он добился от короля принципиального согласия на новую женитьбу и предложил наилучшую с его точки зрения кандидатуру.

В Австрии жила двадцатилетняя принцесса Катарина. Она была родной сестрой первой супруги Сигизмунда Августа, Элизабет Габсбург. В юности Катарина по большой любви вышла замуж за своего ровесника, герцога Мантуанского Франсиско Гонзаго. Казалось, ничто не должно было омрачить союз этих двух равнодостойных по положению в обществе, богатству, возрасту людей. Однако судьба уготовила Катарине жестокий удар. Ее молодой супруг погиб на охоте. Бедная юная вдова в отчаянии хотела уйти в монастырь, родителям с трудом удалось отговорить ее от такого опрометчивого шага. Тогда принцесса поклялась хранить всю жизнь верность герцогу Гонзаго. Она покинула Мантую, где все так живо напоминало о скоротечных днях ее счастья и любви, и вернулась жить в родительский замок.

Сигизмунда Августа действительно заинтересовал рассказ о Катарине Габсбург. Судьба австрийской принцессы показалась ему чрезвычайно похожей на его собственную судьбу. Если уж ему все равно придется на ком-нибудь жениться, подумал, вероятно, король, то лучше пусть это будет человек, прошедший через такие же горькие разочарования, как и он. Если не любовь, так пусть общность страданий сблизит его с новой женой.

Кроме планов личностных союз Сигизмунда Августа с Габсбургами в это время имел бы крайне важное политическое значение. Потому что Австрия усиленно склонялась к союзничеству с московским царем Иваном Грозным против Сигизмунда Августа.

Итак, князь Миколай Радзивилл Черный был отправлен в Австрию сватать принцессу Катарину. Ему это удалось без особых проблем. Император, отец невесты, был очень рад, что на его безумствующую в своем горе дочь «нашелся покупатель». Серьезно оговаривались только те пункты брачного договора, которые касались приданого. Ибо Габсбург был скуп. Наконец, обе стороны пришли к соглашению, и в назначенный день в главном соборе австрийской столицы состоялся обряд предварительного бракосочетания. Выступая в качестве доверенного лица жениха, Радзивилл повел Катарину к алтарю. Бедняжка плакала. Накануне венчания она умоляла отца избавить ее от необходимости нарушить клятву верности покойному супругу. Но Габсбург остался непреклонен. Слезы будущей королевы польской, великой княгини литовской смутили Миколая Радзивилла Черного и несколько поколебали его в мысли, что выбор супруги для Сигизмунда Августа был сделан правильно. Еще больше он растерялся, когда настал черед выполнить вторую часть предварительного брачного обряда — на несколько минут положить рядом на одно ложе невесту и лицо, заменяющее жениха. Катарина наотрез отказалась выполнить эту незначительную формальность. Возможно, Черный и не стал бы особенно настаивать на строгом соблюдении этой части древнего брачного сценария, но в целях укрощения строптивой дочери австрийский император решил непременно заставить Катарину повиноваться. Он ухватил упирающуюся невесту поперек туловища, приказав своему старшему сыну взять упрямицу за ноги. Вдвоем они подтащили Катарину, которая яростно царапалась и кусалась, к пресловутому ложу и кинули на перину. Рядом, не снимая рыцарских доспехов, в которых он стоял под венцом, прилег обескураженный Радзивилл. И тут, по свидетельству хроник того времени, между Катариной и князем «произошла сцена, которая обычно происходит между кошкой и собакой».

Впрочем, силы скоро покинули австриячку, и на смену агрессивности пришла апатия и меланхолия. Она смирилась со своей судьбой.

Через несколько месяцев в Кракове произошло повторное торжественное венчание Катарины Габсбург. И жениха уже никто не заменял — Сигизмунд Август сам надевал ей на палец золотое колечко, а на голову — золотую корону...

Напрасно принято считать, будто люди со схожими судьбами обязательно должны понимать друг друга. Сигизмунд Август и Катарина Габсбург оставались чужими друг другу даже спустя годы после того, как стали мужем и женой. Каждую ночь король засыпал

рядом с Катариной, повторяя имя Барбары. А Катарина каждое утро начинала с горячей молитвы за упокой души Франсиско Гонзаго. Супруги упивались каждый своим горем, и никто ни разу не сделал попытки понять чужое. После веселого юного мантуанского герцога польский монарх казался Катарине мрачным и замкнутым. Он пугал ее. После страстной красавицы Барбары по-мальчишески неуклюжая, постоянно молящаяся Катарина не могла возбудить абсолютно никаких чувств в сердце Сигизмунда Августа. К тому же очень скоро открылось, что австриячка, как и ее старшая сестра Элизабет, первая супруга польского монарха, страдает эпилепсией. Вероятно, это была «семейная» болезнь Габсбургов.

Она ли или что иное было виной тому, что Катарина так и не смогла дать Польше и Великому княжеству Литовскому наследника. Поняв это, супруги, соединенные без любви, вообще разъехались. Сигизмунд Август жил в основном в Кракове, откуда правил обеими своими державами, Катарина — в Вильно, где интересовалась политическими новостями, писала письма родственникам и друзьям, читала томами теологическую литературу.

В 1558 году Сигизмунд Август предложил Катарине Габсбург развестись. Она согласилась. Но костел не дал королевской паре на это дозволения. Попытки получить развод длились до 1566 года. Они неизменно кончались неудачей. Тогда Катарина выказала желание просто покинуть Королевство Польское и Великое княжество Литовское и вернуться в Австрию...

Она умерла в 1572 году на родине, в городе Линзу. По иронии судьбы Сигизмунд II Август пережил ее всего на несколько месяцев.

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как юная, панна предавала свою любовь

В 1554 году Великое княжество Литовское и Королевство Польское были взбудоражены известиями об ужасной гибели молодого православного магната Дмитрия Сангушко. Эта история как, наверное, никакая другая потрясла современников, сердца которых, казалось бы, должны очерстветь в условиях бесконечных кровавых войн, уносивших жизни тысяч мужчин и женщин, старых и молодых, грешных и безвинных.

Отчего же судьба этого человека нашла такой живой отклик? Уж больно необычными были обстоятельства, предшествовавшие его гибели. Дмитрий Сангушко принял смерть из-за того, что пылко и страстно был влюблен в юную и прекрасную панну.

Ее звали княжной Елизаветой Острожской. И была она единственным ребенком незаконнорожденной дочери короля Сигизмунда I Беаты Костелецкой. Елизавета появилась на свет сиротой через три месяца после смерти своего отца, князя Ильи Острожского.

По законам тех времен после смерти мужа вдова получала лишь незначительную часть его имений, так называемый «вдовий удел». Остальное же наследство оставалось детям. Князь Илья Острожский являлся одним из самых богатых магнатов Великого княжества Литовского. В повседневной жизни Острожские вели себя как короли. С детства зная о своем высоком происхождении, Беата радовалась возможности одеваться, питаться и развлекаться не хуже законных королевских дочерей. Будучи глубоко в душе женщиной завистливой и эгоистичной, она не могла бы смириться с вдруг возникшей необходимостью скромного существования на доходы от «вдовьего удела». Появление на свет Елизаветы, единственной наследницы Ильи Острожского, давало Беате возможность на правах опекунши распоряжаться всеми мужниными имениями и богатствами. Кроме этого, согласно последней воле князя Острожского Беате предстояло возложить на свои плечи еще одну «тяжелую» обязанность, взять под свою опеку двенадцатилетнего брата Ильи, Константина Василия, который был наследником таких же больших богатств, как и Елизавета.

Трудно представить себе, до какой глубины падения может дойти человек, прельстившийся блеском золота. Получив совершенно

официально доступ к наследству двух детей, Беата зажила весело и широко. Она позволяла себе делать такие дорогие покупки, о целесообразности которых не раз и не два перед совершением их задумалась бы королева. Она придумывала себе такие развлечения, стоимость каждого из которых равнялась стоимости вооружения небольшого войска. Она без сожаления проматывала огромное, создаваемое поколениями, богатство рода Острожских, которому принадлежало тогда восемьдесят городов с несколькими тысячами сел.

Впрочем, желая добиться всеобщего восхищения и веса в обществе, мотовке с непомерной гордыней удалось вызвать к себе только презрение умных людей, тайные насмешки тех, кто в глаза клялся ей в уважении и преданности и сильнейшую ненависть Константина Василия. То ли сам подросток, то ли родня его покойной матери Александры Олелькович однажды довели до сведения Сигизмунда II Августа, как Костелецкая транжирит наследство Константина Василия. И король волею своею объявил юного Острожского досрочно совершеннолетним. Беате пришлось передать в руки Константина Василия управление его имениями и дать полный отчет о том, куда делись доходы от них, получаемые ею за время опекунства.

Поняв, насколько это бывает неприятно, Беата решила, что хотя бы в случае с ее дочерью такого не произойдет. Для этого Елизавету она решила растить в полной покорности и послушании. И вот вдова Острожского обратила самое пристальное внимание на воспитание маленькой Гальшки (так, на польский манер, называла она Елизавету). О, она оказалась довольно умелой учительницей! К двенадцати годам наследница князя Ильи превратилась в слабовольного подростка. Ее вкусы и пристрастия были вкусами и пристрастиями матери. Ход ее мыслей был созвучен ходу мыслей Беаты. А когда она начинала говорить, окружающие легко улавливали в ее речи фразы и интонации Костелецкой.

Гальшка стала бледной тенью своей родительницы, человеком, не способным на поступок, склонным к меланхолии, слезливым, во всем полагающимся на мать. Но по иронии судьбы именно этой слабой и безвольной панне против собственного желания предстояло стать покорительницей мужских сердец. Потому что кроме отцова наследства, безумно транжируемого ее матерью, Елизавете Острожской было дано иное, Божье наследство, — красота.

Княжна была очаровательна уже с двенадцати лет, в том возрасте, когда девочки выглядят угловатыми и начинают отчаянно бороться с

веснушками и прыщами. Именно двенадцатилетней Гальшке было сделано первое признание в любви. А потом начались бесконечные брачные предложения от магнатов и богатой шляхты, от польских, литвинских и русских женихов. В те времена возможно было заключение брака с несовершеннолетней невестой по соглашению обеих сторон. Впрочем, мать девушки решительно отказывала всем, ссылаясь на то, что Гальшка еще слишком юна для брачных уз. Это были хитрые отговорки, так как Беата радела отнюдь не о благе и здоровье дочери, ей хотелось как можно дольше оставаться опекуншей Елизаветы и распорядительницей ее наследства. А может, тайной мыслью Беаты было и вовсе не выдавать дочь замуж.

Константин Василий решил вмешаться в ход событий. Он потребовал от короля суда над Костелецкой, обвинив ее в превышении опекунских полномочий. Сигизмунд Август счел необходимым в 1551 году произвести четкое разделение имущества, вплоть до личных вещей и предметов туалета, между дочерью и матерью и строго запретил последней посягать на достояние первой. Впрочем, Беата продолжала тратить деньги Гальшки, действуя более хитро. Опытный нотариус помогал ей составлять оправдательные документы, из которых явствовало, что все расходы сделаны исключительно в интересах опекаемой.

Спасти богатства, принадлежащие Елизавете Острожской по праву единственной наследницы князя Ильи, можно было только одним способом: срочно выдать ее замуж. И дядя Константин Василий решил, что ему следует поспособствовать этому. Во-первых, в память о доброте умершего брата. Во-вторых, чтобы отомстить алчной Беате. И наконец из чувства сострадания к очаровательной юной княжне, в которой мать уже почти задушила собственное «я».

Константин Василий стал внимательно наблюдать за Елизаветой, чтобы понять, нет ли среди претендентов на ее руку того, кто был бы девушке небезразличен.

Увы, Гальшка вела себя со всеми одинаково. Она ждала знака со стороны матери и была внутренне готова к тому, чтобы с радостью назвать мужем любого мужчину, лишь бы только он устроил Беату. Наверное, не раз сомнения одолевали Константина Василия: да сможет ли вообще когда-нибудь полюбить кого-то его племянница! Может быть, лишив дочь воли, Беата лишила ее и сердца?

Но вот в холодный ноябрьский день, когда в замке Острожских пышно справляли четырнадцатилетие Елизаветы, юная княжна вдруг обратила внимание на одного из самых лучших друзей Константина Василия, князя Дмитрия Сангушко. Он был очень молод, но, несмотря

на это, успел уже проявить себя на поле брани. Мужчины о нем говорили как об очень отважном и смелом рыцаре. Дамы хвалили его ум и воспитанность. А все молодые девушки, подруги Гальшки, давно уже были влюблены в этого статного веселого красавца.

Острожская робко завела разговор с молодым человеком, и он охотно его поддержал. Так начался их роман.

Константин Василий не сомневался, что эгоистичная Беата откажет и этому, милому сердцу ее дочери, жениху. Так и случилось. И тогда Острожский предложил влюбленному другу выкрасть невесту. Так делали многие до Сангушко. Чаще всего — с согласия девушек. И родители похищенных, обычно изрядно пошумев, все-таки прощали влюбленных, не в силах ничего поделать со свершившимся браком.

Отвергнутый жених согласился с доводами Константина Василия.

Так в один прекрасный день во главе группы вооруженных шляхтичей Дмитрий Сангушко и Острожский ворвались в жилище Беаты Костелецкой. Под веселый смех участники нападения завели хозяйку в собственную спальню и заперли там. Яростно колотя в крепкие дубовые двери, Беата призывала громы и молнии на головы бесстыжих разбойников. Но это нисколько не мешало шляхтичам опустошать винные погреба Костелецкой, а князю Дмитрию клясться в вечной любви Елизавете.

Девушка сначала испугалась, но нежными словами и лаской влюбленный рыцарь успокоил ее. Юной и неопытной девушке сопротивляться магии любви было трудно. И княжна Острожская дала согласие Дмитрию Сангушко стать его женой и бежать с ним.

Молодая пара тут же в замковой часовне обвенчалась, благо священника Константин Василий благоразумно привез с собой, и направилась в Чехию. Там князь Дмитрий, по совету Острожского, собирался отсидеться, пока не утихнет скандал.

Но Сангушко и Константин Василий недооценили энергичности и возможностей Беаты Костелецкой. А она, как только смогла выбраться из комнаты, где по воле похитителей Гальшки провела несколько неприятных часов, кинулась с жалобой на Сангушко и Острожского к Сигизмунду Августу. С большим трудом удалось королю убедить единородную сестру умолчать об участии в скандальном происшествии Константина Василия. Это бросало тень на честь всего рода, к которому волей судьбы принадлежала теперь и сама Костелецкая. Но в отношении князя Дмитрия он вынужден был срочно созвать Верховный суд. Суд, подпав под влияние темперамента Беаты, постановил брак Сангушко с княжной Острожской считать недействительным, даже если заключен он был с

согласия девушки, потому что княжна Острожская была несовершеннолетней и не имела еще права распоряжаться своей судьбой. «Злодей» был объявлен вне закона. Таким образом Беата получила право на безнаказанную расправу со своим обидчиком. Фактически это был смертный приговор Дмитрию Сангушко. И у Костелецкой были на примете те, кто смог бы его исполнить.

Люди, хорошо знавшие и уважавшие князя Дмитрия, молились об одном, чтобы ноги его коней оказались достаточно резвыми и чтобы у него хватило ума до пересечения границы не останавливаться и не расслабляться.

Увы, доброжелателям Сангушко было плохо ведомо, что это значит, путешествовать вместе с четырнадцатилетней особой, разнеженной и капризной. После полудневной скачки Гальшка стала жаловаться на ужасную усталость. Слезы и упреки посыпались на голову влюбленного рыцаря. Князь Дмитрий пытался объяснить ситуацию, убедить, уговорить Елизавету немного потерпеть. Но все было напрасно. Княжна упала в обморок прямо в седле или очень ловко изобразила это. Дмитрий Сангушко вынужден был остановиться. На следующий день он уже не просил у юной супруги быть мужественной. Он знал, что это напрасно. И как только новоиспеченная княгиня Сангушко начинала выдыхаться и жаловаться, супруг ее находил в окрестностях более-менее подходящее для отдыха жилище.

Эти непростительно долгие и частые задержки могли погубить князя Дмитрия. Так и случилось. Уже на самой границе с Чехией в местечке Лыса беглецов настиг вооруженный отряд воеводы Зборовского, дальнего родича Беаты по линии Костелецких. Предприимчивая мать обещала руку Гальшки вместе со всем, что принадлежало ей по праву наследования, сыну Зборовского. Условие было одно — смерть «похитителя честной девушки».

Преследователи ворвались в заезжий дом, где остановились на ночлег Сангушко и Гальшка. Отважный рыцарь отчаянно сопротивлялся. Но силы были неравными. Князя Дмитрия убили не сразу же после того, как его удалось обезоружить. Зборовскому хотелось сначала допросить пленника. На правах будущего свекра Елизаветы Острожской, воевода хотел иметь твердую уверенность в том, что девичья честь «похищенной княжны» не пострадала. На столь пикантный вопрос Дмитрий Сангушко отвечал прямо и с достоинством:

— Потому как венчаны были, и супругами друг друга называли, все и происходило между нами как между супругами.

После таких слов люди воеводы принялись жестоко избивать князя Дмитрия. Когда тело его превратилось в сплошную кровавую рану, по приказу Зборовского злосчастному мужу Острожской сломали хребет.

Плачущая Гальшка была препровождена к матери. Беата затворила княжну подальше от любопытствующих глаз, отказывая в возможности видеть ее даже сыну Зборовского, которому обещала ее руку.

Впрочем, очень скоро она вынуждена была предъявить дочь общественности. Узнав о подробностях расправы с Сангушко, его ближайшие родичи подали на Зборовского в суд. Их негодование можно было понять: никогда еще магнат, прославленный герой, пусть даже и оказавшийся волей судьбы вне закона, не принимал столь позорной и мучительной смерти. Зборовский волен был лишить жизни князя Дмитрия, если не в честном поединке (что было необязательно при таких обстоятельствах), то хотя бы при помощи честного оружия.

Возмущение родственников поддержала шляхта Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Предчувствуя, чем для него могут закончиться судебные разбирательства, Зборовский обратился за помощью к Беате. Единственным оправданием жестокой расправы с Сангушко для него мог бы стать жалостливый рассказ похищенной девушки в суде о том, как гнусный злодей надругался над нею, не обращая внимания на мольбы о пощаде и слезы. Только в качестве справедливого мстителя Зборовский мог спастись от сурового приговора суда.

И Костелецкая, сообразив, что ей выгоднее помочь соучастнику преступления оправдаться, употребила все свое материнское влияние на несчастную Елизавету. Как удалось ей убедить девушку в необходимости предать свою первую любовь — неведомо. Известно только, что представ перед королем в день суда над Зборовским, княжна Острожская поклялась на Библии, что увезли ее из дома матери силой. Что не Дмитрия Сангушко, а сына воеводы Зборовского собиралась назвать она своим мужем. Что князь Дмитрий был подлым насильником. И что Зборовский, убив его, отомстил за поруганную честь невесты своего сына.

Такого не ожидал никто. Магнаты и шляхта, судьи и сам король были в шоке. Зная очень хорошо добрый нрав и самоотверженность молодого Сангушко, люди не хотели верить услышанному. Но можно ли было и как опровергнуть слова «жертвы»? Воеводу Зборовского оправдали.

Покидая зал суда, король, говорят, несколько раз тихо проговорил, обращаясь мыслями к юной Острожской : « Несчастная!».

Судьба солгавшей под присягой девушки, действительно, сложилась потом очень несчастливо. Ей не суждено было больше изведать ни настоящей страсти, ни настоящего супружества. Небеса уготовили ей жизнь, полную отчаяния и безумия.

Такой была расплата за предательство памяти человека, любимого ею и любившего ее.

РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

О том, как княжна Острожская одновременно имела в мужьях католика и православного

После печальных событий, связанных с похищением Елизаветы Острожской, среди знатных подданных Сигизмунда II Августа начались волнения. Всех беспокоило, кто же теперь станет мужем этой, чуть ли не самой богатой невесты Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Действительно ли все имения Ильи Острожского перейдут в собственность Зборовским или король все-таки не допустит такого возвышения этого ничем не прославившегося рода.

Король и сам был недоволен выбором Костелецкой. В своем письме к ней он высказал это так: «Над тем раздумываю, чтобы ужаку этого большого (воеводу Зборовского. — Авт.) к нашему панству не усадили. Воевода и так уже имеет много имений на Руси, а своей наглостью еще и далее их умножает. Если б сын воеводы взял Гальшку в жены, тогда на целую Волынь и на Русь расширил бы свою могущественность».

Беата теперь тоже была склонна отказать Зборовским. Она понимала, что хотя судом воевода и оправдан, репутация у него серьезно пострадала. Сообщив Зборовскому о недовольстве короля, она взяла назад данное ею слово о женитьбе.

Когда об этом стало всем известно, магнаты чуть не подрались между собой за право получить вместе с рукою Гальшки ее богатства. Чтобы успокоить их, Сигизмунд II Август заявил, что сам выберет для Острожской жениха.

В то время королю чем-то очень угодил католик — граф Лукаш Горка. И Сигизмунд Август предложил ему стать мужем Гальшки. Граф не был особенно богат, и с радостью согласился.

Король срочно вызвал княжну к себе и, когда та приехала, твердо объявил ей о своем решении. Увы, Гальшке жених совсем не понравился. Однако она не посмела возразить своему государю и покорно предстала с Лукашем Горкой перед алтарем. Но сразу же после венчания жена сбежала от мужа. Конечно же, она кинулась за помощью к матери. И возмущенная тем, что Сигизмунд Август не соизволил обсудить кандидатуру зятя с нею, Беата тайно вывезла Елизавету во Львов. Рассудив, что менее всего их будут искать в мужском монастыре, женщины попросили убежища у местных

доминиканцев. Костелецкая много лет подряд жертвовала на нужды этого монастыря деньги, и потому аббат считал себя очень ей обязанным.

Долго граф Лукаш оставался всеобщим посмешищем. Два года безуспешных поисков невероятно озлобили его. Поэтому, когда в 1559 году совершенно случайно ему стало известно, где пребывает внезапно исчезнувшая его жена вместе с тещей, он собрал целое войско для похода на Львов.

Как оказалось, не зря. Горке довелось несколько месяцев подряд штурмовать «смиренную святую обитель». Монахи мужественно оборонялись, отбивая очередной приступ врага меткими выстрелами, пушечными ядрами, градом камней и горящей смолой. При этом святые братья громко пели псалмы, окончательно выводя из себя разъяренного графа. Поняв, что не сможет взять штурмом монастырскую твердыню, Лукаш Горка решил действовать иначе — обложить обитель со всех сторон и ждать, когда голод и жажда принудят монахов сдаться.

В конце концов пришло время, когда монастырские ворота открылись. И старый аббат в окружении наиболее уважаемых братьев вышел навстречу воинственному графу. Монахи вывели из крепости княжну Елизавету, которая рыдала и отчаянно отбивалась.

Но когда Горка приблизился к супруге, чтобы увести ее с собой, аббат сообщил, что он не уверен в правах графа на эту женщину.

Оказывается, во время осады Беата Костелецкая послала тайного гонца в Слуцк к неженатому православному князю Семену Олельковичу, которому предложила стать мужем Елизаветы. Слуцкий князь немедленно прибыл во Львов. Ночью он через тайный ход проник в монастырь и обвенчался с Острожской. Вскоре после этого у осажденных кончилась вода и монахи раскрыли перед Горкой ворота.

Теперь только король и великий князь мог рассудить, кто из мужей Острожской имеет на нее больше прав.

Пока во Львове ожидали решения Сигизмунда II Августа, Гальшку как предмет спора передали под опеку нейтральной особе — львовскому старосте Петру Борзому. В доме последнего она, кстати, объявила голодовку, требуя, чтобы ее вернули мужу, Семену Олельковичу. Пыталась добиваться этого же и мать. Своим поведением она уже начала раздражать короля. Тем более, что на этот раз ситуация, которую следовало разрядить Сигизмунду Августу, была крайне трудной. Одна и та же женщина оказалась одновременно женой двух мужчин. Но обвинить ее в разврате и нарушении закона о моногамии было совершенно невозможно, потому что, обвенчавшись

с двумя мужчинами, фактически Острожская не стала женой ни одного из них. От Горки она сбежала сразу же после заключения брака. А Олелькович не смог приступить к выполнению своих супружеских обязанностей в монастырских условиях. Лукаш Горка имел приоритет перед Семеном Олельковичем. Но сама Елизавета из двух претендентов на свою руку отдавала предпочтение второму.

Решение усложняло еще то, что Горка был поляком и католиком, а Олелькович — литвином и православным. Выбор короля мог привести к тому, что его подданные посчитали бы, что Сигизмунд II Август отдает предпочтение одной конфессии перед другой и одному народу перед другим. Решение должно быть таким, чтобы все признали его справедливым.

Король обратился за советом к духовенству. На собственном горьком опыте он уже знал, что католический брак считается практически нерасторжимым. Ведь даже Сигизмунду Августу папа римский отказал в разводе с бездетной Катариной Габсбург. Православные священники уверили его в том, что и брак по православным законам в идеале должен быть незыблимым, но тем не менее существуют мотивы, по которым возможен развод. И таким мотивом вполне может стать супружеская клятва, принесенная Елизаветой Острожской Лукашу Горке в католическом храме. К тому же, напомнили католические прелаты, Острожская венчалась с Олельковичем хотя и по православным законам, но в католическом монастыре. Не было никого, кто мог бы проконтролировать православного священника, которого привел с собой потайным ходом Олелькович, насколько четко были соблюдены все тонкости обряда венчания.

Это значило, что Гальшка должна считаться супругой Лукаша Горки. Доводы Беаты Костелецкой, ссылающейся на закон, согласно которому девушек-сирот разрешалось выдавать замуж только с разрешения их ближайших родственников (король-де нарушил этот закон, выбрав в супруги Гальшке Горку, не обсудив кандидатуру с матерью невесты), потонули в сильном потоке аргументов в пользу брака графа Лукаша. Суд принял решение, и княжну Острожскую отдали Горке. Оскорбленный тем, как вела себя его жена во время суда, граф поступил так, как, наверное, в те часы повели бы себя в подобной ситуации двое из трех мужчин: запер ее в одном из своих замков и приказал никого не допускать к ней. Все свои усилия Горка теперь сконцентрировал на том, чтобы завладеть пресловутыми богатствами Острожской. Для этого необходимо было юридическое согласие супруги. А Гальшка упрямо твердила, что раз она не считает графа Лукаша своим мужем, то ничего из ее имений и денег ему не

передаст. Молодая женщина из письма матери, переданного ей тайком, узнала, что князь Семен Олелькович решил не сдаваться и продолжает бороться за свои права на Острожскую. Что он нашел уже много горячих сторонников среди магнатов Великого княжества Литовского, которые не хотели, чтобы из-за брака Елизаветы с поляком, имения православных литвинов Острожских перешли к Королевству Польскому. Что князь Семен любит ее и мечтает с ней соединиться. Гальшка тут же составила документ на передачу имений «мужу моему Семену Олельковичу». Правда, не без указания Беаты, добавила пункт о том, что доходами с них слуцкий князь сможет распоряжаться только после того, как их семья «станет единой». А пока оставляет это право за матерью.

Итак, Лукаш Горка, получивший права на Елизавету, обивал пороги судов, пытаясь получить также ее имения. А Семен Олелькович, имеющий права на богатства Острожских, мечтал добиться любой ценой Гальшки. Одно время ходили даже слухи, что Олелькович поклялся, если иначе будет невозможно освободить Елизавету, убить графа Горку.

Но напрасно Острожская обольщала себя надеждой, что ее, как сказочную принцессу, заточенную злым чародеем, избавит от плена рыцарь на белом коне. Семен Олелькович внезапно умер в 1560 году. Ничего изменить в судьбе Елизаветы он не смог.

Из упрямства ли, из желания отомстить нелюбимому человеку, который вырвал ее из объятий желанного, но Гальшка продолжала отказывать Горке в правах на ее имения.

А Беата Костелецкая, чтобы еще более затруднить ненавистному зятю доступ к богатствам Острожских, поспешила выйти замуж за рыцаря Ольбрахта Ласского, который был моложе ее на двадцать один год. И переписала все свои, а заодно и Елизаветины имения теперь уже на него. Однако почтенная матрона жестоко просчиталась. Ее молодой муж выказал ей черную неблагодарность. И после того, как получил доступ к богатствам, по примеру графа Горки запер жену как невольницу в своем замке. В этом домашнем заточении она и умерла.

Гальшке повезло чуть больше, чем матери. Она все-таки вышла на свободу. В 1573 году, обиженный и злой, скончался Лукаш Горка. И двери ее темницы внезапно растворились. Только замученная, почти лишившаяся рассудка от тоски и унижений тридцатичетырехлетняя женщина уже не знала, что ей делать со свободой.

Константин Василий Острожский, вероятно, чувствуя на себе известную долю вины за то, что судьба его племянницы сложилась

столь печально, взял несчастную к себе. Он помог Елизавете вытребовать у Ласского обратно ее имения, и Гальшка тут же переписала их на дядю. Она просила употребить огромные доходы от этих имений на богоугодные, благотворительные дела.

Последние годы своей жизни женщина, виновница таких бурных драм, провела в уединении в одном из отдаленных замков Острожских. Она наслаждалась покоем и тем, что никто больше ничего от нее не требует. Выращивала цветы в замковом саду и носила почти монашеское черное одеяние. За это ее стали называть черной княгиней.

Умерла она в 1582 году, сорока трех лет от роду.

РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

О том, что даже самым грозным государям ведомо чувство любви

Иван Грозный — целая эпоха в — историй России. Наверное, у XVI столетия не было личности более противоречивой и неординарной. Сделав так много для укрепления могущества своей державы ему суждено было остаться в восприятии потомков государем, казнящим и милующим своих подданных не по заслугам их, а единственно из сиюминутной прихоти. Много подлинных кровавых историй, связанных с именем царя Ивана, хранят для нас документы того времени. Еще больше их сохранилось в народных песнях и преданиях. Тут и вероломные убийства наиболее честных, наиболее преданных своему народу бояр. И жестокое истребление тысяч новгородцев, включая немощных стариков и малых детей. И убиение монахов, священников и даже митрополита, который отказывался от лица церкви одобрить деяния царя. И лютые казни тех, кто, долгое время считаясь лучшими друзьями его, вдруг в одночасье впали в немилость. И даже позорные братоубийство и сыноубийство.

После такого внушительного списка злодеяний, совершенных Иваном Грозным, уже никого не удивишь сообщением о том, как жестоко этот царь расправлялся с женщинами, которых принуждал любить себя. И это были не только царские любимицы «на час», но и законные супруги. Их у него было восемь, и почти каждая либо умирала при таинственных обстоятельствах, либо оканчивала по воле царя Ивана свою жизнь в монастыре.

Но и этому жестокому сердцу однажды была ниспослана Богом настоящая любовь. Она была путеводной звездой молодого государя целых тринадцать лет, смягчая гнев, отводя от жертвы его карающую руку и ежечасно молясь за него. Имя этой женщины — царица Анастасия Романовна. И предки ее, по преданию, были выходцами из Литвы.

Московские хроники рассказывают, что когда великому князю Ивану Васильевичу в 1547 году исполнилось семнадцать лет, вызвал он к себе митрополита для тайной беседы. Долго они пробыли наедине, и покинул митрополит государевы покои «с лицом веселым», и, отслужив благодарственный молебен в храме, послал созвать всех московских бояр. Пригласили даже тех, кто был в опале.

Когда же собрались все «большие люди» в палатах московских правителей, юный Иван Васильевич объявил подданным, что намерен

венчаться на царство, чтобы на московском престоле сидел, как некогда в Византии, полноправный царь, чтобы мощь державы укрепить наипочетнейшим титулом. А еще высказал государь желание жениться.

— Первою моей мыслию было искать невесты в иных царствах, — поделился с собравшимися Иван Васильевич, — но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтися нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России по воле Божией...

Чтобы исполнить волю государя, по всем русским городам были разосланы знатные сановники, окольничие, дьяки, чтобы ни одна русская красавица благородного происхождения не осталась незамеченной. Лучших из лучших претенденток пригласили на теперь уже царский двор и представили новоиспеченному царю Ивану IV. Он подходил к каждой, пристально вглядывался в их лица, заговаривал с ними. Иные смущались и робко прятали глаза, отвечая невпопад. Были среди избранниц и глупенькие болтушки. И вдруг внимание юного Ивана Васильевича привлекла боярышня, которая и внешностью своей, и умением держаться, и мудрыми речами живо напомнила покойную мать царя, Елену Глинскую. Царь взял девушку за руку и вывел из пестрой вереницы невест. Это и была Анастасия Романовна, рано осиротевшая дочь окольничего Романа Юрьевича.

Еще при достославном великом князе Иване Калите на Русь прибыл искать тут убежища знатный литвин Гланд, сын некоего боярина Дивона. Вероятно, имел он причастность к княжеским распрям, когда враждующие стороны то и дело прибегали к услугам жестоких и алчных крестоносцев. Потому что крестоносцами в Пруссии был Гланд окрещен в католичество и назван Камилом. Из Пруссии же и пришлось ему по неизвестной хронистам причине позже бежать, спасая собственную жизнь. На Руси Гланд Дивонович быстро превратился в Андрея Ивановича. А из католического его имени Камил тут остроумно была состряпана кличка Кобыл, которая позднее приняла более приемлемую для русского языка форму — Кобыла. Один из пяти сыновей Андрея Ивановича, Федор, за ловкость свою и тихость походки получил прозвище Кошка. Сына Федора Андреевича в хрониках именуют Захаром Кошкиным. Его внука — Юрием Захарьиным. Правнука — Романом Юрьевым. Дочь последнего, Анастасия, в одних источниках значится как Кошкина, в других как Захарьина, в третьих как Юрьева, в четвертых как Романова. А в некоторых даже — Кошкина-Захарьина-Юрьева-Романова. Простим

путаницу славным хронистам. Ведь фамилии в те времена еще только начинали появляться на Руси. Тем более, что, нам ведомо, позднее именно представителям этого старинного боярского рода суждено было основать новую царскую династию Романовых.

Но в тот момент, когда царь Иван IV объявил всем имя избранной им царицы, никто еще не догадывался о столь блестящей участи рода. Избрание дочери покойного боярина Романа царицей уже мнилось многим неслыханной, сказочной удачей, чем-то абсолютно недостижимым. И у многих вызывало зависть.

Но Анастасия Романовна не зазналась. Она оказалась в высшей степени достойна оказанной ей юным царем милости. Хроники называют молодую царицу целомудренной, смиренной, благочестивой, чувствительной, обладающей «умом основательным». Зная о том, что несмотря на свою молодость, Иван Васильевич уже неоднократно выказывал подданным свою крайнюю жесткость и считая причиной этого проклятие, посланное небесами его родителям, Анастасия решила посвятить свою жизнь тому, чтобы вымолить у Бога прощения для мужа, превратить его в справедливого и милостивого царя.

С первого же дня своей супружеской жизни Анастасии мудрыми речами, кротостью и лаской удалось направить помыслы Ивана Васильевича к Богу как к высшему авторитету, как к великой силе, перед которой предстоит держать ответ властителям величайших держав наравне с последними нищими. Не успели отгреметь веселые свадебные пиры, а государь и государыня уже объявили о своем решении пешком идти в Троице-Сергиев монастырь, чтобы в ежедневных молитвах провести у гроба святого Сергия Радонежского первую неделю великого предрождественского поста. Он молился о ниспослании ему мудрости в правлении, она — о прощении Всевышним как грехов самого Ивана Васильевича, так и грехов его родителей. Наверное, Бог услышал их, потому что вскоре странным и величественным образом проявил свое могущество. Лишь только окончились первые медовые месяцы семейной жизни и Иван Васильевич решил немного отдалиться от супруги для более ревностного выполнения дел государственной важности, с ним случился очередной приступ неоправданного гнева. К его престолу прибыли делегаты из Пскова с жалобой горожан на своего наместника, князя Турунтая-Пронского. Озлившийся вдруг царь с яростными криками налетел на жалобщиков, лил на них горящее вино, палил волосы на их головах и бороды. Он было приказал и казнить псковичей. Но тут ему сообщили, что с колокольни одной из московских церквей упал большой колокол. Тревожное знамение

обеспокоило всех. Через месяц после этого в Москве начался пожар, который охватил всю столицу.

«Вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма, — пишет об этом прославленный российский историк Н. М. Карамзин. — Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели».

Наблюдая за буйством огня из окон своего терема в московском пригороде Воробьеве, царь и царица пребывали в растерянности. Тогда к ним явился в одежде, пропитанной запахом гари, со всклоченными волосами и бородой некий священник. С лихорадочным блеском в глазах и поднятым к небесам перстом, он подступил к Ивану Васильевичу. Речь священника была подобна речи пророка.

— Суд Божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного, — говорил он. Огонь небесный испепелил Москву, сила вышняя волнует народ и льет фиал гнева в сердца людей.

Священник именем Бога требовал от Ивана Васильевича стать ревностным исполнителем указаний, небесами царям данных, которые сохранило для будущих поколений Священное писание. Говорят, что после этого воззвания царю Ивану было даже показано некое страшное видение. Пораженный всем этим молодой государь стал молить странного гостя стать его наставником, учить его жить и править добродетельно.

Священник, который оказался служителем московского Благовещенского собора иереем Сильвестром, согласился. У царя оказался и еще один верный сподвижник, человек невысокого происхождения, занимавший должность царского постельничего, Алексей Адашев. Сильвестр, Адашев и верная Анастасия сделали все, чтобы направить невоздержанный характер Ивана Васильевича на благо державы. Сильвестр учил его богобоязненности и справедливости. Адашев стал связующим звеном между царем и народом, принимал от обиженных и униженных подданных Ивана Васильевича челобитные и безотлагательно обращал внимание государя на беды людские и просьбы. Анастасия была живым примером добродетельной жизни. Она, как ангел-хранитель Москвы и московитов, самоотверженно отдавалась делам благотворительности и милосердия.

Твердо встав на путь исправления, молодой царь даже решился официально объявить об этом подданным. Только-только был потушен пожар и подавлен мятеж, вспыхнувший было в Москве в связи с несчастьем, Иван Васильевич велел прислать к нему изо всех городов представителей всех сословий и, выступив перед ними, сказал:

— Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судия вам и защитник.

Последующие несколько лет были самым светлым периодом правления Ивана IV. Он благоустраивал Москву, удалял из своего окружения склочников, взяточников и злопыхателей, возвращал незаслуженно обиженных подданных из опалы, пересматривал существующее в России законодательство, дополняя его новыми статьями или изменяя те, которые не казались уже справедливыми (в 1550 году вышел новый «Судебник»), пытался заняться даже обновлением церкви, освобождением ее обрядов от языческих пережитков и устранением разночтений в церковной литературе, вызванных некачественностью переводов и недобросовестностью переписчиков, мечтал вывезти в Москву из немецкой земли ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, языковедов, теологов для перенятия русскими их богатого опыта. И, наконец, для расширения границ державы и упрочения ее положения начал воевать Казань.

Два первых похода нельзя было назвать удачными. 16 июня 1552 года царь снарядился в Казань в третий раз. Анастасия Романовна ожидала ребенка, третьего в семье после двух царевен Анны и Марии. Хроники пишут, что, прощаясь с супругом, она заплакала и упала к нему в объятия. Она боялась, что волей Божьей может больше никогда не увидеться в этом мире с мужем. Иван Васильевич нежно утешил царицу и, поручая ее Богу, ей самой поручил опеку над подданными.

— Милуй и благотвори без меня, — сказал он, — даю тебе волю царскую. Отворяй темницы, снимай опалу с самых виновных по твоему усмотрению, и Всевышний наградит меня за мужество, тебя за благость.

Тогда царица встала на колени и тут же вознесла искренние молитвы о здравии, победе, славе Ивана Васильевича. Поведением своим во время проводов войска из Москвы, а также последующими добрыми делами в отношении бедных, неправедно обиженных, больных Анастасия создала в столице необыкновенную обстановку:

все время ожидания исхода казанских событий духовенство и народ, как свидетельствуют хроники, проводили в непрестанных молитвах за здравие царя и воинства. Такого на Руси не бывало со времени Куликовской битвы, когда по примеру супруги Дмитрия Донского, Евдокии, вся Русь молилась за своих ратоборцев.

Во время остановки в Муроме царю Ивану сообщили об этом, он настолько был тронут, что тут же потребовал вести его в храм, где покоились мощи муромского князя Петра и его жены Февронии, православных святых, которых в народе считали покровителями семьи и брака. Там Иван Васильевич долго молился о своей царице.

Анастасия Романовна благополучно разрешилась от бремени мальчиком почти в тот же самый день, как царь приступом взял непокорную Казань. Сына и наследника Ивана Васильевича Анастасия назвала Дмитрием, в честь князя Дмитрия Донского.

Когда царь-победитель прибыл в Москву, пишет Н. М. Карамзин, «царица еще не могла встретить его: лежала на постели; но, увидев супруга, забыла слабость и болезнь: в восторге упала к ногам державного героя, который, обнимая Анастасию и сына, вкусил тогда всю полноту счастья, данного в удел человечеству».

Впрочем, счастливые минуты всегда чересчур быстротечны. Вскоре внезапно царь занемог. Жестокая горячка навела врачей его на мысль, что он уже не поправится. Иван Васильевич написал завещание, в котором объявил своим преемником маленького своего сына Дмитрия. Но многие бояре испугались, что до самого совершеннолетия царевича им придется подчиняться братьям и дядьям царицы, которые непременно начнут править именем младенца. Наиболее смелые не устрашились сказать это в глаза умирающему. Среди тех, кто отказался присягать Дмитрию, были даже отец Алексея Адашева и сам Сильвестр. Они хотели, чтобы своим наследником царь назначил двоюродного брата, князя Владимира Андреевича. Вновь и вновь призывал теряющий сознание от лихорадки царь бояр присягнуть его сыну:

— В последний раз требую от вас присяги. Целуйте крест пред моими ближайшими боярами, князьями Мстиславским и Воротынским: я не в силах быть того свидетелем. А вы, уже давшие клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будет. Не допустите вероломных извести царевича: спасите его. Бегите с ним с чужую землю, куда Бог укажет вам путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? — продолжал Иван Васильевич, обращаясь к родственникам царицы. — Поздно щадить вам мятежных бояр. Они не пощадят вас. Вы будете первыми мертвецами. Итак,

явите мужество, умрите великодушно за моего сына и за мать его. Не дайте жены моей на поругание изменникам!

Видя, как тщетно из последних сил призывает ее муж бояр к верности, Анастасия Романовна обливалась слезами. И продолжала в молитвах своих просить Бога спасти Ивана Васильевича от смерти.

И случилось чудо: царь выздоровел. Бояре тут же повинились перед ним, и он, по просьбе кроткой Анастасии не только их простил, но и оставил в прежних чинах. Но, видимо, на ближайших своих сподвижников, не выказавших особенного рвения защищать права его сына, царь затаил глубокую обиду. Еще больше способствовало проявлению ее несчастье, произошедшее сразу же после выздоровления царя.

Выполняя один из обетов, данных им во время болезни, весной 1553 года Иван Васильевич отправился паломником в монастырь святого Кирилла Белозерского. В дорогу он взял с собою также и вновь беременную Анастасию Романовну, и царевича Дмитрия. По пути он решил заехать в обитель святого Сергия, где доживал свои дни опальный Максим Грек, один из наиболее ярых противников брака его отца с Еленой Глинской. Царь Иван внезапно возжелал увидеть мудрого старца и побеседовать с ним.

Максим Грек очень настойчиво стал уговаривать царя вернуться в Москву. Наверное, необязательно обладать вещим сердцем, чтобы понять — декабрьское утомительное путешествие еще не совсем оправившегося от болезни царя, беременной царицы и грудного младенца может закончиться трагедией. Но Иван Васильевич не послушался предупреждения. Тогда Максим Грек, отозвав от свиты, сопровождающей царя, Алексея Адашева, просил его уговорить государя вернуться, хотя бы ради младенца-сына. Однако и Адашеву не удалось убедить Ивана Васильевича.

И несчастье случилось. Маленький царевич простудился и умер в пути. Обезумевшая от горя царица горько сетовала на Адашева, который, как ей тогда казалось, «напророчил» смерть ее ребенку. Переживания Анастасии едва не стоили жизни ее второму сыну, Ивану, которого она родила всего через несколько месяцев после смерти Дмитрия.

Жестокие удары судьбы существенно ухудшили прежде доверительные отношения между царем и его былыми любимцами. И они чувствовали постепенное нарастание государева недовольства ими. Возможно, только доброта царицы все еще сдерживала угрозу, нависшую над их головами и головами тех бояр, которые поддерживали Сильвестра и отца Адашева. И уж конечно, в эту пору разочарований

и недоверия к окружающим его подданным уберечь Ивана от вот-вот готового начаться буйства опал и казней могла только Анастасия Романовна. Она отвлекала царя от черных дум, заставляла больше времени проводить с детьми, которых значительно прибавилось (вслед за Иваном родились царевич Федор и царевна Евдокия), приглашала к мужу на беседы мудрых старцев, в минуты самых тяжких раздумий Ивана IV предлагала ему совершить очередное паломничество по святым монастырям. Эта самоотверженная борьба за спокойствие и душевное здоровье царя, к сожалению, очень скоро отразилось на состоянии самой царицы.

Осенью 1559 года во время очередного паломничества она заболела. Совершающий поездку вместе с царской семьей Сильвестр попытался представить дело так, как будто бы это — Божья кара царю за грехи, и за то, что он перестал внимать Сильвестровым советам. Царица, впервые за свою жизнь, резко возразила священнику. Возник серьезный конфликт, о котором мы можем получить представление только благодаря случайным строкам из позднейших писем царя Ивана: «Как вспомню этот тяжкий обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией... Молитвы, путешествия по святым местам, приношений и обетов ко святыне о душевном спасении и телесном здравии — всего этого мы были лишены лукавым умышлением. О человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину никогда не было...»

По возвращении в Москву обиженный Сильвестр попросил разрешения удалиться от двора и поселился в Кирилло-Белозерском монастыре. Алексей Адашев продержался у престола не намногим дольше. Он имел неосторожность, как и до него Сильвестр, попытаться отсоветовать царю воевать Ливонию, так как считал, что недостойно христианского правителя убивать христиан, пусть и латинской веры. В ответ Иван IV направил в Ливонию же Адашева воеводой.

Воспользовавшись тем, что царь остался без вернейших своих подданных, те, кто хотел занять их место, решили окончательно избавиться и от Сильвестра с Адашевым, и от доброй царицы, которая могла бы помешать их намерениям.

Однажды вместо лекарства больной Анастасии Романовне подали медленно действующий яд. И она стала угасать. Она умерла в начале августа 1560 года. Последние мысли и беспокойство ее были о царственном своем муже. Так как незадолго до ее смерти в Москве вспыхнул очередной пожар, и царь с большой опасностью для жизни принимал участие в его тушении.

Царицу провожала в последний путь со слезами вся Москва. Люди знали, что потеряли бескорыстную заступницу и страшились будущего. Даже нищие в этот день в знак глубокого горя отказывались принимать милостыню. Царь был безутешен. Злопыхатели сказали ему, что Анастасию Романовну извели Сильвестр и Адашев. Разум его отказывался понимать происходящее. Сердце требовало мести. И мстить он собирался не только невинно оклеветанным бывшим любимцам своим, но всему боярству, всему своему окружению, всем своим подданным, которые не смогли сохранить для него любимую жену. Всей Руси…

Царицу Анастасию погребли в Девичьем Воскресенском монастыре, подле так же внезапно и трагично умершей Елены Глинской.

Со смертью Анастасии Романовны закончился период справедливого и милосердного правления Ивана IV, начался период жестокий и кровавый.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

О том, как королевна прошла испытания войной, неволей и любовью

Воистину сильными люди становятся только тогда, когда им удается с достоинством пройти через три испытания: войну, неволю и любовь — считали еще древние греки. Удивляясь, откуда в мировой истории появилась отважная сильная личность — шведская королева Катажина Ягеллонка, следует вспомнить это мудрое высказывание.

Судьба ее, младшей сестры короля Польского и Великого князя Литовского Сигизмунда II Августа, вся прошла под кровавым знаком Ливонской войны. Война, неволя и любовь превратили ее из смиренной и послушной дочери Боны Сфорцы в королеву, достойную уважения и преклонения.

Ливонская война началась в 1558 году по воле царя Ивана IV. Ливония была уникальным федеративным государством. Так как оно возникло на землях некогда грозного Ливонского рыцарско-монашеского Ордена, во главе его стояли духовные особы: римский архиепископ, магистр Ливонского Ордена, дерпский и ревельский епископы. Они были подозрительны и склочны по отношению друг к другу. Это ослабляло страну, поэтому военной опасности для соседей Ливония не представляла.

Нападение на слабую Ливонию чести русскому государю не могло принести. Но у монархов всегда существует аргумент, оспорить который довольно трудно. Так и царь Иван Васильевич возвестил, что собирается воевать Ливонию, так как его собственной державе жизненно необходим выход к Балтийскому морю. Русские войска одержали несколько крупных побед, но летом 1559 года дела внутренней политики вынудили Ивана IV объявить временное перемирие и отвести свои силы. И ливонцы использовали эту передышку, чтобы обратиться за помощью к своему ближайшему соседу, Великому княжеству Литовскому. Так 31 августа 1559 года появился на свет договор, согласно которому большая часть Ливонии перешла под протекторат княжества, а остальные территории присоединились частично к Швеции, частично к Дании.

Иван Васильевич был возмущен. Весной 1560 года, несмотря на то, что самые преданные его советники, священник Сильвестр и вельможа Адашев настойчиво отговаривали его от этого шага, он возобновил боевые действия в Ливонии. Только теперь это была уже война против Великого княжества Литовского.

В августе этого же года царь Иван потерял горячо любимую жену, Анастасию Романовну. И бояре, желавшие занять у его престола места попавших в опалу Сильвестра и Адашева, стали уговаривать его попробовать уладить ливонский конфликт мирным путем — жениться на сестре Великого князя Литовского и короля Польского Сигизмунда II Августа. В брачный договор, убеждали они царя, можно было бы вписать передачу России части прибалтийских земель. А в перспективе, нашептывали, от такого брака можно иметь и иные выгоды. Ведь Сигизмунд Август — больной и бездетный. Если не на польскую корону, то, наверняка, на венец Великого князя Литовского мог со временем рассчитывать супруг Ягеллонки.

А что касается характера и внешности будущей царицы, так ведь Иван Васильевич может выбирать. У Сигизмунда Августа целых две незамужних сестры, Анна и Катажина.

Еще не отошедший от потрясения, связанного со смертью Анастасии Романовны, понимая, что ему угрожает война еще и со Швецией, Иван IV дал себя уговорить на этот брак, который, он верил, поможет уладить конфликт с Великим княжеством Литовским.

В Вильно он отправил двух самых рьяных сторонников «литовского брака» — бояр Михаила Сукина и Григория Шапкина. Он дал им строгий наказ: «Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая из них обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучшей, про ту и говорить королю».

В Вильно послы узнали, что обе сестры Сигизмунда Августа находятся уже довольно в солидном возрасте. Катажине — тридцать четыре года, Анне — вообще тридцать семь. Что в юности они были довольно хороши собой, и к ним беспрестанно сватались, но из-за амбициозности и трудно объяснимого каприза их матери, властной Боны Сфорцы, они вынуждены были остаться в старых девах. Что ни Анна, ни Катажина уже не рассчитывают на замужество и посвящают все свое свободное время общению с Богом.

Впрочем, Сукина и Шапкина эти сведения скорее обрадовали, чем смутили. Значит, решили они, трудностей высватать невесту для царя Ивана не будет. Но трудности на самом деле сопровождали каждый шаг этого странного посольства.

Начать надо с того, что о браке бояре решили вести переговоры с Сигизмундом Августом тайно, хотя имели от своего царя все полномочия. Официально же они вели лишь напыщенные беседы о необходимости заключения мирного договора, условия которого не

получили от Ивана IV права оговаривать. Виленских дипломатов такое поведение российских коллег удивило.

Дальше-больше, получив принципиальное согласие Сигизмунда Августа на «московское замужество» одной из своих сестер, Сукин и Шапкин стали настаивать на проведении смотрин королевнам по русскому обычаю. Ведь им надо было выбрать из двух невест одну. При великокняжеском дворе все были шокированы: осматривать женщин, как лошадей! Какое варварство! Впрочем, находчивый Миколай Радзивилл Черный, ближайший друг и советник короля и великого князя придумал выход. Он предложил послам посетить костел во время богослужения и там, без ущерба для чести и достоинства королевских сестер, разглядеть их со всех сторон. Бояр восхитила внешность младшей Ягеллонки, Катажины. Несмотря на свой возраст, она не утратила ни свежести молодости, ни красоты. Сукин и Шапкин заявили, что хотят для Руси царицей Катажину.

Будучи хорошим братом, Сигизмунд Август, конечно же, должен был согласиться на это брачное предложение, потому что оно могло оказаться последним шансом для доброй и милой Катажины. Наслышанная о том, как любил и берег свою первую жену царь Иван IV, Катажина тоже была не против выйти замуж за московского государя и даже, как говорят, начала учить русский язык. Но существовало для ее замужества одно серьезное препятствие. В Польше, на Литве и Белой Руси существовал обычай, не позволяющий выдать замуж младшую сестру раньше старшей. Думая о том, как бы сделать все так, чтобы не уронить честь Анны Ягеллонки, Сигизмунд Август предложил послам альтернативу: или взять в жены своему государю все-таки старшую сестру, или прежде заключения брачного союза Ивана IV с Катажиной найти жениха для Анны.

Видимо, Сукин и Шапкин согласились на последнее, потому что они тут же засобирались в Москву. Провожая их 10 ноября 1560 года из Вильно, литвинские магнаты надеялись на скорое успешное разрешение царем Иваном и вопроса о мире между державами, и вопроса о замужестве королевских сестер.

Но этого не произошло. В отсутствие главных застрельщиков в деле о брачном союзе с домом Ягеллонов Иван IV получил возможность хорошенько обдумать целесообразность этого шага. И понял, что, в общем-то, абсолютно не уверен в том, что Ливонию преподнесут ему в качестве свадебного подарка. А назревающий конфликт со Швецией, кстати, удалось московским дипломатам уладить.

Когда ответное посольство из Вильно в январе 1561 года приехало в Москву за ответом, царь предложил Великому княжеству Литовскому «вечный мир» только на тех условиях, если ему отдадут всю Ливонию. О браке же разговора даже и не велось. Литвины с возмущением отказались от такого предложения.

А что же Катажина Ягеллонка? К счастью, ей не пришлось сокрушаться о потерянной возможности выйти замуж. Потому что еще до последних объяснений с русским царем, ее руки в Вильно прибыло просить еще одно посольство. На этот раз из Швеции. Шведский король Эрик XIV Ваза хотел видеть Катажину супругой своего младшего брата, герцога финляндского Юхана. Скоро и сам жених появился в столице княжества в сопровождении пышной свиты. Он оказался молодым, красивым и галантным. Встретившись с Катажиной и немного побеседовав с нею, он признался ей в любви. И Ягеллонка радостно ответила Юхану Вазе взаимностью.

Но вновь все то же досадное препятствие встало на пути Катажины к семейному счастью. Ее брак с полюбившимся ей шведским принцем был невозможен, пока не найдется муж для ее сестры Анны. Безуспешно пробовал Юхан Ваза уговорить жениться на старшей Ягеллонке своего младшего брата, герцога Остроготского Магнуса. Судьба, которая улыбнулась Катажине, теперь жестоко карала ее за несколько мгновений искренней радости. Два года провела несчастная Катажина в слезах и страстных молитвах. Жениха для Анны не находилось. Юхан Ваза, кажется, стал терять всякую надежду и чуть было не решился отступить перед волею рока.

Тогда Анна Ягеллонка в слезах кинулась в ноги к брату и просила отдать Катажину Юхану, не заботясь о ней. Она очень любила сестру и боялась, что Катажина возненавидит ее, если не сможет стать женой герцога финляндского.

Свадьба Катажины Ягеллонки состоялась 4 октября 1562 года в Вильно. Через неделю счастливая королевна выехала с мужем в Финляндию.

Отдав сестру за Юхана Вазу, Сигизмунд II Август получил верного союзника и доброго друга. Поддерживая политику Великого княжества Литовского, Юхан стал в конце концов настаивать, чтобы его брат, шведский король, уступил Сигизмунду Августу все доставшиеся шведам территории Ливонии. Эрик XIV, конечно же, на это не согласился. Отношения между братьями испортились, что в скором времени привело к усобице. Братья выставили друг другу множество претензий. Юхан объявил, что он более брата достоин занять шведский престол, и поднял против Эрика всю Финляндию.

Он ожидал, что получит из Великого княжества Литовского помощь. Но войска Сигизмунда II Августа в это время все были брошены на защиту восточных земель державы от войск Ивана IV.

Эрик XIV осадил город Або, в котором находились Юхан и Катажина Ягеллонка. И вскоре супруги оказались в плену у шведского короля. Их заточили в темницу замка Гринсгольм. Королевский суд приговорил Юхана к смерти.

В ожидании исполнения приговора муж и жена проводили бессонные ночи. Но Эрик XIV почему-то все переносил день казни.Вероятно, будучи в душе не таким уже и плохим человеком, шведский монарх никак не мог переступить ту черту, которая превратила бы его в братоубийцу, библейского Каина. К тому же у злосчастного Эрика начала развиваться тяжелая психическая болезнь. Выражалась она в периодически повторяющихся приступах безумия, которые оканчивались так же внезапно, как и начинались.

Верный дружбе и союзническому договору, в конце концов, в шведские дела вмешался Сигизмунд II Август. Он потребовал из Вильно освобождения сестры и ее мужа и грозил ввести в Швецию войска.

В этой ситуации Эрик не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к Ивану IV. Сначала монархи обменялись несколькими тайными посланиями. А в феврале 1567 года в Москву для переговоров отбыл шведский канцлер Нильс Гилленстирн. Царь Иван обещал быть союзником Швеции в случае военного конфликта с Великим княжеством Литовским, помочь Эрику добиться мира с Данией, отдать ему в вечное владение всю Эстонию и даже предоставить шведскому королю убежище в Москве на случай, если военное счастье вдруг отвернется от него, либо подданные вынудят, бросив скипетр и корону, бежать из страны, спасая жизнь. А взамен царь требовал только одного — передать в его руки Катажину Ягеллонку. Трудно сказать, зачем понадобилась русскому царю его несостоявшаяся невеста. Ведь в это время он был уже женат.

В августе 1561 года Иван Васильевич повел к венцу красивую черкешенку Кученей, дочь одного из самых знатнейших черкесских правителей князя Темрюка. Перед венчанием ее окрестили и дали имя Мария.

Об этой царской супруге говорили много нелестного. Она была зла, вздорна, разбалованна, развратна. И если Анастасия Романовна побуждала царя к светлым мыслям и устремлениям, к справедливым и милосердным деяниям, то с Марией Темрюковной Иван IV становился все жесточе. Его природная вспыльчивость, склонность к

неоправданному гневу проявлялась все больше и больше. Вместе с черкешенкой в Москву прибыл ее родной брат со своими друзьями. Черкесам удалось войти в доверие к царю и они преподали ему страшную науку «властвовать по-восточному». Теперь Иван IV был уверен, что властителю нельзя рассчитывать ни на верную дружбу, ни на искреннюю любовь своих подданных. И те, кто называет себя друзьями или добивается любви царя, на самом деле стремятся перехватить из рук его кормило власти. Нервный и недоверчивый, он ждал теперь постоянных заговоров против себя, всюду видел врагов. Когда страх его перед подданными дошел до критической черты, он создал опричину — своеобразную гильдию отпетых мерзавцев, которые тем не менее были по-собачьи преданны своему царю, могли за него убить и собственных родителей.

В Москве теперь чуть ли не ежедневно казнили схваченных по доносу «изменников» и «злодеев», якобы замышлявших против царя. Царица Мария Темрюковна с удовольствием наблюдала за этим зрелищем и все больше приучала к этому своего супруга, которого теперь в народе называли не иначе, как Грозным. А после казней царь, царица и верные опричники предавались буйным пирам, на которых допускалось множество непристойностей.

Все это увидел в Москве канцлер Нильс Гилленстирн. Он был поражен, но, как всякий дипломат, умел скрыть свои истинные чувства, тем более, что Иван Грозный вкусно кормил, вдоволь поил и щедро одаривал послов «брата нашего Эрика». Так и не выяснив, что, собственно, русский царь, имея супругу, собирается делать с Катажиной, и, получив лишь туманные намеки на «склонности сердца к женской красоте и добродетели», канцлер от имени своего короля дал согласие на ее выдачу.

За Ягеллонкой в Швецию были посланы думный советник Воронцов и дворянин Наумов. Когда они прибыли в Стокгольм, Эрик XIV направился в темницу, чтобы сообщить несчастной женщине о своих намерениях. Катажина пришла в ужас, к ней даже в заточении доходили вести о том, как в Москве опричники Ивана Грозного доставляют к нему самых красивых, самых достойных и знатных девушек и женщин для хмельных забав. Как люто казнят отцов, мужей и женихов этих несчастных, если пытаются они вступиться за их честь. Как, не выдержав позора, многие жертвы царя кончают жизнь в петле или на дне Москва-реки. У Катажины не было никаких сомнений в том, что ее участь в Москве будет такой.

Ягеллонка попыталась воззвать к справедливости и милосердию. Она указала Эрику XIV на свою маленькую дочь Изабеллу, которая

родилась в неволе, и сообщила, что ожидает еще одно дитя. Оказалось, Иван Грозный от Нильса Гилленстирна уже знает об этом, и это не останавливает его. Тогда мужественная женщина показала брату своего супруга обручальное кольцо. На нем была выгравирована надпись: «Ничто, кроме смерти».

— Если вы будете настолько бесчеловечны, что попробуете разлучить меня с моим мужем для того, чтобы отдать на потеху царственному насильнику, вам придется везти в Москву только мертвое тело Катажины Ягеллонки, — сказала она.

Пораженный мужественной решимостью своей высокородной пленницы, Эрик XIV покинул темницу со смешанным чувством. Не зная, на что ему решиться, шведский король стал оттягивать отправку Катажины в Москву, используя для этого любой предлог. Послам либо говорили, что государь болен, либо что он сражается с датчанами. А между тем советники Эрика XIV, встречаясь с Воронцовым и Наумовым всеми силами пытались исправить ошибку, опрометчиво допущенную их королем. Они убеждали послов Ивана Грозного, что выдать Ягеллонку царю, разлучив ее с мужем и детьми — противно Богу и христианским законам. Что канцлер Гилленстирн заключал договор о Катажине без ведома своего короля. Что ежели Ивану IV нужно иметь в своих руках Ягеллонку как заложницу, то уж лучше Эрик XIV выкрадет для него другую, незамужнюю сестру Сигизмунда II Августа, Анну.

Воронцов и Наумов были возмущены. Они имели от своего государя четкие указания к действию, были прекрасно осведомлены о том, что шведский король сам давал согласие на выдачу Катажины. И они знали, что их может ожидать в Москве от жестокого и подозрительного властителя. Послы требовали встречи с Эриком.

А тот во время очередного жесточайшего приступа безумия неожиданно дал приказ освободить брата и его жену. Это случилось в начале 1568 года. Узнав об этом, Воронцов и Наумов прорвались-таки на аудиенцию к Эрику XIV. Перед ними предстал несчастный человек, мучимый совестью, жестоко страдающий от развивающейся душевной болезни, боящийся и своих вельмож, и своего народа.

Сначала король заявил, что он освободил брата, так как иначе в стране начался бы бунт. И объявил, что по договоренности с Иваном IV намерен немедленно же ехать в Москву, искать там убежища от своих подданных.

Но спустя какое-то время, уже в совершенно ином настроении, шведский монарх попросил передать послам, что в Москву он ехать раздумал, что раскаивается в том, что отпустил на свободу герцога

Юхана, что готов вновь водворить его в темницу. Но Катажину выдать по христианским законам не имеет права.

Еще позднее Воронцов и Наумов получили уведомление, что Ягеллонка вот-вот будет отправлена в Москву.

Но ничего этого Эрик XIV сделать не успел. 29 сентября 1568 года в его столице вспыхнуло восстание, которое закончилось свержением Эрика и провозглашением Юхана Вазы королем Швеции.

Как святую приветствовали в день коронации шведы Катажину Ягеллонку. Она была их королевой пятнадцать лет и оставила по себе добрую, светлую память. Кроме дочери Изабеллы она родила Юхану Вазе — королю Юнаху III — сына Зигмунта, который стал позднее королем Швеции и Польши и Великим князем Литовским. А также дочь Анну, женщину-ученого, просветительницу, автора биологического справочника «Травник» и защитницу польских и белорусских деревенских лекарок от суда инквизиции.

Судьба дала возможность добродетельной королеве с душевным содроганием наблюдать за все большим падением в бездну безумия и зла своих мучителей. Бывший король Швеции Эрик был посажен в ту же темницу, где раньше содержалась сама Катажина. В приговоре, который вынес ему беспристрастный суд подданных, говорилось, что осужден он тут и умереть «за разные злодейства и за не христианские условия союза с Россией». Хотя по требованию Ягеллонки Эрика содержали в заключении достойно, очень скоро болезнь превратила его в настоящее животное, не понимающее ни слов, ни чувств человеческих.

Что же касается Ивана Грозного, то он сразу же после провозглашения Юхана королем, стал отвоевывать у него подаренную Эрику Эстонию, и никак не хотел соглашаться на мир. Но, видимо, чувствуя, что ему все-таки для приличия следует как-то объясниться с человеком, на честь жены которого он покушался, в посланиях своих в Швецию царь писал, что «требуя Екатерины от Эрика, считал ее вдовою бездетною,— следственно, не нарушал тем устава Божественного. Хотел единственно иметь надежный залог для усмирения Сигизмунда... Вот истина вопреки клеветам вашим. Что мне в жене твоей, стоит ли она войны? Польские королевны бывали и за конюхами...»

В 1569 году Иван Грозный избавился от надоевшей ему царицы Марии Темрюковны, собственноручно отравив ее. Впрочем, он тут же поспешил отвести от себя подозрения, объявив, что царицу извели бояре. И вновь последовала череда казней «виновных», слыша о которых содрогалась не только вся Русь, но и Европа.

В 1571 году царь задумал третью женитьбу. Избранницей на этот раз стала нежная шестнадцатилетняя красавица Марфа Васильевна Собакина, дочь новгородского купца. Говорят, у Марфы был жених, но ни он, ни отец девушки не смели возразить грозному царю. Перед свадьбой Марфа то ли от тоски и страха, то ли, действительно, по злому умыслу завистников заболела. Царь женился на своей больной невесте, и через пару недель после венчания похоронил ее. Вновь Москву потряс грозный рык государя, обвинявшего подданных в отравлении Марфы.

В 1572 году Иван Грозный созвал православных епископов и умолил их дать ему дозволения на четвертый брак, запрещенный церковью. Он мотивировал это тем, что Марфа Собакина умерла, так и не успев стать фактически его супругой. Духовенство сочло возможным разрешить царю женитьбу.

Четвертой женой Ивана Грозного стала незнатная, но очень красивая девушка-новгородка, Анна Алексеевна Колтовская. Но уже через полгода царь охладел к этой супруге. Она была, видимо, слишком проста и скромна для его развращенной фантазии. Иван Грозный объявил Анну бесплодной и велел постричь в монахини. Во Введенском монастыре города Тихвина под иноческим именем Дарья, отверженная царица медленно старилась и угасала. Она умерла в 1626 году, пережив грозного вершителя своей судьбы на сорок два года.

Так как церковники больше не дозволяли уже царю венчаться, последующих жен он брал без церковного благословения и творил с ними в церкви только «брачную молитву». В 1575 году он назвал своей пятой женой дочь костромского дворянина Анну Григорьевну Васильчикову. Она была сирота и жила в Москве в доме своего опекуна князя Воротынского. Здесь и увидел ее венценосный ценитель женской красоты. Но через год после замужества и Анну насильно заточили в суздальский Покровский монастырь. Там вскоре она и умерла при подозрительных обстоятельствах.

Шестою супругой Ивана Грозного стала не девушка, но прекрасная вдова благочестивого дьяка Мелентия, Василиса. Дьяка убили опричники, узнав, что он укрывает от их взоров свою жену, которая «зело урядна и красна, таковые не бысть в девах, коих привозили на показ царю». Василиса оказалась не только красива, но и очень умна. Она буквально пленила царя Ивана. Но магия очарования оказалась все-таки очень хрупка для жесткого сердца. И дни Василисы тоже окончились в монастыре.

Следующая, к кому воспылал любовью Иван Грозный, была княжна Мария Долгорукая. Царь было возвестил ее своей седьмой

женой. Но после первой же ночи, проведенной с молодой женой, заявил, что она — нечестная, недостойная царского ложа женщина, потому что любила уже кого-то до своего государя и скрыла это от него. Бедняжку Марию обрядили в богатый убор, усадили в карету, где во множестве были свалены дорогие подарки царя, и вместе с упряжкой утопили в реке Серой. Потом Иван Грозный велел провести на золотых куполах церкви, где творили «брачную молитву» с княжной Марией, черные траурные полосы и приказал забыть всем о Долгорукой.

Последней женой безумствующего русского государя в 1580 году стала боярышня Мария Федоровна Нагая. Она, в отличие от своих предшественниц, успела родить Ивану Грозному сына, царевича Дмитрия. Но и эта царица скоро оказалась забытой супругом. Он собирался постричь и ее в монахини, чтобы взять в жены племянницу английской королевы Элизабет Тюдор, Мери Гастингс. Мери, будучи уже в возрасте и после оспы не обладая особенной красотой, сначала была в восторге от предложения, сделанного ей. Но добрая Катажина Ягеллонка, не желая ни одной женщине той судьбы, которая постигла почти всех супруг русского царя и которой сама она чудом избежала, написала англичанке искреннее письмо, где раскрыла все ужасные тайны «русского двора». И Мери решительно отказалась от сомнительной чести стать очередной женой «Синей Бороды».

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

О том, как война «окровавила» сердце полоцкого воеводы

Уже четвертый год шла Ливонская война. Чтобы отомстить своему соседу, великому князю литовскому, за то, что к нему добровольно присоединилась та часть Прибалтики, на которую зарилась Москва, русский царь Иван Грозный повел свои войска на Полоцк. Но вслух заявить всем, что поход этот продиктован только чувством мести, было не совсем красиво. И поэтому Иван Грозный придумал вполне пристойную, на его взгляд, причину. Он сказал, что стремится присоединить к Московии исконно православные, а значит, исконно русские территории соседней державы.

В конце января 1563 года началась осада Полоцка. Кровь и огонь, мужество и нерешительность, подвиг и бесславие — все это смешалось, как и в любой войне. Полоцк был мощной крепостью. И мог бы, наверное, выстоять. Тем более, что защитники ожидали помощь — почти четырехтысячное войско гетмана Миколая Радзивилла Рыжего. Но полоцкий воевода Станислав Довойна оказался бездарным стратегом.

Этот сорокалетний солидный мужчина был шестым по счету воеводой Полоцка. Активный в делах политики, гостеприимный и добрый хозяин, хороший семьянин... Кто знает, может, и вспоминали бы о нем полочане с чувством уважения и благодарности, если бы не довелось ему той зимой противостоять русскому царю. Подсчитав количество своих сил и сил противника, Довойна пришел в растерянность. И сразу же совершил серьезную ошибку. Подумав, что запасов продовольствия и воды не хватит на всех, кто находится в крепости, воевода решил, что город должны покинуть две тысячи крестьян. Они укрепляли городские стены и с приближением московского войска остались тут. Крестьян выдворили из крепости. И они тут же попали в плен к воинам Ивана Грозного, которые заставили их под угрозой смерти показать, где в лесу запрятаны городские запасы зерна.

Потом, не понятно для чего, Довойна решил поджечь город и отступить со своими воинами в замок. Этим немедленно воспользовались стрельцы Ивана Грозного и вошли в Полоцк. Окруженные плотным кольцом неприятеля, запертые в замке, очень скоро осажденные ощутили нехватку продовольствия. Вскоре в результате яростного обстрела русской артиллерии в стане

защитников начался пожар. В крепости вместе с воеводой находилась и его семья: жена Петронелла Радзивилл и малолетние дети. Чтобы спасти их, Довойна решил сдать крепость.

15 февраля воевода возглавил делегацию полочан, которая вышла из замка в качестве парламентеров. Царь Иван обещал проявить милосердие. И Довойна поверил его словам.

Но недаром люди добавили к имени этого монарха эпитет Грозный. Слово «милосердие» он понимал довольно превратно. Царь отпустил и даже щедро одарил только ту часть войска Довойны, которую составляли «коронные рыцари» — польские воины. Их он считал «солдатами другой державы», в отличие от полоцких воинов. Раз Полоцк, рассуждал Иван Грозный, исконно русская вотчина, то и все полочане — его подданные. А с ними он имеет право вести себя так, как сочтет нужным. Разоруженное полоцкое войско, а также горожан вывели за город в поле, приставили крепкую охрану и держали без еды и отдыха на снегу пять дней. Потом переписали всех, объявили пленными и разделили между сторонниками царя. Самые богатые из пленников достались Ивану Грозному. Кроме Довойны с семьей он выбрал себе нескольких наиболее состоятельных и знатных рыцарей и горожан. Выкупом за этих людей он надеялся пополнить свою казну.

Полоцк постигла судьба многих «взятых на щит» городов, он был разграблен победителями. Но было и отличие в печальной судьбе этого города от других городов — жителей в нем почти не осталось. Объявленных пленными полочан после окончания военной кампании повели в Московию. Кроме горожан-евреев, которых Иван IV приказал всех утопить в Двине, а также татар и католических монахов, — их по воле царя перебили. Судьба пленных, попавших в разные русские города, сложилась по-разному. Кто-то сумел выкупиться и вернуться домой, кто-то погиб, большая же часть осела на Руси навсегда...

Станислав Довойна со своей женой Петронеллой и детьми попал в московскую темницу. Он содержался в цепях, в сыром и холодном подземелье, спал на соломе и довольно редко выводился на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Петронеллу и детей не заковывали, держали отдельно, но в условиях не намного лучше.

Единственное, в чем не было Довойне отказа — в чернилах и перьях, и он писал часто и много. Писал родственникам, друзьям, влиятельным знакомым в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском, даже Сигизмунду II Августу. И просил денег для выкупа семьи. А выкуп назначили огромный. Ответы Довойне приходили неутешительные или совсем не приходили. Самые лучшие,

самые верные друзья воеводы вместе с ним защищали Полоцк, и большинство из них погибли. Когда Довойна заявил о сдаче города, они посчитали для себя более достойным погибнуть, чем попасть в позорный плен.

Родственники стали собирать необходимую для выкупа сумму, но это было делом не одного месяца. Даже богатые Радзивиллы не могли помочь своему родственнику по жене — все средства их в это время шли на военные нужды.

А король польский, великий князь литовский Сигизмунд II Август вообще проигнорировал просьбу Довойны. Пораженный трагической судьбой полочан, он не желал спасать того, кто был, по его мнению, главным виновником этих событий.

Станислав Довойна боролся за жизнь, вероятно, только ради своей семьи. Он просто не имел права как человек, муж и отец умереть, пока Петронелла и дети оставались в неволе. Довойна очень любил свою жену. Из-за этого он особенно мучительно переносил свой плен. Однажды ему сообщили, что Петронелла тяжело заболела. Довойне удалось выпросить у своих охранников разрешение ухаживать за ней. Но спасти жену ему не удалось. Перед самой смертью Петронелла взяла с мужа слово, что он перевезет когда-нибудь ее прах на родину...

Только после четырех лет плена Станиславу Довойне удалось выкупить себя и детей за 10 тысяч червонцев. Но Петронелла навсегда осталась лежать в чужой земле. Довойна пробовал обменять ее останки на прах русского воеводы Петра Шуйского, который погиб в битве при Уле, но безуспешно. Иван Грозный был зол в это время на двоюродного дядю Петронеллы, гетмана Миколая Радзивилла Рыжего, который в 1564 году у того же Полоцка разбил русскую армию, а позднее причинил царю своими удачными военными действиями еще много хлопот. Отказ выдать останки несчастной женщины был, вероятно, со стороны русского царя своеобразной местью.

Всю оставшуюся жизнь Станислав Довойна провел в печали. Он тяжело переживал то, что не мог спасти полочан и что не выполнил клятву, данную умирающей жене.

О полоцком воеводе Станиславе Довойне говорили: «Война окровавила его сердце». Ливонская война оставила кровавый след в сердцах тысяч людей, ведь тянулась она почти четверть века.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

О том, как человек, спасшийся от плахи, чуть не принял смерть из рук женщины

В апреле 1564 года в разгар Ливонской войны, в которой столкнулись интересы Московии и Великого княжества Литовского, неожиданно на сторону противника Ивана IV Грозного, Сигизмунда II Августа, перебежал князь Андрей Курбский. Опальные вассалы нередко в то время спасались бегством в соседнюю державу. Но Курбский был выдающимся русским полководцем, который блестяще проявил свой воинский талант в Казанской эпопее и в сражениях за Ливонию, поэтому его поступок вызвал злобное негодование царя Ивана.

О побеге Андрея Курбского, благодаря большому количеству сохранившихся документов того времени, мы знаем с подробностями. Он воеводствовал в Дерпте, не так давно завоеванном Иваном Грозным и присоединенном к своей державе, и вдруг узнал, что царь, который в последнее время становился все более жестоким и подозрительным, готовит ему плаху из-за каких-то нелепых обвинений. Не страшась смерти в бою, Курбский тем не менее не хотел сложить свою голову на эшафоте. Нужно было спасаться. Но князь Андрей не мог взять с собой семью — побег удался бы только в том случае, если в первые несколько часов никто не заметит отсутствия Курбского, и не будет послана погоня.

Князь позвал к себе жену и спросил, с чем она легче смирится: видеть его перед собою мертвым или разлучиться с ним живым, возможно, даже навсегда. Без колебаний женщина ответила, что жизнь мужа ей «дороже счастья». Едва сдерживая слезы, Курбский простился с нею, благословил девятилетнего сына и вместе с верным слугой тайно покинул Дерпт...

В российских архивах сохранились письма, которыми обменивались в течение нескольких лет монарх и его бывший подданный. Первое из них Андрей Курбский написал на другой же день после побега, добравшись до города Вольмара, который принадлежал уже Великому княжеству Литовскому. Много горьких слов в этом письме. «Царю, когда-то светлому, от Бога прославленному — ныне же за грехи наши омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совести, тирану беспримерному среди самими хозяевами земли,» — так начал свое послание князь Андрей.

После упреков за необоснованную жестокость к вернейшим и достойнейшим из своих подданных он далее пишет: «Я искал вины своей и в делах, и в тайных мыслях; взывал к совести, прислушивался к ответам ее и не знаю греха моего перед тобою. Я водил полки твои и никогда не показывал хребта их неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и подвигах воинских, терпеливо перенося трудности и болезни, не видя матери, не зная жены, вдали от милой отчизны. Подсчитай битвы, подсчитай раны мои!..

... Мы расстались с тобою навсегда: не увидишь лица моего до дня суда Страшного. Но слезы невинных жертв готовят смертную кару тому, кто истязал их. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для Всевышнего: они у престола его требуют мщения!».

Конечно, эти слова не могли не привести в ярость царя. Он быстро написал ответ, в котором назвал Курбского изменником: «Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях!»

Несмотря на это заявление, Иван Грозный тут же бросил в темницу жену, сына и мать Курбского, где они были замучены. Казнил царь также всех ближайших родственников князя Андрея — «единоколенных ярославских княжат».

В ответ на это Курбский во главе значительных воинских сил Великого княжества Литовского выступил против своего бывшего государя. И вскоре военная фортуна отвернулась от Ивана Грозного...

Желая вознаградить своего нового подданного, который с таким рвением взялся помогать воеводам Великого княжества Литовского бороться с противником, Сигизмунд II Август удостоил Курбского высоких почестей, подарил богатые имения на Волыни и отдал во владение кревское староство. Видя, как князь оплакивает утрату своей семьи, новый его сюзерен решил найти ему другую жену. Выбор пал на Марию Юрьевну Гольшанскую, представительницу известного и богатого рода православных князей. Эту молодую и красивую женщину многие искренне жалели за то, что ей не везло с мужьями. Уже дважды становилась вдовой Гольшанская. Дважды была в трауре, первый раз по князю Монтовту, второй — по рыцарю Козин- скому.

Андрей Курбский женился, в душе надеясь обрести тихую семейную гавань. Но надежды оказались напрасными. В первый же месяц после свадьбы князь Андрей вынужден был с удивлением отметить для себя, что далеко не все женщины наделены благородными чувствами и покладистым характером. Княгиня Мария, на людях кроткая и нежная, на самом деле оказалась склочной и алчной

бабенкой, готовой в любой момент закатить мужу настоящую истерику. Рождение сына Дмитрия не улучшило положение в семье.

Неоднажды доводилось Курбскому с тоской вспоминать о том, что Мария Юрьевна пережила уже двух своих мужей. Она постоянно ссорилась с князем Андреем из-за денег. И однажды в порыве гнева даже подсыпала ему в вино отраву... Вовремя предупрежденный одним из слуг, Курбский разбил смертный кубок. Случай этот привел его в ужас, поселив в сердце тревогу. Спастись от палачей Ивана Грозного и погибнуть от рук собственной жены... Заставить себя жить с Гольшанской дальше он больше не мог. И потому обратился со слезной просьбой к Сизигмунду Августу развести их.

Король и великий князь, услышав исповедь Курбского, искренне возмутился. Особенно неприятно было ему то, что Мария Гольшанская была его протеже, и он сосватал ее князю. Своим поступком эта женщина поставила монарха в неловкое положение.

Добились развода необычайно быстро. После этого жена-отравительница предстала перед королевским судом. Кажется, ей удалось оправдаться, потому что через несколько лет после развода Мария Гольшанская начала против своего бывшего мужа судебный процесс. Ее интересовали имения и деньги Курбского, и она прилагала усилия для того, чтобы отсудить хотя бы часть из них.

У Андрея Курбского была в это время уже другая жена, скромная и кроткая. От нее он имел дочь. И с нею счастливо дожил до преклонных лет. До самой своей смерти в 1583 году Андрей Курбский принимал участие в военных кампаниях Великого княжества Литовского. А между походами, сидя в своем городе Ковеле на Волыни в кругу новой семьи, писал исторические труды и мемуары.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

О том, как одна горожанка чуть не стала королевой

Лето 1572 года выдалось необыкновенно теплым и ласковым. Легкий ветерок заносил аромат полевых цветов даже в окна королевского замка. И пестрые бабочки нет-нет да и залетали в покой, где на широком ложе лежал умирающий король Польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август.

Хмурили лбы министры, так как не знали, кто заменит на престоле бездетного монарха. Шепотом слуги передавали друг другу последние новости о состоянии умирающего. И плакала навзрыд в соседней комнате женщина, фаворитка Сигизмунда II Августа. Плакала, потому что время ее власти оканчивалось.

Король впервые увидел эту женщину в 1570 году в толпе краковян, когда в карете проезжал по своей столице. Она показалась стареющему монарху призраком, видением. Потому что лицо ее и фигура были удивительно похожи на лицо и фигуру Барбары Радзивилл, той, которую Сигизмунд II Август любил всю жизнь. Король зажмурился и вновь открыл глаза, но прекрасная женщина не растаяла в воздухе, как надлежало бы духу. Она была живой. Когда незнакомку по приказу Сигизмунда Августа привели в королевский замок, он принял ее в той зале, где на стене висел портрет покойной королевы. И вновь был поражен чрезвычайным сходством. В довершение ко всему, двойник Барбары Радзивилл носил то же имя. Ее звали Барбарой Гижанкой.

Король, который к концу своей жизни стал очень суеверен и мистичен, решил, что это небеса сжалились над ним и решили вернуть ему его возлюбленную таким удивительным способом. Сигизмунд Август оставил Барбару Гижанку во дворце. И уже через неделю о ней заговорили как об официальной фаворитке короля.

Довольно скоро, однако, Сигизмунд II Август понял, что Гижанка — совсем другая женщина. Ни благородства Барбары Радзивилл, ни ее тонкого вкуса, ни ума не было у краковской горожанки. Догадался король и великий князь и о том, кто посодействовал их «неожиданной» встрече. При краковском дворе часто мелькал польский граф-авантюрист Ежи Мнишек. Он мечтал оказать Сигизмунду Августу какую-нибудь услугу, за которую был бы возвышен и щедро награжден. В свое время это именно он привел к безутешному королю чародея и чернокнижника пана Твардовского, который вызывал с

того света дух несчастной Барбары Радзивилл. И Твардовскому, и Мнишку, судя по всему, хорошо заплатили, как король, так и настоящие заказчики спиритического сеанса, люди, которым было выгодно, чтобы дух умершей королевы разрешил короля от обета безбрачия, данного им у ее гроба. Но Мнишек очень скоро промотал свое вознаграждение. И теперь, войдя в сговор с польскими магнатами, желающими найти любой способ для того, чтобы навязывать своему королю выгодные им решения в государственных делах, отыскал женщину, как две капли воды похожую на Барбару Радзивилл. Он рассчитывал, что когда Сигизмунд Август приблизит Гижанку к себе, и магнаты-заговорщики смогут воспользоваться этим, чтобы с ее помощью вершить свою политику, золотой дождь хлынет в его, посредника, карманы. Но этого не произошло. Король раскрыл «тайну Барбары Гижанки». И хотя и не нашел уже сил расстаться с прелестным орудием обмана, к делам государственным фаворитку не допускал. Впрочем, Барбару это вполне устраивало. Она купалась в роскоши, которой окружил ее немолодой монарх, упивалась властью над десятками слуг, предоставленных в ее распоряжение, и радостно принимала ухаживания короля. Все те ласковые слова, которые он не успел сказать королеве-покойнице, все милые подарки, какие та не успела получить, всю печаль одинокого сердца и нереализованные чувства достались Гижанке. Понимая, что нельзя упускать свою удачу и надо воспользоваться моментом, красавица поспешила выпросить у короля богатые имения, большое количество различных ценных вещей, украшений, денег. Но этого ей было мало — Гижанке хотелось выйти замуж за короля. Ее не останавливало даже то, что Сигизмунд Август был женат. Австрийская принцесса Катарина Габсбург, которая стала королевой после смерти Барбары Раздзивилл, уже много лет жила у себя на родине. Семейная жизнь ее с Сигизмундом Августом не получилась. Но папа римский не дал разрешения на их развод. Гижанка сообразила, что у Сигизмунда Августа появится основание для развода, и он женится на ней, если она родит бездетному монарху сына-наследника. Но король был уже довольно немолодым мужчиной и очень больным. Подкупивши королевского лейб-медика, Гижанка дозналась, что детей у него уже не может быть. Тогда она решилась на отчаянный шаг. Пошла на связь с другим мужчиной. И в скором времени объявила, что ждет от Сигизмунда Августа дитя.

Король воспрянул духом. Он с нетерпением ждал положенного срока и не хотел даже слушать тех, кто пытался раскрыть ему глаза на подлинную суть дела. В 1571 году Барбара Гижанка родила дочь,

которую в честь покойной королевы (а, может, и в свою) назвала Барбарой. Сигизмунд Август признал это дитя. Теперь Гижанка была почти уверена, что ее авантюра закончится браком. И, возможно, даже не морганатическим. Она только подыскивала возможность еще раз тихонечко изменить королю, чтобы забеременеть сыном. Но после рождения дочери Сигизмунд Август уже ни на шаг не отпускал от себя фаворитку. Навязчивая мысль, что ее могут так же, как когда-то и королеву Барбару, отравить, не выходила из его головы.

В начале 1572 года в Краков прибыл гонец из Австрии, который привез весть о том, что в городе Линзу умерла Катарина Габсбург.

Гижанка решила действовать еще решительнее. Она заявила, что уже снова ждет ребенка, хотя это было неправдой. И Сигизмунд Август, поверив ей, стал подготавливать своих подданных к тому, что следующей королевой станет Барбара Гижанка. Возмутилось все окружение монарха, простой народ был в растерянности.

Браку Сигизмунда II Августа с краковской горожанкой помешала только смерть. Он умер 7 июля 1572 года после непродолжительной болезни.

В тот час, когда Польша и Литва прощались со своим монархом, последняя незамужняя сестра Сигизмунда Августа, Анна Ягеллонка, прогнала авантюристку Гижанку от королевского гроба. Богатства, которые та выпросила у короля, по приказу королевны Анны были возвращены в государственную казну. Женщине, которая ловко пользовалась своей внешностью и именем в недостойных целях, запретили появляться при дворе.

Тем не менее королевская фаворитка тут же получила ряд брачных предложений от польских шляхтичей. Вероятно, их привлекала скандальная слава Барбары Гижанки. Через несколько лет после смерти Сигизмунда Августа она довольно удачно вышла замуж за князя Михаила Воронецкого.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

О том, что даже приданое, достоинством в две короны не гарантирует семейного счастья

Изучая события дней давно минувших, восстанавливая по крупицам, по деталям биографии наших предков, вновь и вновь убеждаешься, что изо всех романистов самый лучший — Господь Бог. Как непредсказуемо даже для самого прозорливого ума складываются порой человеческие судьбы. Вчерашние баловни судьбы кончают свои дни на эшафоте. Ничтожества оказываются на вершинах власти. Прославленные герои нарушают клятву верности своему отечеству. Скромные, незаметные воины стяжают славу полководцев на поле брани. Самые прекрасные женщины, не обретя счастья в земной любви, уходят в монастырь. А некрасивая, немолодая, уставшая ждать каких-либо перемен в своей судьбе дама внезапно может стать самой желанной невестой для десятков знатнейших и достойнейших кавалеров.

Такой странный поворот сюжета был придуман Всевышним в сочиняемом им романе об Анне Ягеллонке.

После смерти своего брата Сигизмунда II Августа пятидесятилетняя королевна затворилась в варшавском замке и там, перебирая четки, вместе со своим исповедальником Петром Скаргой предавалась размышлениям о суетности жизни, о мимолетности фортуны и о величии Бога. Решив для себя, что раз время ее весны и лета уже миновало, то человеческие страсти более не могут волновать ее, Анна Ягеллонка облачилась в темный бархат. Она позволила своей фигуре расплыться, а спине согнуться так, что те, кому доводилось видеть ее впервые, думали, что сестра покойного короля — горбата. Лицо Анны не знало ни белил, ни румян, и поэтому на нем выделялись мелкие рытвины, оставшиеся от перенесенной оспы. Оспа сделала Ягеллонку слепой на один глаз, и перед лицом надвигающейся старости она даже не стремилась скрыть этот недостаток. О том, какая прекрасная, нежная, ранимо-женственная душа находится внутри этого неухоженного увядающего тела знали, увы, немногие. Но это, без сомнения, было ведомо небесам, которые внезапно послали Ягеллонке возможность вспомнить о том, что она — все еще женщина.

Однажды, почти через год после смерти Сигизмунда Августа, в тишину уединенного жилища сестры усопшего монарха неожиданно ворвались семь шумных панов с саблями на боку и лихо

закрученными усами. Они объявили удивленной Анне, что паны польские и литовские после долгих споров и несогласия в вопросе о том, кому стать после бездетного Сигизмунда Августа их государем, пришли к решению, что им должен быть тот, кто женится на королевне, его сестре. Это решение подсказал находчивый папский нунций Комедони, который кстати вспомнил историю воцарения в Польше великого Ягайло, основателя прервавшейся со смертью Сигизмунда II Августа, королевской династии. Ягайло получил корону при условии женитьбы на последней представительнице предыдущей правящей династии Пястов — королеве Ядвиге.

В связи с этим Комедони предложил провозгласить королевой польской и великой княгиней литовской Анну и найти ей среди многочисленных претендентов на польскую корону и литовский великокняжеский венец достойного супруга.

Ягеллонка отнеслась к услышанному довольно скептически. Ведь королева Ядвига, по аналогии с которой ей собирались искать мужа, была юной красавицей. Ее руку предлагать соискателям короны было пристойно. Себя же Анна не считала уже годящейся на роль невесты.

Тем не менее что-то помешало королевне прямо отказаться от предложения своих подданных. Потому что она ответила:

— Что же, раз паны так решили, пусть так и будет. Ищите мне мужа!

Наивная Анна Ягеллонка плохо знала мужчин. Она даже не представляла, на какие жертвы могут пойти некоторые из них ради того, чтобы получить корону. Всего через два месяца после произошедшего разговора королевне поднесли длинный список кандидатов. Анна Ягеллонка читала его, и у нее все больше и больше вытягивалось лицо. Принцы, герцоги, князья, маркграфы, свои и чужие, королевской крови и без наличия в жилах даже капли таковой предлагали последней из Ягеллонов себя в обмен на две короны, назначенные ей в приданое.

Пожалуй, больше всего Анну поразило то, что почти все претенденты на ее руку по возрасту годились ей в сыновья. А некоторые, как, например, сын австрийского императора Максимилиана И, Эрнест, даже во внуки.

Понимая, что ее судьба решится скорее всего без ее участия и вопреки ее личным симпатиям, Ягеллонка все же решила внимательно изучить список женихов, чтобы постараться определить, с кем бы ей было пристойно и приятнее всего предстать перед алтарем.

Многодневные размышления Анны Ягеллонки время от времени прерывали гонцы, доставляющие в замок письма.

В самых изысканных формах делал официальное предложение один из лидеров польских протестантов, воевода краковский Ян Фирлей. По-мужски прямо и немногословно руки Анны просил литвинский магнат, полководец Ян Ходкевич. Приверженцы иноземных претендентов доказывали королевне выгоды от брака с их кандидатами. Но больше всего взволновало сердце старой девы письмо от французского посла Жана Манлюка, в котором он доверительно рассказывал Ягеллонке о прекрасном двадцатидвухлетнем принце Анри Валуа, который, неоднократно слыша рассказы об уме, доброте, чистоте и благородстве польской королевны Анны, хотя и заочно, но страстно влюбился в нее. Он мечтает о том дне, когда сможет повести ее под венец.

Анна Ягеллонка, конечно же, не была настолько глупа, чтобы поверить в страстную любовь к ней молодого французского принца. Но романтический образ его, живо воссозданный хитрым политиком Манлюком в письме, пленил ее, заставил выделить этого претендента из череды других.

Властная королева Франции Катарина Медичи, мать Анри Валуа, так же, как и Бона Сфорца, мать Анны Ягеллонки, была итальянкой. Методы воспитания детей у обеих королев были сходными. Обе мамаши давили всяческую инициативу у своих чад и требовали безоговорочной покорности.

Анна Ягеллонка рассчитывала на то, что одинаковость положения может сблизить ее и французского принца хотя бы духовно (на большее она не смела и надеяться). Королевна постаралась, чтобы всем стало известно, какой выбор сделала она сама. На поддержку кандидатуры француза пошли также немалые деньги из ее сундучка.

После детального обсуждения всех кандидатов в короли будущие подданные Анны Ягеллонки, к ее немалой радости, тоже остановились на кандидатуре принца Анри Валуа. Они сочли выгодным для Королевства Польского и Великого княжества Литовского союз с Францией, безусловно, самой богатой, самой сильной по тем временам европейской державой.

И вот французский принц наконец приехал в Краков короноваться. Но приезд этот страшно разочаровал Анну. Вопреки всем ее тайным надеждам принц не только оказался абсолютно безразличен к ней, своей невесте, но и проявил неслыханную неучтивость. В первую неделю по прибытии он даже не заявил о своем желании нанести королевне визит вежливости. Сухо подтвердив данное от его имени обещание Жана Манлюка жениться на Ягеллонке в течение года после

официального провозглашения его королем, он короновался и начал обживать Вавельский замок.

Кстати, разочарованной поведением французского принца оказалась не только одна Анна. Яростно агитировавшие земляков за Валуа магнаты с удивлением поняли вдруг, что польская корона и литовский великокняжеский венец ему безразличны. Принц просто добросовестно выполнил наказ своей матери-королевы. С детства играя с «хорошеньким сынком» как с куклой, одевая его в девичьи платья, накрашивая ему личико и обвешивая драгоценными украшениями, Катарина Медичи отучила его действовать по собственной воле.

Анри Валуа был очень странным королем. Он вел себя так, как будто бы с ним все еще продолжали играть в переодевания. Сидя на троне, напомаженный, надушенный, с длинной серьгой в ухе, он горделиво поводил головою из стороны в сторону, словно каждую минуту ожидал услышать восторженный шепот подданных, имеющих честь созерцать его: «Ах, какой приятный, какой воспитанный и красивый этот Анри Валуа!» (Так говорили о нем в родной Франции.) Но вот дела державные его вовсе не интересовали. Когда при Анри Валуа подданные его начинали обсуждать какие-либо важные вопросы политики или экономики, новоиспеченный король моментально отключал свое внимание и начинал сосредоточенно изучать узор на шпалерах или лепнину на потолке.

Анна Ягеллонка, которая ревностно приглядывалась к своему суженому со стороны, заметила также, что и женщины Анри будто бы не интересуют. А ведь при королевском дворе было много известных красавиц. Она занялась расследованием и скоро сделала открытие, которое немного объяснило столь странное поведение короля. Он был безнадежно влюблен. Объектом нежных чувств Анри Валуа являлась французская красавица Мари де Клев, жена принца Конде. Впервые Анри обратил на нее внимание 18 августа 1572 года во время свадьбы своей сестры Маргариты Валуа и короля Наваррского (позднее они прославились под именами: королева Марго и король Анри IV). Историческое предание красиво описывает начало большого чувства Анри Валуа к принцессе де Клев.

После одного из быстрых танцев прекрасная Мари решила поменять взмокшую сорочку. Она вышла из танцевальной залы и уединилась в небольшом смежном покое. Он использовался придворными именно для этих целей. Переодевшись, принцесса вернулась на бал. Немного поздней в эту же комнату забежал разгоряченный танцами Анри. Принц схватил что-то белое, брошенное на спинку кресла, и, думая, что это полотенце, начал

вытирать им пот с лица. И вдруг аромат тонких духов, смешанный с запахом молодого женского тела, вскружил голову принца. Анри решил обязательно узнать имя владелицы соблазнительного белья. Это оказалось несложно. На сорочке были вышиты инициалы Мари де Клев.

В скором времени Анри Валуа и принцесса Мари начали встречаться. Но любовь их была платонической. Мадам де Клев считала, что замужняя женщина не имеет права на измену. Возможно, именно неприступность прекрасной француженки и подогревала страсть Анри Валуа.

Когда в 1573 году в Париж прибыло посольство Королевства Польского и Великого княжества Литовского во главе с двадцатичетырехлетним сыном князя Миколая Радзивилла Черного — Миколаем Криштофом Сироткой приглашать Анри на коронацию в Краков, в отличие от своей матери Катарины Медичи, принц счастливым не выглядел. Для него это было ударом, поскольку судьба навсегда разлучала его с любимой.

Из «варварской Сарматии» (так и не иначе называл в своих письмах Анри Валуа Польшу) он слал одно за другим нежные послания любимой женщине. Однажды верные слуги добыли одно для Анны Ягеллонки. И оно рассеяло последние надежды королевны на личное счастье с красивым французом.

Ожидая свадьбу, несчастная Анна теперь уже не пребывала в радостном возбуждении. Она представляла, как стыдно будет ей, пятидесятилетней, идти под венец рука об руку с двадцатидвухлетним мужчиной, не испытывающим к ней совершенно никаких чувств.

К счастью, судьбе было угодно в конце концов избавить Ягеллонку от такой участи.

В июле 1574 года в Краков пришло известие о смерти французского короля Шарля IX, брата Анри Валуа. Перед королем польским и великим князем литовским внезапно забрезжила перспектива получить французскую корону. Но для этого он должен был немедленно выехать во Францию, отказавшись тут от всех титулов и атрибутов власти. Кстати, старая королева Катарина Медичи именно так и советовала поступить своему сыну.

Узнав обо всем, магнаты решились напрямую спросить своего короля, намерен ли он ради французской короны отказаться от чести, оказанной ему поляками и литвинами. Видимо, Анри Валуа было стыдно честно признаться в своих намерениях, а, может, у подступивших к нему с расспросами подданных был уж слишком угрожающий вид.

— Прежде всего я — король Польский. Я вас не покину,— ответил он.

Заметив, что ему не так чтобы сильно поверили, Анри Валуа приказал готовить все к его венчанию с Анной Ягеллонкой.

К немалому удивлению королевны, он даже соизволил нанести ей визит вежливости, во время которого был очень приветлив и учтив. Но что-то все же мешало Ягеллонке поверить в то, что ее брак с французом состоится. В таких делах интуиция обычно не подводит женщин.

На следующий день после посещения невесты Анри Валуа устроил для своих вельмож большой пир. Столы были щедро заставлены изысканными блюдами, слух гостей услаждался веселой музыкой, заставлявшей магнатов то и дело вскакивать и идти с прекрасными паннами в соседнюю танцевальную залу. Но больше всего ясновельможным панам понравилось обилие вин, предложенных королем к столу. Тут были и утонченные итальянские, и воспламеняющие кровь испанские, и прогоняющие меланхолию германские, и веселящие душу португальские, и, конечно же, ароматные, кружащие голову вина из Франции. Магнаты с удовольствием занялись дегустацией. К полуночи весь двор упился так, что многие уже лежали под столом.

И вдруг некоторые из гостей обнаружили, что с ними нет короля. «Пьяный пан — дотошный пан»,— гласит польская пословица. Те, кто мог еще держаться на ногах, пошли по двору искать своего монарха. Но — увы. Он как сквозь землю провалился. От слуг узнали, что, встав из-за стола, Валуа с пятью своими приближенными сначала направился в сокровищницу, затем — на конюшню. Магнаты поняли все.

Тут же была организована погоня за вероломным французом. Удивительно, но этим сильно охмелевшим людям едва не удалось схватить беглеца. Бешеная скачка продолжалась всю ночь и закончилась утром, когда, почти загнав своего коня, Анри Валуа пересек австрийскую границу...

Говорят, в тот день, когда несчастная Анна Ягеллонка узнала о бегстве жениха, ее мудрый наставник и духовник Петр Скарга предрек, что если «его величество пан король не одумается и не вернется с покаянием, небеса его покарают».

Удивительно сбылось это предсказание. Хотя Анри Валуа и получил французскую корону, ставши королем Анри III, счастья ему во Франции не было. Сначала ему довелось пережить смерть любимой Мари де Клев, которую он имел намерение развести с грубым супругом и сделать королевой. Принц Конде так и не дождался наследника — Мари умерла во время родов.

Вторым ударом для Анри Валуа было то, что после смерти Мари — он понял это не сразу и, поняв, ничего не смог изменить — ни одна женщина больше не сумела вызвать в нем не только любви, но даже желания. Король так и не смог оставить потомства.

А в 1589 году Краков и Вильно были потрясены известием, что их неудавшийся государь убит в Париже монахом-фанатиком Жаном Клеманом.

Со смертью Анри III королевская династия Валуа прервалась.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

О том, что возвращает женщине молодость

Когда в 1574 году король Анри Валуа, покинув своих подданных, позорно бежал во Францию, перед поляками, белорусами, литовцами и западными украинцами встал вопрос выбора для себя нового короля. Обязательным условием прошлых выборов, на которых победу одержал французский принц Валуа, была женитьба претендента на корону на пятидесятилетней королевне Анне Ягеллонке. Анри Валуа, короновавшись, не выполнил своих обязательств ни перед державой, ни перед Анной, поэтому энтузиазм магнатов, которые, собственно говоря, и были инициаторами женитьбы Ягеллонки и Валуа, значительно поугас. От новых претендентов на престол уже не требовали, чтобы они обязательно вступили в брак с престарелой королевной.

Новый список претендентов оказался еще более внушительным, чем предыдущий: германский император Максимилиан II, его сын Эрнест, шведский король Юхан III Ваза, его сын Зигмунт, русский царь Иван IV Грозный, его сын Федор, герцог Феррарийский Альфонс, а также огромное количество панов, находящихся в более или менее близком родстве с оборвавшейся династией королей польских, великих князей литовских.

Анна Ягеллонка грустно проглядывала новый список претендентов, рассуждая, «который из них больше достоин чести» стать королем. И вдруг увидела имя князя Семиградского, Стефана (Иштвана) Батория.

— По-моему, у этого претендента меньше всего шансов, — проговорила Анна. — Он не находится в кровном родстве ни с Ягеллонами, ни с любой иной королевской династией.

— Да, ваша милость, — ответили ей. — Но князь Семиградский обещает в случае избрания его на престол породниться с Ягеллонами, вступив с вами в брак.

— Сколько ему лет? — с волнением спрашивает королевна.

И сердце ее радостно заколотилось в груди. Ибо Стефан Баторий оказался всего на десять лет моложе ее. Анна Ягеллонка понимала, что при такой разнице в возрасте муж и жена еще могут рассчитывать на семейное счастье.

Королевна Анна решила сделать все возможное для того, чтобы возвести на престол Стефана Батория. С этой целью она развернула активнейшую деятельность. Писала по два-три десятка писем

каждый день. Не оглядываясь назад, тратила большие деньги, щедро одаривая тех, кто обещал ей помощь. Делами милосердия и благотворительности настраивала в свою пользу простой народ, в результате вокруг Ягеллонки образовалась сильная партия поддержки. Состояла она преимущественно из мелкой шляхты. И несмотря на то, что магнаты склонялись больше в сторону Максимилиана II, на элекционном (выборном) сейме королем был назван большинством голосов Стефан Баторий.

В ожидании своего суженого Анна Ягеллонка поспешила узнать из достоверных источников о его прошлом — оно было впечатляющим. С пятнадцати лет Стефан Баторий находился на военной службе у короля чешского и венгерского Фердинанда I. Сопровождая своего сюзерена в поездке по Италии, поступил в Падуанский университет, который блестяще окончил. Потом был послом трансильванского князя Зигмунда Заполии при дворе Максимилиана II. Когда Германия и Трансильвания разорвали дипломатические отношения, три года удерживался немцами в качестве заложника.

Ягеллонке сообщили, что эти три года не прошли для Батория напрасно. Он использовал их для самообразования. Штудировал труды по мировой истории. А «Записки» Юлия Цезаря даже выучил наизусть. Когда в 1571 году умер князь Трансильвании, его престол получил Баторий.

Венчание и коронация королевской пары произошла 1 мая 1576 года в Кракове. Невеста была такой счастливой, что выглядела значительно моложе, чем была на самом деле. Коронационный портрет Анны Ягеллонки дает возможность убедиться в этом. Совсем не льстит новой королеве неизвестный художник, когда изображает подтянутую, грациозную фигуру, некое кокетство в движениях, лицо почти без морщин и счастливые, полные огня глаза. В ожидании жениха Ягеллонка сотворила с собою чудо. Косметика, диета, сложные водные процедуры, казалось, вернули ей ушедшую молодость. А счастье сделало ее такой привлекательной, какой никогда она даже в юности не была.

Когда король и королева выходили из костела, народ, забыв о том, что Анне пятьдесят три года, встречал ее пожеланиями: «Детей вам, пани королева! В год по одному!»

К сожалению, детей у Ягеллонки и Батория быть уже не могло. Но королю хватало такта не заострять на этом внимание. Хотя, как любому мужчине, ему, вероятно, хотелось иметь наследника.

Стефан Баторий вошел в историю Польши и Беларуси как сильный и справедливый монарх. Он одинаково относился к своим

подданным и в Короне (Польше) и в Княжестве (Великом княжестве Литовском), никого не выделяя по национальному признаку. Обе части федерации были им объявлены равноправными и независимыми. Убежденный католик, воспитанник иезуитов, Баторий, тем не менее, никогда не притеснял подданных-иноверцев. «Я поставлен королем над людьми, а не над их совестью», — часто говорил он. Стефан Баторий провел ряд разумных реформ. Реорганизовал судебную систему. Основал в 1579 году Виленскую академию. И, наконец, сумел завершить в 1582 году десятилетним миром затянувшуюся войну с Московской державой.

Государственные дела отнимали у короля почти все время. Поэтому он, к сожалению, не часто радовал жену своим присутствием в Кракове. То война, то сейм, то дипломатическая встреча...

В 1581 году нервы Анны, которая сильно любила мужа и ревновала его ко всем своим фрейлинам, сдали. Она вдруг заявила, что хочет развестись. Поскольку король не иначе как изменяет ей. Для того чтобы иметь доказательства неверности Батория, Анна подослала к нему нескольких преданных людей. Им нужно было только зафиксировать наличие у короля другой женщины. Даже если б это была служанка или крестьянка и Баторий наведал бы ее только однажды — развод был бы неизбежен. Но не нашли, как ни старались шпионы Ягеллонки, фактов, компрометирующих короля. На удивление всем, Стефан Баторий оказался необыкновенно верным супругом. И, убедившись в этом, Анна Ягеллонка долго молила Бога простить ей ее подозрения.

В 1586 году король Стефан Баторий внезапно умер в Городне. Анна Ягеллонка долго не могла поверить, что его смерть была естественной. По ее приказу несколько опытных медиков провели вскрытие покойного для того, чтобы найти признаки насильственной смерти. Однако вскрытие показало, что король умер от перенапряжения духовных и физических сил: Он слишком щедро расходовал их на благо державы.

Целых десять лет после смерти любимого мужа печально и одиноко готовилась к отходу в небытие королева Анна, последняя из Ягеллонов. Королева умерла в 1596 году, всего за четыре года до начала XVII столетия. Вместе с нею также тихо и незаметно угасало столетие, которое вошло в историю как «золотой век» искусства и культуры Беларуси и Польши.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

О том, как прекрасна невеста в подвенечном платье, прожженном порохом

Во времена короля Стефана Батория, хотя и был он, по свидетельству хронистов «веловеком набожным, рыцарским военным, удачливым, правдивым, праведным» и все силы отдавал на то, чтобы защитить свои города и села от посягательств лихих соседей, южные земли Украины и Беларуси, как и ранее, подвергались частым нападениям крымских татар. И этой беде трудно было противостоять. Ведь татары вели войну совсем не так, как, например, московиты. И крымский хан отнюдь не ставил своей целью завоевание конкретной территории. Татар интересовали пленные. Сами они, будучи скотоводами, почти ничего не производили. Торгуя с Османской империей, за сильных славянских невольников и прекрасных светловолосых невольниц крымчаки получали все, в чем нуждались: оружие, ткани, предметы быта и роскоши, изготовленные лучшими мастерами Турции.

Из года в год татары беспокоили своими набегами украинцев и белорусов. Бурей налетая на славянские города и веси, крымчаки грабили и разоряли их, убивали стариков, детей и слабых, а молодых и здоровых тысячами угоняли в неволю. Крымский порт Кафа, где несчастных продавали в рабство, в народе называли «упырем, что русскую кровь пьет».

Особенно большой бедою татары были для украинских земель — Киевщины, Брацлавщины, Подолья, Волыни, Галичины. С 1450 по 1586 год на эти места только по свидетельству сохранившихся документов было совершено 86 набегов. В действительности же их было гораздо больше.

Много песен, баллад, легенд сложено украинским и белорусским народами о том, как добрые молодцы-витязи проявляли чудеса храбрости, спасая от татарского полона да от турецких гаремов своих невест. Мы же вспомним здесь подлинную историю о невесте, спасшей своего жениха.

В 1577 году в одном из замков князя Константина Василия Острожского в Дубно весело играли свадьбу. Князь отдавал замуж свою родственницу и воспитанницу Беату Дольскую.

Рано осиротевшая дочь князя Романа Дольского была представительницей старинного магнатского рода, получившего

фамилию от названия своей главной резиденции, местечка Дольск, что на Пинщине. Золотоволосая красавица росла под опекой доброго родича Острожского, как нежный сказочный цветок, в окружении любви, заботы и роскоши. Не переставая сожалеть о печальной участи своей племянницы Гальшки Острожской, в судьбу которой он так нелепо пытался вмешаться, князь Константин Василий решил совсем не навязывать Беате Дольской своей воли в выборе спутника жизни. И девушка нашла себе по сердцу суженого. Им стал молодой магнат Соломерецкий, потомок православных князей, получивших имя по своему имению Соломереч недалеко от Минска.

Свадебные торжества были задуманы широко и пышно. Константин Василий не поскупился ни на развлечения, ни на угощение. Ведь недаром же он считался самым богатым человеком на Украине и вполне заслуженно простой люд называл его «некоронованным королем Украины».

Великолепное атласное платье, подаренное им невесте, стоило нескольких деревень. Приглашенные на свадьбу дамы с завистью поглядывали на то, как нежно облегает юный стан Беаты легкая белая ткань, как царственно струится за нею длинный шлейф, как из каждой складочки платья при движении невесты выглядывает маленькая, так похожая на живую, атласная роза.

А ясновельможные паны завидовали Соломерецкому, которому нынешней ночью предстояло заключить в свои объятия юную красавицу.

Все шло своим ходом, продуманно и достойно. Но когда священник в замковой каплице, где должно было состояться венчание молодой пары, задал жениху долгожданный вопрос: «Согласны ли вы...», до слуха присутствующих на церемонии донесся странный шум извне. Тут же была установлена его причина. Не замеченные вовремя в свадебной суматохе и неразберихе, замок окружили татары.

Разгоряченные принятым уже с самого утра вином гости, выхватив сабли, с криком: «Защитим панну млоду!», покинув каплицу, бросились на стены замка и приготовились к бою. Хозяин замка князь Константин Василий начал спешно давать необходимые указания своим людям, чтобы как можно лучше организовать оборону. Ясновельможные пани были уведены священником в самое надежное и безопасное место в замке — потайной зал в подвальном помещении.

Загремели выстрелы, засвистели в воздухе сабли, раздались крики и стоны раненых и умирающих.

Первые штурмы были отбиты. Наступившая ночь дала и нападающим, и обороняющимся временную передышку. Но никто из

защитников Дубно не спал. На рассвете князь Соломерецкий все же решился оставить свое место на стенах замка, чтобы найти и успокоить прекрасную невесту. Каково же было его удивление, когда в потайном зале среди находившихся там женщин он не увидел своей Беаты. Жених кинулся разыскивать ее по всему замку, но тут раздались дикие крики вновь идущих на штурм татар.

Жених отчаянно отбивался от наседающих врагов, но все мысли его были заняты одним. Где сейчас его Беата? Неужели она попала в плен к татарам? Может быть, в это время похитители уже везут ее, связанную, туда, в позорное рабство, в гарем какого-нибудь похотливого паши?

Внезапно в самый разгар боя с замковой башни раздался оглушительный пушечный выстрел. Ядро попало прямо в шатер татарского предводителя и разнесло его на куски вместе с крымчаками-охранниками. Самого хана, спасло лишь то, что в этот момент его не было в шатре.

Хан, как свидетельствуют документы того времени, был поражен меткостью и мастерством пушкаря. Татарин захотел узнать, кто он, тот, который чуть было не отправил его на небеса, к Аллаху. И когда верные люди донесли хану, чью фигуру увидели они на башне рядом с дымящейся пушкой, тот в великом изумлении тут же приказал снять осаду и отступить.

После удачного выстрела, приведшего к такому удивительному и неожиданному результату, защитники Дубно, которые почему-то в сутолоке боя совершенно забыли о находящейся на этой башне старой пушке, тоже обратили взгляды свои в ту сторону. То, что они увидели, потрясло их. Вся в копоти, взлохмаченная, со сбившимся на бок венком, у орудия стояла Беата Дольская и счастливо улыбалась. Один Бог ведает, кто, когда и с какой целью научил эту хрупкую юную девушку артиллерийскому делу. На расспросы о том, зачем она с риском для жизни покинула безопасное убежище и полезла на башню, отважная Беата отвечала, что делала все, что считала нужным для спасения жизни своего будущего мужа.

Когда священник решил продолжить прерванный обряд венчания, невесту подвели к алтарю в платье, пропахшем порохом и прожженном в нескольких местах. Но всем присутствующим на свадьбе в этом одеянии она казалась еще прекраснее, а для жениха своего была еще желаннее.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

О том, как изменивший супруге пан закончил жизнь изменником родины

Если правитель — жестокий тиран, то подданный, изменивший ему, входит в историю как народный герой. Если же государь смел, благороден и справедлив, то вассал, предающий его, действительно достоин церковной анафемы. Именно так печально прославился магнат Григорий Остик.

Его путь к предательству своего короля и своей страны начался с малой и очень личной, на первый взгляд, измены. Остик изменил клятве, данной им у алтаря дочери витебского воеводы Ежи Насиловского, Ядвиге.

Григорий Остик познакомился со своей будущей супругой где-то около 1565 года. К этому времени он, младший сын маршалка королевского Юрия Остика, брат прославившего себя на королевской службе воеводы смоленского Юрия Юрьевича, был уже тридцатилетним мужчиной. Но ни в делах политики, ни в военных баталиях он не отличился. Зато Григорий умел и любил развлекаться. Может быть, молоденькой Ядвиге понравилась щедрость претендента на ее руку, с презрением относящегося к злату и серебру, или ее подкупил его веселый нрав и молодецкая удаль, постоянно демонстрируемая им в кругу друзей, и поэтому она решилась стать его женой. Но скорее всего, по жестоким традициям средневековья, ее отдали замуж, не спрашивая согласия.

Молодая семья поселилась в Вильно, где расточительный Остик, не считаясь со средствами и руководствуясь только одним желанием вызвать зависть у тех, кто его знал, купил шикарнейший дом на главной улице, Великой Замковой.

Но такой поступок вызвал у окружающих скорее негодование, чем действительно зависть. Ведь потратив огромные деньги на виленский дом-дворец, Остик не смог даже с честью исполнить свой дворянский долг — вооружить достаточное количество ополченцев, необходимых королю для защиты Отечества. Позором для рода Остиков стало то обстоятельство, что на призывной пункт под Молодечно от Григория было прислано всего 12 лошадей и 6 ручных орудий. Не спасло положение и то, что Ядвига на деньги, одолженные у родственников (ее приданое полностью уходило на содержание нового дома), добавила к этому количеству еще 8 лошадей и 4 орудия.

Вскоре Григорий, который жил на широкую ногу, оказался вообще под угрозой разорения. Жена пыталась удержать мужа на краю пропасти, но ей не удалось этого даже ради их маленького сына Яна. Упреки и слезы Ядвиги привели лишь к тому, что она стала немилой Остику. И он прогнал ее вместе с ребенком от себя, заявив, что ему нет больше дела до клятвы, данной ей в церкви. Место печальной Ядвиги тут же было занято некоей дамой вольного поведения, имя которой за ее никчемностью даже не сохранилось в документах того времени. Она наряжалась в платья Ядвиги, ездила в ее карете и даже требовала от окружающих называть себя «пани Остикова».

Вместе с веселой и наглой любовницей Остик довольно скоро промотал остатки своего состояния. Когда же карманы его оказались практически пусты, он в силу своего легкомысленно-буйного нрава изыскал самый предосудительный способ для обретения новых средств. Он стал заниматься подделкой документов и печатей. По фальшивым заемным письмам и завещаниям Остик требовал у родственников недавно почивших шляхтичей денег. Когда же те не соглашались, подавал на них в суд. Видимо, очень хороших специалистов имел при себе Григорий Остик, потому что поддельные документы судебные эксперты, как правило, признавали подлинными. В случаях, когда судьи по какой-то причине начинали сомневаться в правомерности вынесения решения в пользу Остика, он нахально совершал наезд на имения тех, с кем судился, и грабил их.

В погоне за деньгами, дающими ему возможность продолжать вести тот же образ жизни, к которому он привык с самой ранней юности, беспутный Григорий после смерти Сигизмунда II Августа предложил Ивану Грозному за определенное вознаграждение сколотить в Великом княжестве Литовском сильную группу поддержки для его сына, царевича Федора, которого предлагал выбрать королем Польским и Великим князем Литовским. Гонец Остика был перехвачен на пути в Москву. Магнатам не понравилась закулисная игра корыстолюбивого Григория. Они собирались призвать его к ответу. От неприятностей спасло Остика только заступничество его старшего, всеми уважаемого брата Юрия.

Но, видимо, тому не следовало помогать Григорию. Младший брат не одумался, и после бегства из Польши короля Анри Валуа вновь затеял переписку с Иваном Грозным, давая понять, что за Ковель и Вельск, если они будут отданы ему в безвозмездное пользование, готов поспособствовать московскому царю стать, теперь уже самому, королем Польским и великим князем литовским. Иван Грозный

отнюдь не обольщался насчет возможностей Остика, но он запомнил имя этого наглого магната.

Черной неблагодарностью отплатил младший брат и памяти Юрия. Когда тот внезапно умер, а было это уже при короле Стефане Батории, Григорий подал в суд на братову вдову, моравскую шляхтянку Магдалену Брамовскую. Эта бездетная молодая женщина по завещанию мужа получила все его имения, и Григорий решил у нее их отобрать. Он заявил, что Магдалена отравила своего супруга, и потому ее надо судить за убийство, а все, что получила она по воле умершего, конфисковать и передать как ближайшему родственнику ему, Григорию. Когда же суд после долгих разбирательств пришел к выводу, что обвинение в отравлении не имеет под собой никаких оснований, Григорий ловко достал откуда-то из-под полы фальшивый документ, где почерком Юрия было написано, будто бы тот занял у младшего брата 20 тысяч золотых. Только что оправданной вдове старшего Остика довелось со слезами на глазах расстаться с большей частью мужниного наследства, чтобы выплатить младшему мифический долг.

Но и этих очень больших денег Григорию хватило ненадолго. И тогда он в местечке Коварске под Вильно организовал подпольный цех по чеканке фальшивой монеты. Некоторое время он счастливо отделывался от наседающих кредиторов, расплачиваясь с ними поддельными деньгами. Но почувствовав однажды, что обманутые начали его подозревать, спешно приказал своим людям убить мастеров-фальшивомонетчиков и уничтожить цех.

В минуты тягостных раздумий, где же в очередной раз добыть деньги, Григорий неожиданно получил письмо от московского посла Нащокина, который предлагал ему встретиться. Чувствуя, что за этим стоит нечто важное, Остик тут же поспешил увидеться с Нащокиным.

Посол передал Григорию грамоту, написанную самим Иваном Грозным. Вспомнив о рьяно предлагавшем ему свои услуги литвине, царь решил использовать его для того, чтобы устранить своего удачливого военного и политического противника — Стефана Батория. Остик, раз уж он не однажды хвастался своим авторитетом среди магнатов Великого княжества Литовского, должен был подговорить их убить своего короля. За это Иван IV обещал им большое вознаграждение. Впрочем, писал царь, больше всех получит за свои услуги сам Остик. В доказательство же своего благоволения к Григорию грозный царь передал ему через Нащокина прекрасного донского жеребца.

Польщенный Остик пообещал выполнить все, чего от него ожидали, втайне думая, что если и не удастся ему организовать

против Стефана Батория целый магнатский заговор, то, наверное, он сможет подкупить кого-нибудь из королевских слуг, чтобы подсыпать яду в королевский кубок.

Но провидению угодно было помешать этим замыслам. Коня, подаренного московским царем, увидел шляхтич Мирский. В нем взыграла зависть и он решил во что бы то ни стало узнать, откуда такой красавец у Остика. Так, благодаря Мирскому, на свет Божий всплыла измена Григория. По приказу Стефана Батория предатель, готовящий покушение на его жизнь, был схвачен и предстал перед судом. Впервые не как обвинитель, а как обвиняемый. Мужество, которого всегда было у этого магната маловато, теперь вовсе покинуло его. Он пытался оправдаться, говоря, что не замышлял ничего против жизни своего сюзерена. Что с Иваном Грозным он связался только для того, чтобы пустыми обещаниями выманить у того денег. И наконец, забыв о дворянской гордости и чести, Остик упал перед судьями на колени, умоляя помиловать его. С негодованием и отвращением смотрели на унижающегося магната все, присутствующие на суде. Во время разбирательств было раскрыто еще несколько преступлений Остика, связанных с подделкой документов. После тщательного обыска в имении Коварск и своеобразной экспертизы удалось найти доказательства того, что тут находился цех фальшивомонетчиков...

Приговор был суров, но справедлив. 18 июня 1580 года на главной площади Вильно предателю и мошеннику Григорию Остику отрубили голову. С эшафота он мог в последний раз кинуть взгляд на свой богатый дом, похожий на дворец, который теперь переходил в государственную казну. Стефан Баторий, как монарх просвещенный и справедливый, постарался сделать все, чтобы предательство отца не запятнало репутации сына. В 1581 году король документально признал Яна Остика непричастным к преступлению отца и отдал ему и его матери часть имений, которые Григорий Остик не успел промотать или заложить. Баторий не скрывал своей симпатии к честной вдове преступника, Ядвиге Насиловской, преданной Остиком так же, как предал тот позднее своего короля. Он не раз приглашал эту женщину ко двору. Но Ядвига была, видимо, слишком требовательна к себе. После того позора, какому подверг ее муж, она не считала возможным для себя появляться в обществе.

Ян Остик, хотя с него и было снято клеймо «сына изменника», тоже оказался довольно щепетильным в вопросах чести. Повзрослев, он жил тихо и скромно в Вильно, стараясь честно выполнять свои служебные обязанности земского судьи. Он даже не захотел жениться. На Яне род Остиков прервался.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

О том, как княжна Вишневецкая победила королеву Марго

Любовь с первого взгляда... Верность на всю жизнь... Мы так часто произносим эти словосочетания, не понимая внутреннего фатального их смысла. И только обращаясь к подлинным судьбам конкретных людей, постигаешь как откровение, что это не просто поэтический вымысел. Это — светлый и ясный огонь, посылаемый избранным, чтобы он согревал всю их жизнь своим теплом и озарял ярким светом путь окружающим.

Любовь с первого взгляда и верность на всю жизнь были дарованы судьбою князю Миколаю Криштофу Радзивиллу Сиротке. Наверное, эти высокие чувства были завещаны ему печальным королем, «польским Ромео» Сигизмундом II Августом.

Говорят, когда в 1552 году Сигизмунд Август в очередной раз навестил Несвиж, где жил самый задушевный из его друзей и самый верный из подданных, Миколай Радзивилл Черный, во время меланхолической прогулки по радзивилловскому замку в одной из комнат увидал король заливающегося плачем трехлетнего ребенка, которого нянька оставила одного, когда тот спал. Гость не поленился пойти и привести к малышу нерадивую женщину и попросил «успокоить сиротку».

«Сиротка» оказался вовсе не сиротой, а старшим сыном и наследником хозяина замка. Тем не менее слово это, произнесенное монархом, как прозвище навсегда прилипло к нему.

В восемнадцатилетнем возрасте молодой князь Радзивилл Сиротка поступил на государственную службу и был назначен Сигизмундом Августом надворным маршалком.

Двадцатичетырехлетний Миколай Криштоф был одним из четырех уполномоченных послов, прибывших в Париж для того, чтобы пригласить на польский королевский и литовский великокняжеский троны французского принца Анри Валуа. А когда новоиспеченный король через год позорно тайком бежал из Кракова, Сиротке довелось везти беглецу во Францию ультиматум подданных: или он немедленно вернется, или Польша и Литва перестанут считать его своим монархом.

При Стефане Батории Миколай Криштоф Радзивилл участвовал в Ливонской войне и во время штурма полоцкого замка в 1579 году был ранен в ногу.

С детства сильно болеющий, князь почувствовал себя еще хуже после полученного ранения. И он дал обет, что если поправится, то совершит паломничество в Иерусалим. Во время этой своей поездки Сиротка вел дневник, который оказался настолько интересен по стилю, форме и содержанию, что когда его издали в несвижской печатне, превратился в своеобразный бестселлер своего времени.

Отважный воин, подающий большие надежды дипломат, блестящий литератор, Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка просто не мог не притягивать к себе взгляды представительниц прекрасной половины человечества. Но годы шли, а несвижский князь оставался неженатым, и благосклонно взгляда его не удостаивалась ни одна из дочерей Евы. Что же было причиной этого? Можно делать только предположения.

Известно, что во время своих поездок в Париж Сиротке доводилось встречаться с самой титулованной из французских красавиц, Маргаритой Валуа. Она была родной сестрой беглого короля Анри и супругой короля Наваррского. Королеву Марго — под таким именем вошла эта женщина в историю — называли «самой прекрасной жемчужиной французской короны».

Неглупая, блестяще образованная и воспитанная брюнетка «с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими, детскими ногами» (так описал позднее в своем известном романе ее Александр Дюма) пленяла воображение многих своих соотечественников.

Иностранцы же, «побывав во Франции, возвращались к себе на родину, ослепленные красотой Маргариты, если им приходилось только повидать ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить».

Маргарита Валуа никогда не ощущала недостатка в пылких поклонниках. Говорят, даже ее родные братья долгое время испытывали к ней чувства, похожие на мужскую влюбленность.

Из-за королевы Марго кавалеры дрались на дуэлях, впутывались в отчаянные политические авантюры, складывали головы на плахах. Она же, говорили, хладнокровно собирала сердца своих погибших любовников и, забальзамировав их, хранила в специальных скляночках в потайных карманах одного из своих платьев, которое, впрочем, никогда ею не одевалось, но всегда висело в шкафу в спальне.

Александр Дюма, который очень подробно изучал исторический материал перед написанием каждого из своих романов и далеко не

всегда ради эффектности сюжета отступал от исторической действительности, писал, что своей учтивостью, умом и мужественной внешностью «любезный сармат» князь Радзивилл заинтересовал французскую красавицу. Но романа между ними не произошло. Зная, что пылкая француженка редко отказывала себе в удовольствии интимных встреч с приглянувшимися ей мужчинами, остается гадать, что же помешало Сиротке отдаться ласкам этой удивительной женщины. Вряд ли он не оценил ее прелестей. Но, может, будучи воистину благочестивым католиком, он не представлял для себя возможным любить чужую жену. А может, ощущал дистанцию между собой и той, в чьих жилах течет королевская кровь? Впрочем, скорее всего слухи о десятках мужских сердец, хранящихся в карманах платья «жемчужины Франции», породили в его душе чувство негодования и протеста, и Сиротка отказался от королевы Марго.

Но как бы там ни было, хорошенькие польки и литвинки имели право по секрету сообщать друг другу, что после встречи с королевой Наваррской Миколаю Криштофу, видимо, ни одна женщина не покажется достойной любви.

Некоторое время можно было подумать, что они, к сожалению, окажутся правы. Но в 1584 году тридцатипятилетний Сиротка внезапно объявил о своем намерении жениться на пятнадцатилетней княжне Альжбете Эуфимии Вишневецкой, в которую, говорят, влюбился с первого взгляда. Этот выбор мог удивить тех, кто знал утонченную натуру Радзивилла. Да и нам, сравнивая сегодня портреты изящной, неукротимо-женственной Маргариты Валуа и Альжбеты Эуфимии, трудно понять, как удалось этой угловатой девочке Вишневецкой одержать в сердце Миколая Криштофа победу над красавицей Валуа.

Альжбета Эуфимия полна, выглядит много старше своих лет. Ее лоб чересчур высок, нос массивен, подбородок тяжел. Она даже не кажется обаятельной. Но, может быть, разгадка притягательности Вишневецкой для Сиротки — вовсе не в ее внешнем виде. Ведь недаром в одной из эпитафий Альжбете Эуфимии безымянный поэт назвал ее «несвижской царицей Савской».

Она стала не только женой, но и другом, и советчиком, и соратником князя. Рожая почти каждый год детей, постоянно находясь «в тягости», молодая княгиня Радзивилл все-таки не позволяла себе опускаться до уровня серой самочки, которую не интересует ничего, кроме своего выводка. Вместе с мужем, задумавшим превратить родовой Несвиж в крупный культурный и научный центр, Альжбета Эуфимия принимает участие в коренной

реконструкции города. Каменный дворец на месте старого, деревянного, роскошный иезуитский костел и монастырь при нем, ратуша, — все то, на что в первую очередь заостряют сегодня внимание туристов в Несвиже экскурсоводы, было построено Сироткой с согласия и по совету жены.

Она поддерживала в своем муже любую прогрессивную инициативу, ее благословением облагорожены лучшие замыслы Миколая Криштофа. Будучи искренне верующей католичкой, Альжбета Эуфимия отождествляла человеческую мудрость прежде всего с храмами и монастырями. Она основала в Несвиже монастырь бенедиктинок — и это был первый на территории Великого княжества Литовского женский католический монастырь.

Княгиня Радзивилл жадно тянулась к знаниям. Множество книг прочла она в замковой и монастырской библиотеках. Ее высказывания не раз удивляли просвещенного Сиротку оригинальностью мысли. Наверное, Альжбета Эуфимия со временем могла бы стать создательницей какого-нибудь полемического богословского труда. Но судьба ее сложилась иначе — княгиня Радзивилл умерла двадцати семи лет от роду.

Ее внезапная смерть поразила Миколая Криштофа. Всю оставшуюся жизнь он носил траур в сердце. Он больше не женился и не изменил памяти спутницы жизни ни с одной другой женщиной.

Князь Радзивилл дал себе слово самостоятельно вырастить и воспитать девятерых детей, подаренных ему Альжбетой Эуфимией. Это было непросто даже для мужчины-магната, который имел в своем распоряжении сотню верных слуг. Потому что самой старшей его дочери, когда мать умерла, было одиннадцать лет. И тем не менее, Сиротка, отдав все тепло своей души детям, смог воспитать и вырастить их.

А кроме них, во имя своей любви к усопшей, взял Миколай Криштоф на воспитание четырех осиротевших племянников: двух мальчиков и двух девочек.

Несвижцы умилялись, видя, как идет в воскресные и праздничные дни с мессы вдовец Сиротка, окруженный со всех сторон, как наседка цыплятами, детьми мал-мала меньше. Ребятишки, свои и чужие, весело гомонят, делятся друг с другом своими впечатлениями, немного шалят и все называют его папой.

РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

О том, что, горько оплакивая жену, иногда стоит кинуть взгляд в сторону ее сестры

Когда умер король Стефан Баторий, польский и литовский престолы занял шведский принц Зигмунд Ваза. После коронации он принял имя Сигизмунда III. Кандидатуру Вазы предложила и поддержала вдова Батория Анна Ягеллонка. Потому что Зигмунд доводился бездетной королеве племянником, был он сыном ее родной и любимой сестры Катажины.

Анна Ягеллонка помогла Сигизмунд у III укрепить власть и найти верных политических союзников как в самом государстве, так и за его пределами. В первую очередь ими стали могущественные князья Радзивиллы и австрийские монархи Габсбурги. Дружбу с последними было решено закрепить браком Сигизмунда III Вазы и принцессы из рода Габсбургов.

У немецких и австрийских монархов всегда были большие семьи. Принцесс у Габсбургов было много. Но Анна Ягеллонка, познакомившись со всеми возможными кандидатурами, выбрала дочь герцога Стирийского Карла, тринадцатилетнюю Анну.

Судя по портрету, она была хорошеньким белокурым созданием. Про принцессу рассказывали, что она набожная, скромная, хозяйственная и очень образованная, знает пять языков: немецкий, испанский, итальянский, латинский и польский.

В 1585 году Ягеллонка написала письмо матери принцессы, Марии Баварской, и поделилась с ней своими мыслями относительно брака Анны и Сигизмунда III. Мария Баварская отнеслась к предложению с энтузиазмом. Трудно отказаться, если ее дочери предлагают польский и литовский престолы. Однако женщина была не уверена в том, что ее муж согласится на это. Карл Габсбург, герцог Стирийский, собирался выдать Анну замуж за своего друга, герцога Лотарингского Генриха I. Ни Марии Баварской, ни принцессе Анне Генрих Лотарингский не нравился. Он был «грубым мужланом, неспособным понять тонкую натуру Анны». Но с упрямым Карлом Габсбургом спорить было невозможно.

И действительно, сваты, посланные «наудачу» Ягеллонкой, вернулись с отказом — Карл Габсбург не любил менять решения. Но они сумели увидеть принцессу и своим рассказом заинтересовали

Сигизмунда III. Король решил не торопиться свататься к другой. И правильно сделал.

В сентябре 1588 года Генрих Лотарингский официально посватался к Анне. Венчание было назначено на осень 1590 года. Но за месяц до свадьбы неожиданно умер отец невесты. И сразу же после окончания срока траура Анна и ее мать разорвали брачный контракт. Генрих Лотарингский попробовал было добиваться своих прав, но у него ничего не получилось. Убедившись в том, что им наконец-то удалось избавиться от навязанного им жениха, Мария Баварская и принцесса Анна снова списались с Ягеллонкой. И уже 13 марта 1592 года принимали у себя посольство Польши и Литвы, которое возглавляли два наиболее могущественных представителя магнатского рода Радзивиллов — маршалок великий литовский Альбрехт и епископ краковский Ежи. Переговоры длились недолго. 3 мая 1592 года в Вене произошло так называемое предварительное венчание Анны Габсбург и Сигизмунда III. Жениха во время обряда заменял Альбрехт Радзивилл. И уже в конце этого месяца Анна Габсбург была коронована на Вавели как жена Сигизмунда III Вазы и королева польская.

Сигизмунд III, которому довелось ждать этого мгновения семь долгих лет, был счастлив. Принцесса Анна оказалась именно такой, какой он ее себе представлял.

17 ноября 1593 года в Швеции умер отец Сигизмунда III король Юхан III Ваза. И шведы позвали к себе молодого польского монарха для того, чтобы вручить ему еще и шведскую корону. Чтобы короноваться вместе с мужем, Анна Габсбург оставила свою новорожденную дочку Анну Марию в Кракове на руках Анны Ягеллонки. И, несмотря на предостережения врачей, которые обнаружили у нее новую беременность, быстро собралась в дорогу. Морское путешествие было трудным и долгим. Внезапно налетел шторм и не затихал несколько дней. Король стал бояться, что вообще потеряет жену. Но страстное желание стать еще и королевой Швеции не позволило Анне Габсбург так нелепо проститься с жизнью. Похудевшая, почерневшая и несчастная прибыла она в конце концов в Стокгольм. Чтобы она могла придти в себя, коронацию пришлось перенести на несколько месяцев.

Когда в конце февраля 1594 года в городе Уппсале совершилась коронация новых шведских монархов, уже никакие хитрости Анны не смогли скрыть от любопытных взглядов подданных то, что очень скоро она снова станет матерью. Королева стыдливо опускала глаза и краснела. Анна Габсбург очень надеялась, что родится сын, наследник трех корон. Но 19 апреля в королевском замке в Стокгольме снова

родилась девочка. Маленькая принцесса Катажина появилась на свет, чтобы всего через несколько дней покинуть его. По всей видимости, виной этому было трудное путешествие королевы.

Пережив смерть ребенка, Сигизмунд III заявил, что в Краков они с женой будут возвращаться уже посуху. Дорога на этот раз заняла три с половиной месяца, почти на полтора месяца больше, чем морская. Но Анна перенесла ее значительно легче.

В ноябре 1594 года король и королева вернулись в Польшу.

И в июне 1595 года Анна Габсбург порадовала мужа и своих подданных, родив крепкого и крикливого карапуза, королевича Владислава Сигизмунда. Но, видимо, свершение этого женского подвига отняло у этой женщины все последние силы. Она рожала еще дважды, но дети тут же умирали. Сама королева ушла из жизни в феврале 1598 года. Ее ослабленный организм не справился с родильной горячкой.

Овдовевший король загрустил. Ему было хорошо с ласковой и спокойной Анной.

На меланхолически-печальное настроение монарха влияло так же и то, что как раз в это время шведы, возмущенные его нежеланием жить в Стокгольме, лишили его короны.

Неуверенностью и душевным смятением Сигизмунда III воспользовалась его теща, Мария Баварская, чтобы предложить ему вместо умершей дочери ее младшую сестру Констанцию.

— У нее такой же характер, как и у покойной королевы, — соблазняли Сигизмунда Вазу посланцы Марии Баварской. — К тому же, Констанция давно уже заочно влюблена в ваше величество. Она так надеется понравиться вам!

Эти слова покорили короля и он позволил уговорить себя. Однако сказал посланцам, что намерен немного подождать. Поскольку влюбчивой Констанции Габсбург едва-едва исполнилось...десять лет.

В 1602 году, через четыре года после разговора с посланцами Марии Баварской, Сигизмунд III наконец объявил о своем твердом намерении вступить в брак с родной сестрой жены-покойницы. Это вызвало бурный протест его подданных. Самыми ярыми противниками союза Сигизмунда Вазы и Констанции являлись канцлер Ян Замойский и ксендз Петр Скарга, духовник королевской семьи. Они предупредили своего монарха, что в глазах народа он будет выглядеть как кровосмеситель и лишится уважения. К выбору короля отрицательно отнесся и папа римский Клемент VIII. Он не запрещал брак совсем, но довольно резко высказался в своем письме к Сигизмунду III относительно «содомских намерений» короля.

И все же, несмотря на это, Сигизмунд Ваза повел под венец Констанцию Габсбург. 11 декабря 1605 года Польша получила новую королеву.

Семнадцатилетняя австриячка сразу внесла диссонанс в отношения короля и его подданных. Простой люд говорил, что эта девчонка «повесилась на шею его величества, как ожерелье из сапфиров», и это именно она виновата в том, что Сигизмунд III стал «содомским королем». Политики не могли простить юной Габсбург утраты Швеции — из-за женитьбы на ней король потерял возможность бороться со шведами за возвращение короны — ведь по законам Швеции запрещались государям близкородственные браки. Женщины, придворные дамы Анны Габсбург, охаивали внешность новой королевы. В отличие от сестры- покойницы она совсем не была красивой. На ее лице резко выделялись знаменитые «габсбургские губы», толстые и грубые. И все удивлялись, чем Констанция покорила Сигизмунда? Шляхта возмущалась нежеланием королевы учить польский и белорусский языки. А некатолики сразу поняли, что Констанция Габсбург — религиозная фанатичка.

В стране начались волнения. В 1607 году даже возникла реальная угроза для Сигизмунда III лишиться польского престола, так же, как он лишился шведского. С большим трудом королю удалось примириться с подданными. Но Констанция Габсбург так и не смогла завладеть сердцами своего народа. Правда, королева вела себя весьма осторожно и демонстративно и не участвовала в обсуждении политических дел. Но подданные ощущали ее руку, ум и волю (а они оказались у этой молодой женщины необычайно крепкими) в ряде решений короля. Особенно в делах религии. Королева способствовала нарастанию католической реакции в Польше, в Великом княжестве. Всячески поддерживала иезуитов. При Констанции Габсбург начались жестокие казни тех, кто сомневался в догмах католического вероисповедания или откровенно поддерживал иноверцев. За это новый папа римский Урбан VIII прислал королеве высшую женскую католическую награду — Золотую Розу. Констанция была главным подстрекателем Сигизмунда III в борьбе за русскую царскую корону.

В ноябре 1618 года, когда в Чехии, Венгрии и Силезии вспыхнуло антигабсбургское восстание, Констанция добилась от мужа и сената согласия на набор в Польше добровольцев для войска своего родственника императора Фердинанда II Гасбурга. Сформированный отряд польских егерей существенно повлиял на подавление восстания.

А в 1628 году под влиянием Констанции Сигизмунд III вошел с флотом Королевства в состав католической армады на Балтике.

Королева родила мужу семерых детей, из которых выжило пятеро. Мать очень своеобразно заботилась об их судьбе. Воспитывала в богобоязни, послушании и почтении к себе. Двух своих сыновей Констанция убедила принять священнический сан, а дочь мечтала увидеть аббатисой. И только политическая необходимость заставила королеву согласиться на ее брак с нейбургским курфюрстом Филиппом Вильгельмом.

Констанция Габсбург, которой удалось за 25 лет совместного с Сигизмундом III правления буквально затерроризировать подданных своей набожностью, умерла в 1631 году в Варшаве. Во время религиозного шествия в праздник Тела Господня королева, чтобы показать всем пример, сама взялась нести одну из храмовых хоругвей. День был жарким, и монархиня получила солнечный удар. Промучавшись два дня, Констанция Габсбург простилась с жизнью.

РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

О том, как будущая святая чуть не ввела в грех два магнатских рода

Одна из самых чтимых на Беларуси святых — благоверная княгиня Софья Слуцкая, последняя представительница рода «рыцарей православия» Олельковичей. Мощи ее покоятся в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе в саркофаге, на котором выбиты Евангельские слова «Счастливы плачущие, ибо утешатся». И сотни страждущих в надежде найти утешение каждый день приходят поклониться им и попросить святую княгиню о заступничестве перед самым грозным и самым справедливым в мире судьей — Господом Богом. Ведь Софья Слуцкая и вошла в историю своей родины как заступница.

Во времена правления короля Сигизмунда III Вазы и королевы Констанции Габсбург в очередной раз сгустились тучи над головами православных Великого княжества Литовского. Их права ущемлялись, священники и ученые-богословы преследовались, храмы закрывались либо становились униатскими. Этому процессу трудно было противостоять мирным путем. А бунты заканчивались кровавыми расправами. И только одной небольшой частичке белорусской территории — Слуцкому княжеству — удавалось сохранить право на свободу вероисповедания.

Случчина оставалась последним оплотом православия, благодаря мужеству и самоотверженности княгини Софьи Олелькович, которая не побоялась противопоставить себя и королю с королевой, и воле папы римского, и политической силе магнатов-католиков.

Возвышенной патетикой проникнуто большинство работ, посвященных этой выдающейся дочери своего века.

Но тема нашей книги — любовь. И поэтому мы постараемся взглянуть на Софью Слуцкую иными глазами. Потому что прежде всего была она молодой очаровательной женщиной, умеющей любить и быть желанной. И именно она однажды чуть не стала причиной «домовой войны» (так раньше назывались кровавые межродовые распри) между двумя прославленными магнатскими семьями — Радзивиллами и Ходкевичами.

Так уж сложилась судьба Софьи Олелькович, что довелось ей расти без родительской любви и заботы. Отец ее, князь Слуцкий Юрий, умер в 1586 году, когда Софье было всего год от роду. А мать, Катажина Кишка, покинула этот мир еще раньше. Получив после смерти

родителей в наследство третью часть родового богатства Олельковичей, маленькая княжна перешла под опеку двух бездетных дядей, младших братьев отца, Александра и Яна Симона. Но очень скоро и они умерли. И тогда девочка, ставшая внезапно наследницей всех богатств Олельковичей, попала под опеку к ближайшим родичам, князьям Ходкевичам. Они увезли Софью в Вильно, приставили к ней лучших воспитателей и нянек и стали от ее имени управлять Слуцким княжеством. Сначала главным распорядителем и опекуном считался князь Ежи Ходкевич. Затем, когда он в 1592 году умер — его брат Героним. Поговаривали, что оба норовили при случае попользоваться деньгами своей воспитанницы, но делали это хитро, и поэтому на воровстве пойманы не были.

Наоборот, Ходкевичи постарались, чтобы за ними закрепилась слава добрых, заботливых опекунов. Так как последняя из Олельковичей, как когда-то до нее несчастная Гальшка Острожская, несмотря на свой нежный возраст внезапно превратилась в самую богатую и потому самую желанную невесту Великого княжества Литовского, они заявили, что не допустят, чтобы участь Софьи оказалась столь же печальной. Они подберут ей молодого, приятного во всех отношениях жениха из самой знатной литвинской семьи, чтобы и слуцкие земли попали в достойные руки, и девушка получила свое право на счастье.

И действительно, Ходкевичи сделали так, как обещали. Едва только Софье исполнилось пятнадцать лет, они подобрали ей жениха — девятнадцатилетнего князя Януша Радзивилла, внука Николая Рыжего. Отца Януша, виленского воеводу и гетмата великого литовского Криштофа Перуна, Героним Ходкевич называл своим лучшим другом.

Жених понравился Софье, а она просто покорила сердце молодого Радзивилла своей детской непосредственностью, чистотой и искренностью. Свадьбу назначили на 6 февраля 1600 года, и молодые стали с нетерпением готовиться к ней. Но внезапно Героним Ходкевич заявил, что брак не состоится. Причину юной невесте не объявили. Впрочем, узнать ее было нетрудно.

Конечно же, не о будущем воспитанницы, как это могло показаться на первый взгляд, думал опекун, выбирая ей в женихи именно Януша. Просто «лучшие друзья» Ходкевича, Радзивиллы, были его кредиторами. Долг был очень велик. Поэтому хитрый Героним и поспешил предложить Слуцкое княжество вместе с рукою его хорошенькой госпожи в качестве компенсации.

Но через какое-то время Героним стал уже жалеть, что так поспешно решил судьбу слуцких земель. Действительное богатство, которое вместе с приданым Софьи переходило теперь к Радзивиллам, во много раз было больше долга Ходкевича. Решив, что он «дешево продал» свою родственницу, Героним попробовал расторгнуть брачный договор. И чувства Софьи его, конечно же, совершенно не интересовали.

Впрочем, чувствами этой обаятельной пятнадцатилетней сироты никто не интересовался с самого раннего детства. Ее кормили, поили, учили, врачевали, наряжали так, как этого заслуживала единственная наследница магната. Но рядом с девочкой не было никого, кто б мог согреть ее своим сердечным теплом.

Может, именно поэтому потянулась Софья искренне, всей душой к Богу, который, единственный, казалось ей, понимает ее.

Неожиданно вошедший в ее жизнь Януш Радзивилл увиделся княжне человеком, который смог бы подарить если не настоящую любовь, то настоящую дружбу. Человеком, посланным ей Богом. Со слезами умоляла Софья своего опекуна не губить ее жизни и позволить выйти замуж за Януша, но Героним был непреклонен.

И, наверное, судьба княжны Олельковичсложилась бы так же печально, как и судьба княжны Острожской, жертвы своего огромного богатства, если бы главным героем драмы оказался не князь Радзивилл. Гордый магнат посчитал, что просто не имеет права прощать кому-либо подобного оскорбления. Януш и его отец подали в суд на Ходкевича. Суд постановил — свадьбе быть! А Героним Ходкевич под угрозой изгнания из страны выплатит обиженной стороне значительную компенсацию.

Решение суда было для Ходкевича подобно удару. Самоуверенный князь не мог себе представить, что кто-то посмеет оспорить его решение в отношении воспитанницы. Масла в огонь подлило и то, что, вернувшись в свой замок после объявления решения суда, Героним обнаружил там пробравшегося без его разрешения к своей невесте Януша Радзивилла. В ярости Ходкевич велел «спустить с лестницы» жениха.

В ответ на это оскорбленный гетман великий литовский Криштоф Радзивилл Перун стал собирать войско, чтобы освободить запертую Ходкевичем в своем замке Софью. На его призыв явились со своими отрядами три сына Константина Василия Острожского, смоленский воевода Абрамович, жмудский каштелян Нарушевич, а также два канцлера: литовский Лев Сапега и коронный Ян Замойский. Привел

своих людей даже курляндский герцог. Собралось шеститысячное воинство.

Узнав, что Радзивиллы готовятся к войне с ним, Ходкевич спешно стал собирать силы для отпора и укреплять виленский замок. Он вооружил тысячу шестьсот всадников и шестьсот пехотинцев, установил на стенах замка 24 пушки. Столица Великого княжества Литовского ощетинилась орудиями, хотя ни одна чужеземная армия ей не грозила.

Король польский и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза не на шутку обеспокоился. Он послал к обеим враждующим сторонам своим послов с призывом помириться, но и Радзивиллы, и Ходкевич только с досадой отмахнулись от советов монарха.

Приближалось 6 февраля — день, когда должно было состояться венчание Януша и Софьи. Были все основания считать, что именно в этот день может и начаться «домовая война». И не желая быть в центре этих опасных событий, горожане заколачивали окна и двери своих домов и, сетуя на судьбу, спешили покинуть столицу.

Униатский митрополит Ипатий Потей призвал католиков и православных вместе с униатами молиться за «ясновельможную княжну Слуцкую». И за то, «чтобы те два дома могучих с миром и хвалою Божей и к радости всех христиан пристойно разъехались».

Все было уже готово к битве. Но вдруг случилось нечто непонятное. Опытный полководец гетман Криштоф Радзивилл Перун неожиданно скомандовал своей армии отступление, так и не начав военных действий.

Историки пытаются объяснить это так: Радзивилл, будто бы, почувствовал, что при таком соотношении сил в боях на тесных и узких улицах Вильно с его стороны будет слишком много жертв. Возможно, так оно и было. Но люди верующие рассуждают иначе. Они говорят, что юная, чистая и добрая княжна Софья, которой казалась отвратительной даже мысль о том, что из-за нее произойдет кровопролитие, обратилась к Богу. Она просила образумить тех, кто стремится к этой войне, или послать ей смерть. Искренняя молитва быстро доходит до небес. И вот Ходкевич с Радзивиллами сели за стол переговоров. При посредничестве хитрого авантюриста Ежи Мнишека, который с его удивительной способностью всегда оказываться там, где плетутся интриги, конечно же, оказался под рукой у Геронима, магнатам удалось, наконец, договориться друг с другом.

Софья стала женой Януша. Они жили так, как многие магнатские семьи в то время. Муж, выполняя свой рыцарский долг перед королем

и державой, участвовал то в одном, то в другом боевом походе. Жена, подолгу оставаясь одна, управлялась с хозяйством и немного скучала.

Но кроме всего этого благочестивая Софья много времени уделяла делам милосердия. Ей доставляло радость раздавать деньги бедным, помогать больным, опекать гонимых единоверцев. Много жертвовала княгиня и на православные монастыри, храмы, поддерживала церковные братства, начала строительство нескольких больниц для бедных, посещала святые места. Беспокоясь о судьбе своих соотечественников, она много и горячо молилась за них. Просила Бога скорее закончить войну, в которой вынужден участвовать и ее муж, и вернуть воинов их семьям. А также укрепить силы единоверцев, православных литвинов, чтобы выстоять в борьбе с наступающим католичеством. Она видела, как людей одной с нею веры насильно делают униатами. Как в бывших православных храмах начинают вести службу по католическим канонам. И ей не однажды становилось страшно от мысли, что такое же насилие могут учинить и над ее Случчиной.

В один из кратковременных приездов Януша Радзивилла домой жена поделилась с ним своей болью.

Любящее сердце всегда способно понять другого. Воспитанный отцом в духе идей Стефана Батория, который считал, что даже король не имеет права вмешиваться в отношения своих подданных с Богом, Януш Радзивилл согласился с Софьей относительно того, что православные белорусы должны получить право возносить свои молитвы в небеса так, как это спокон веку делали их предки. Он пообещал супруге сделать все, чтобы добиться королевского решения о запрещении насильственного присоединения слуцких православных к унии. Януш Радзивилл был рыцарем, слова которого никогда не расходились с делами. И скоро Софья получила королевскую грамоту — документ, который защищал права ее подданных-единоверцев.

Не с этого ли времени она ощутила всю полноту своей любви к Янушу, который стал теперь не только мужем, но и единомышленником? Вскоре к первой радости добавилась и другая: она поняла, что станет матерью. Муж и жена с нетерпением и надеждой ожидали появления дитя. Но счастье их было недолгим.

19 марта 1612 года княгиня умерла при родах. Ребенок также не выжил. Весь Слуцк оплакивал добрую госпожу, вдовец же был неутешен.

Он решил выполнить последнюю волю любимой Софьи и до самой своей смерти защищал завоеванное ими для случчан право на свободное вероисповедание.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вы перевернули последнюю страницу этой книги. Тридцать рассказов о любви из истории Беларуси, прочитанные Вами, — только небольшая частичка огромного пласта исторических знаний.

«А что было дальше?» — возможно, спросите Вы.

История не заканчивается вместе с уходящим веком, даже если он вошел в хроники под названием Золотого.

В XVII и последующих столетиях наши предки возводили города и храмы, выходили с оружием в руках на защиту своих земель, побеждали, иной раз погибали в борьбе с врагами, от души веселились, искренне грустили, рожали и воспитывали детей, которые потом становились гордостью своего народа. И, конечно же, любили друг друга — так, что память о их чувствах, сохранившаяся в песнях, балладах и легендах, дошла до нашего времени, чтобы волновать нас, их потомков и наследников, и вдохновлять на великие свершения.

В том же, что наипервейшее, самое вечное, самое прекрасное из человеческих чувств — ЛЮБОВЬ — была вознесена на такой высокий духовный пьедестал, несомненно огромная заслуга эпохи Ренессанса, Золотого века белорусской истории.

С О Д Е Р Ж А Н И Е